

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал

№ 1–2 (7–8), 2007

Издается с июля 2001 г.

Главный редактор Марина Гутгарц

Редакционная коллегия:

Александр Беца

Семен Глузман

Мридула Гош

Олена Суслова

Редакционный совет:

Александра Абессонова (Украина)

Роберт ван Ворен (Нидерланды)

Инге Генефке (Дания)

Елизавета Джирикова (Россия)

Нино Махашвили (Грузия)

Владимир Пристайко (Украина)

Николай Шульга (Украина)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал

№ 1–2 (7–8), 2007

Издается с июля 2001 г.

Учредитель – Международный медицинский реабилитационный центр
для жертв войн и тоталитарных режимов (МРЦ)

Свидетельство о регистрации КВ № 5163 от 29.05.2001 г., выдано Государственным комитетом информационной политики, телевидения и радиовещания Украины

Адрес редакции: Украина, 04209, Киев, ул. Героев Днепра, 20.
Международный медицинский реабилитационный центр для жертв войн
и тоталитарных режимов (МРЦ).

Для корреспонденции: Украина, 04209, Киев-209, а/я 74.

Контактные телефоны: (38 044) 412–30–94; тел./факс (38 044) 412–00–77.

E-mail: mrc@viaduk.net

Этот проект финансируется Европейской инициативой за демократию и права человека, цель которой — пропагандировать и защищать права человека и основные свободы, поддерживать процессы демократизации и мероприятия по предотвращению и решению конфликтов.

This project is financed by the European Initiative for Democracy and Human Rights to help promote and defend human rights and fundamental freedoms, to support the processes of democratisation as well as measures for conflict-prevention and resolution.

Редакция благодарит за помощь в подготовке этого выпуска журнала *Геннадия Гутгарца*

Перевод с русского *Слава Гордийчук*

Редактор и корректор *Валентина Божок*

Макет *Наталья Погорелова*

Подписано в печать 19.11.07. Формат 60X84/16. Печать офсетная. Тираж 1000.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Международный Благотворительный Фонд «Издательство «Сфера».

Украина, 04101, Киев, пер. Делегатский, 3.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей

ДК № 233 от 07.11.2000 г.

Материалы, опубликованные в журнале, не обязательно отражают взгляды редакции или издателя, если это не оговорено особым образом.

Ни редакция, ни издательство не несут ответственности за любые последствия, связанные с использованием предоставленной в журнале информации.

За достоверность фактов, дат, имен собственных отвечают авторы публикаций.

Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать принятые к публикации материалы.

При перепечатке или другом использовании материалов журнала обязательна ссылка на издание.

© Издательство «Сфера», макет, 2007

Содержание

От редакции	5
ПРОБЛЕМА ЖЕСТОКОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	
Социальные и правовые аспекты	
Жан-Даниель Виньи, Сесилия Томсон. Будущее основных стандартов соблюдения человечности	7
А.А. Гусейнов. Этика ненасилия	31
Дэвид Розенталь. Правовые и технические аспекты борьбы с расизмом в Интернете	46
Исторические аспекты	
Г. Торо. О гражданском неповиновении	55
Медицинские аспекты	
ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПО РАСПОЗНАВАНИЮ И ЛЕЧЕНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У БЕЖЕНЦЕВ	65
Психологические аспекты	
М. Липман. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия	67
Михаил Решетников. Психопатология героического прошлого и будущие поколения	90
Петер Вести и Марианне Каструп. Психотерапия для жертв пыток	99
Советы: как преодолеть стресс	114
Жестокость и беженцы	
Марина Гутгарц. Психосоциальная работа с беженцами	127
Аница Микуш Кос. Работа волонтеров с детьми-беженцами	134
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Берлинский центр лечения жертв пыток (BZFO) Работа с беженцами: Оценочные формы	144

Украинский Хельсинский Союз по правам человека Владимир Яворский. Концептуальные основы нового проекта Уголовно-процессуального кодекса Украины	155
Совет Европы Комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Украины экспертов Совета Европы	161
ДОКУМЕНТЫ И ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
Секретные документы времен Второй Мировой войны	187
Защита жертв вооруженных конфликтов. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (протокол II). Принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года	197
Краткий словарь терминов ненасильственной борьбы для журналистов подготовлен Институтом им. Альберта Эйнштейна	208
Abstracts	216

От редакции

Наша планета очень маленькая. За окном XXI век, а на этой хрупкой планете во многих местах идет сейчас война. Война — это страшно. Она забирает у человека близких, любимых, она забирает родину.

Многие люди оказываются беженцами, спасая свою семью, жизнь своих детей. Так сложно, когда вокруг чужой язык, чужие традиции, праздники, другой климат, другое небо, и так мало понимания и сострадания.

Марина Гутгарц

ПРОБЛЕМА ЖЕСТОКОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Социальные и правовые аспекты

Жан-Даниель Виньи, Сесилия Томсон¹

Будущее основных стандартов соблюдения человечности²

© <http://www.hrighs.ru/text/b15/bul15.htm>

Статья первоначально была опубликована на французском языке в «Review of the International Committee of the Red Cross», декабрь 2000, vol. 82, No. 840, переведена с отредактированного заново английского текста. Редакция бюллетеня «Права человека» благодарит швейцарскую ассоциацию «Дорога свободы» [«The Road of Liberty»] за помощь в организации публикации данного материала, а ее сотрудника К. Ермишина — за научное редактирование русского перевода.

За прошедшие пятьдесят лет характер конфликтов в мире значительно изменился: центр тяжести сместился от международных конфликтов к внутренним, особенно к столь типичным для наших дней ситуациям внутренних беспорядков. Это может быть напряженность или междоусобица; гражданская война или внутренний конфликт, не имеющий постоянных и четко очерченных сторон; спорадически возникающие и угасающие вялотекущие конфликты или ситуации, когда под угрозой оказывается жизнь нации в целом. В таких ситуациях как отдельные гражданские лица — дети, женщины, престарелые, так и целые группы, например, национальные

меньшинства или коренное население, оказываются втянутыми в конфликт не только в качестве более или менее случайных жертв, но и как объекты ударов или инструменты политической борьбы сторон. А сторонами выступают как представители государственной власти — полиция или армия, так и ополчения, вооруженные группы (включая террористов) или национально-освободительные движения. Нарушения прав человека в таких конфликтах разнообразны: тут и взятие заложников, и насилие над женщинами, и этнические чистки, а также любые другие формы дискриминации, и разжигание этнической ненависти отдельными СМИ, и массовые депортации населения, которое при этом лишается пищи и крова, элементарного медицинского обслуживания и доступа к начальному образованию; люди, попавшие в рабство, и дети-солдаты, которые подвергаются насилию и чинят его сами; суммарные казни, похищения, пытки и другие чудовищные нарушения прав человека — гражданских, культурных, экономических, политических, социальных.

Отличительная правовая особенность такого рода внутренних конфликтов, сопровождающихся насилием и нарушениями основных прав человека, — отсутствие очевидным образом применимых международно-правовых норм. Конечно, в подобных исключительных в правовом отношении ситуациях, которые обычно называют «серыми зонами» или «теневыми зонами»³, возможны определенные отступления от общепризнанных норм права прав человека (за исключением неприкосновенных прав, изъятие из которых невозможно)⁴. А общая статья 3 Женевских конвенций и Дополнительный протокол II, применимые к вооруженным конфликтам международного характера, пока еще могут не применяться или не соблюдаться на практике. В ситуации, подобной правовой и политической неопределенности, возникающей на стыке международного права прав человека и международного гуманитарного права, человек оказывается особенно незащищенным от массовых и грубых нарушений его прав со стороны как государства, так и негосударственных образований (прежде всего, вооруженных формирований).

Чтобы компенсировать отсутствие международных средств правовой защиты личности для подобных ситуаций, необходимо безотлагательно выявить основные и применимые во всех ситуациях стандарты соблюдения человечности и свести их в единый свод, отражающий принципы как международного гуманитарного права, так и права прав человека (а также международного права беженцев).

Это должны быть стандарты, применимые всегда, в любых обстоятельствах и к любым субъектам, будь то государственные, межгосударственные органы, неправительственные организации или частные лица.

Формулировка таких стандартов призвана в первую очередь послужить средством просвещения, которое позволит добиться более строгого соблюдения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека и будет способствовать действительному осуществлению на практике принципов этого права благодаря распространению знаний, образованию и специальному обучению всех потенциально причастных субъектов.

Слабые звенья в системе защиты основных прав человека

На протяжении 1980-х годов при обсуждении основных принципов соблюдения человечности в центре внимания находились четыре основные ситуации, в которых правовая защищенность человека была особенно слабой. С этими ситуациями, лежащими на стыке международного права прав человека и международного гуманитарного права, действительно, связано много двусмысленностей, неясностей и даже явных правовых пробелов.

Некоторые страны не ратифицировали соответствующие международные договоры

В тех случаях, когда государство не является участником международных конвенций в области права прав человека и гуманитарного права, применимо лишь обычное право (*jus cogens*), то есть правовая защита личности весьма невысока. Государства имеют право отступать от установленных в международных договорах обязательств по соблюдению прав человека. В случае чрезвычайного положения, которое угрожает жизни нации, если такое положение объявлено официально, государство может воспользоваться возможностью отступления от некоторых обязательств, взятых им на себя в рамках международных договоров о защите прав человека. Нередко случается, что государства официально заявляют об отступлении от этих обязательств и в ситуациях, когда соответствующие условия не выполнены. Во всех таких случаях единственными средствами правовой защиты являются только нормы международного обычного права (*jus cogens*) и те договорные обязательства, отступление от

которых не допускается ни при каких обстоятельствах (как обязательства, перечисленные в ст. 4(2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года). В этих случаях уровень защиты также снижается.

Международное гуманитарное право имеет порог применимости

Нормы международного гуманитарного права не применимы, если масштаб внутреннего конфликта не достиг порога ситуации вооруженного конфликта немеждународного характера, к которому применима общая ст. 3 Женевских конвенций, не говоря уже о ст. 1(2) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, где определено, что Протокол «не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядок, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами». Дополнительные проблемы возникают, когда государство оспаривает применимость общей ст. 3 Женевских конвенций или Протокола II, хотя условия применимости этих положений налицо.

В этих обстоятельствах для защиты прав человека применимы только те положения международных договоров, отступить от выполнения которых невозможно, а также международное обычное право (*jus cogens*), и тем самым уровень защиты личности снижается.

Проблема негосударственных субъектов

В случае возникновения внутренних беспорядков, связанных с применением насилия, стороны, противостоящие государству (например, вооруженные формирования), могут считать себя не связанными международно-правовыми обязательствами, принятыми на себя государством, с которым они сражаются. Это также снижает уровень защиты индивида.

Негосударственные участники конфликта в принципе не признаются ответственными за нарушения прав человека, которые они совершали в мирное время или во время внутренних беспорядков. Действительно, международные договоры о защите прав человека возлагают международно-правовую ответственность за соблюдение этих прав только на государства. Кроме того, государства несут меж-

дународно-правовую ответственность за осуществление всех необходимых мер (например, принятия уголовного кодекса), призванных обеспечить соблюдение этих прав на всей территории, находящейся под его юрисдикцией. Ситуация, когда на территории государства происходят внутренние беспорядки и ответственными за нарушение прав человека оказываются силы, противостоящие государству, не считается исключением из этой нормы.

Однако во время вооруженных конфликтов, будь они внутренними или международными, соблюдать правила, предписанные международным гуманитарным правом, обязаны все стороны. Отсюда следует, что ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права должна возлагаться и на негосударственные субъекты.

Действия международного сообщества в отношении основных стандартов соблюдения человечности

Грубые и неоднократные нарушения основных прав человека, происходящие во время внутренних конфликтов, и очевидное отсутствие международных правовых норм, явным образом применимых в подобных обстоятельствах, привлекло к проблеме основных принципов соблюдения человечности внимание международного сообщества⁵. Многолетние дискуссии на различных международных форумах по поводу концепции основных стандартов соблюдения человечности завершились принятием в декабре 1990 г. «Декларации о минимальных стандартах соблюдения человечности», более известной как «Декларация Турку». Она была подготовлена международной группой экспертов, которые встретились в г. Турку (Финляндии), в Институте прав человека при Университете Академии Або⁶. В 1994 г. была принята новая редакция этой Декларации, учитывающая критические замечания и развитие событий. Сама Декларация представляет собой логическое развитие идей, содержащихся в более ранних инициативах⁷.

Декларация Турку содержит 18 статей.

В ст. 1, 2, 17 и 18 излагаются общие принципы:

- стандарты, применимые в любой ситуации, отступление от которых невозможно, которые относятся к любому индивиду, государственному органу или группе лиц, независимо от их юридического статуса и применение которых никак не влияет на этот статус;

- защитительная оговорка («safety clause») [относящаяся к соотношению данного документа с принятыми ранее международными соглашениями по правам человека и с нормами гуманитарного права]. В ст. 5, 6, 12–15 содержатся принципы, взятые из положений международного гуманитарного права:
- запрет посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность некомбатантов [лиц, не участвующих в боевых действиях];
- соразмерность при использовании силы;
- недопустимость использования запрещенных видов оружия и методов ведения войны;
- запрет терроризировать гражданское население;
- предоставление специальной защиты раненым и больным, уважение к мертвым;
- предоставление защиты медицинскому и религиозному персоналу;
- свободный доступ к гуманитарным организациям.

В ст. 3, 4, 7, 8–11 и 16 содержатся принципы, взятые как из международного права прав человека, так и гуманитарного права

- признание за личностью правосубъектности;
- уважение личности, ее достоинства и убеждений, свободы мысли, совести и религии;
- право на гуманное обращение;
- недопущение действий, запрещенных международным правом: убийств, пыток, сексуального насилия, коллективных наказаний, взятия заложников, мародерства, похищений, намеренного лишения пищи и медицинской помощи;
- соблюдение основных прав задержанных лиц;
- соблюдение норм, применимых в случаях принудительного перемещения лиц, обеспечение права оставаться в собственной стране (но без гарантии соблюдения запрета на высылку [беженцев, законно пребывающих на территории иной страны — *non-refoulement*]);
- право на жизнь;
- право на справедливое судебное разбирательство;
- защита детей, включая запрещение призыва в вооруженные силы или в вооруженные формирования до достижения ими определенного возраста, а также принудительного вовлечения в акты насилия;

- правовые гарантии в случае домашнего ареста, интернирования или административного задержания;
- особая защита прав национальных меньшинств.

В резолюции 1994/26 Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств передала Декларацию Турку в Комиссию ООН по правам человека, чтобы та рассмотрела возможность принятия ее в качестве официального документа.

На следующий год, признавая необходимость выработки принципов, применимых в соответствии с международным правом в ситуациях внутренних беспорядков, Комиссия, тем не менее, приняла решение воздержаться от рассмотрения Декларации Турку и приступить к переговорам о выработке нового международного соглашения⁸. По инициативе пяти государств — членов Скандинавской группы в сотрудничестве с Международным комитетом Красного креста (МККК) и ЮАР в Кейптауне был созван международный семинар экспертов по проблеме основных стандартов соблюдения человечности⁹. В 1997 г. результаты работы семинара были представлены Комиссии. Та в свою очередь приняла решение просить Генерального секретаря ООН после консультаций с МККК подготовить аналитический доклад об основных стандартах соблюдения человечности. Этот доклад должен был на основе опыта заинтересованных сторон (государств, международных договорных органов, международных, региональных и неправительственных организаций) определить, какие общие принципы международного права прав человека и гуманитарного права должны применяться в любых обстоятельствах.

К настоящему времени Генеральный секретарь ООН представил по запросам Комиссии по правам человека¹⁰ четыре аналитических доклада, подготовленных управлением Верховного комиссара по правам человека в 1998, 1999, 2000 и 2001 гг.¹¹ Эти доклады существенно продвинули дискуссию в Комиссии, позволили проанализировать проблему со всех точек зрения, прояснить несколько нерешенных вопросов и выявить определенный набор принципов, которые следует почерпнуть из права прав человека и гуманитарного права.

Наконец, в феврале 2000 г. был организован еще один международный семинар экспертов, который по приглашению пяти членов Скандинавской группы работал в Стокгольме (Швеция). В том

же году его результаты были представлены Комиссии по правам человека¹². В резолюции 2000/69 Комиссия постановила принять доклад во внимание и отметила полезность усилий по определению основных стандартов соблюдения человечности, которые в соответствии с международным правом могли бы применяться в любых обстоятельствах. Комиссия обратилась также к Генеральному секретарю ООН с просьбой подготовить после консультаций с МККК доклад, отражающий развитие ситуации в данной области. Кроме того, в целях содействия выработке основных стандартов соблюдения человечности Комиссия пригласила представителей международного сообщества обсудить на соответствующих форумах проблемы мер, обеспечивающих правовую защиту индивида в любых ситуациях.

В 2001 г. на 57-й сессии Комиссия по правам человека в резолюции 2001/112, принятой без голосования, обратилась к Генеральному секретарю ООН с просьбой подготовить к 58-й сессии Комиссии после консультаций с МККК следующий доклад, который бы отражал развитие событий данной области. Одним из таких важных событий, было принятие Комитетом по правам человека в 2000/2001 гг. второго Общего комментария к ст. 4 МПГПП, которое завершило работу (Комитета) над перечнем тех положений МПГПП, отступление от которых невозможно. Закрепленные этими статьями права стали важным источником для выявления основных стандартов соблюдения человечности (см. ниже раздел «Потенциальные источники основных стандартов соблюдения человечности», подраздел «Второй источник»).

Перспективы основных стандартов соблюдения человечности: возможные действия

Ситуация на конец 2001 г.

Хотя резолюция Комиссии по правам человека об основных стандартах соблюдения человечности имеет 24 соавторов¹³, следует признать, что с 1995 г. никакого прогресса в этом вопросе в Комиссии не наблюдалось. Наряду с уже упоминавшимися трудностями здесь сыграло роль и то обстоятельство, что в мире слишком мало НПО, способных оказывать в этом вопросе давление на свои правительства, а многие государства, столкнувшись с серьезными проблемами вследствие внутренних беспорядков, противятся принятию основ-

ных стандартов соблюдения человечности. Причем если Комиссия по правам человека не спешит с принятием новых, применимых в любых ситуациях стандартов международного права потому, что боится, что они понизят уровень защиты по сравнению с нынешним, то эти государства просто предпочитают пользоваться выгодами, проистекающими из отсутствия юридической и политической ясности. Они не хотели бы давать в руки международному сообществу текст явным образом применимых к ним стандартов соблюдения человечности, на который это сообщество могло бы ссылаться в шекотливых для государств ситуациях, тем самым препятствуя операциям сил безопасности и открывая дополнительные возможности для критики этих государств. Более того, государства опасаются, что признание международно-правовой ответственности негосударственных субъектов, в частности, национально-освободительных движений, за какие-то их действия, совершаемые в ходе конфликта, может означать какую-то форму их политического признания на национальном и международном уровне и за рамками вооруженного конфликта, как он определяется в международном гуманитарном праве (до сих пор государства были готовы признать за негосударственными субъектами статус стороны в конфликте исключительно в рамках норм международного гуманитарного права, закрепленных в общей ст. 3 Женевских конвенций, Дополнительном протоколе II и ст. 1(4) Дополнительного протокола I).

Практическая потребность в основных стандартах соблюдения человечности у гуманитарных и правозащитных организаций на местах

При всех трудностях, с которыми сталкивается в Комиссии ООН по правам человека обсуждение вопроса об основных стандартах соблюдения человечности, многие организации, непосредственно работающие в данной сфере, признали практическую необходимость разработки таких принципов.

В условиях вооруженных конфликтов многие заинтересованные организации подходят к рассматриваемой здесь проблеме чисто практически. Так, в 1999 г. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) опубликовало *Справочник по международному гуманитарному праву и правам человека для координаторов по гуманитарным вопросам, работающих в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера* [*An easy reference to*

International Humanitarian Law and Human Rights Law for humanitarian coordinators operating in situations of internal armed conflict]. Кроме того, Международный комитет Красного Креста опубликовал «*Fundamental rules of international humanitarian law applicable in armed conflicts*» [Основные положения международного гуманитарного права, применимые в условиях вооруженных конфликтов], в котором излагается суть Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним¹⁴.

Некоторые из международных организаций, занятых практической деятельностью в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера или внутренних беспорядков, отреагировали на перечисленные проблемы чисто прагматическим образом: на основе тех норм гуманитарного права и права прав человека, которые применимы ко всем лицам и ситуациям, связанным с их практической работой, они самостоятельно выработали основные принципы «хорошего поведения». В приводимом ниже списке, не претендуя на полноту, эти документы носят названия Основных правил (для полевых операций), Соглашений, Меморандумов о взаимопонимании, Принципов или Кодексов поведения. Их появление — свидетельство того, что составители этих документов осознают необходимость иметь под рукой набор положений, которыми можно было бы руководствоваться в практической работе. Это наглядно подтверждает, что усилия Комиссии по правам человека по выработке таких принципов отвечают насущным практическим потребностям.

Ниже в качестве иллюстрации перечисляются некоторые из таких документов:

Бурунди (1994 г.): Declaration on norms of humanitarian behaviour — minimum humanity in a situation of internal violence [Декларация о нормах гуманитарного поведения — минимальные требования к соблюдению человечности в условиях внутренних беспорядков].

Либерия (1996 г.): Principles and Protocols for humanitarian operation [Принципы и протоколы для гуманитарной миссии].

Сомали (1998 г.) Agreement destined to outline the responsibilities and basic principles governing the activities and relationships between UN operational agencies, its partners and local authorities de facto [Соглашение об определении ответственности, основных принципах деятельности, а также отношениях между оперативными агентствами ООН, их партнерами и местными властями de facto].

Сьерра Леоне (1998 г.) Code of Conduct for humanitarian assistance [Кодекс поведения при оказании гуманитарной помощи].

Афганистан (1998 г.) Memorandum of understanding between the Islamic State of Afghanistan and the United Nations [Меморандум о взаимопонимании между Исламским государством Афганистан и Организацией Объединенных Наций].

Судан (1999 г.) Agreement on ground rules, concluded between the SPLA (Sudan Peoples Liberation Army) and Operation Lifeline Sudan (OLS) [Соглашение об основных правилах, заключенное между Суданской народно-освободительной армией и «Линия жизни — Судан»]; Agreement on the implementation of principles governing the protection and provision of humanitarian assistance to war affected civilian populations, concluded between the governmental authorities, the SPLA and the OLS [Соглашение о соблюдении принципов защиты и оказания гуманитарной помощи пострадавшему от войны гражданскому населению, заключенное между правительством, Суданской народно-освободительной армией и организацией «Линия жизни — Судан»]; Minimum operational standards for rail corridors and cross-line road corridors and OLS Security Protocol between the same three parties [Минимальные рабочие стандарты по железнодорожным коридорам и местам перехода линии фронта и Протокол о безопасности, заключенный организацией «Линия жизни — Судан» между тремя сторонами конфликта].

Демократическая республика Конго (ДРК) (1999 г.) Principles of engagement for emergency humanitarian assistance, concluded between the Government of the DRC, the «Rassemblement Congolais pour la Democratie» and the agencies of the United Nations [Принципы деятельности по оказанию экстренной гуманитарной помощи, установленные между правительством ДРК, Конголезским объединением за демократию и агентствами ООН]. Ангола (1999 г.) Operational criteria for the implementation of humanitarian assistance programmes [Рабочие критерии выполнения программ гуманитарной помощи].

Восточный и Западный Тимор (1999 г.) Humanitarian Framework [Основы гуманитарной деятельности].

Российская Федерация (1999–2000 гг.) Memorandum of understanding between the UN and the Government of the Russian Federation on humanitarian action in the Northern Caucasus [Меморандум о взаимопонимании между ООН и РФ по поводу гуманитарной акции на Северном Кавказе] и Operational agreement between the World Food

Programme and the Ministry of Russian Federation for civil defence, emergencies and the elimination of consequences of natural disasters [Рабочее соглашение между Всемирной продовольственной программой и МЧС Российской Федерации].

Являются ли подобные практические документы, подготовленные непосредственно на местах, реальной альтернативой официальному своду норм, которые должны быть выявлены и кодифицированы в рамках работы, начатой Комиссией по правам человека? Краткий анализ десяти взятых в качестве примера документов позволит ответить на этот вопрос. Ниже эти документы будут проанализированы по трем критериям: характер отражаемой в них ситуации; субъекты, чья деятельность регулируется документами (правительство, межправительственные и неправительственные организации) и применяемые стандарты.

Описанные ситуации: все десять текстов представляют собой документы ad hoc, т.е. специально разработаны для конкретных ситуаций с учетом их особенностей и рассматривают оказание гуманитарной помощи в условиях чрезвычайной ситуации: международного вооруженного конфликта или вооруженного конфликта немеждународного характера, внутренних беспорядков, стихийных бедствий. При этом большинство из них связано именно с ситуацией вооруженного конфликта или беспорядков.

Партнеры/участники: эти документы представляют собой результаты соглашений, с одной стороны, между межправительственными организациями — агентствами ООН, действующими на местах (самостоятельно или совместно с другими гуманитарными агентствами) и правительственными органами, органами власти de facto, на местах или негосударственными субъектами — с другой. В соглашениях участвуют одновременно государственные и негосударственные субъекты.

Применяемые стандарты: документы выработаны в расчете на задачи оказания гуманитарной помощи. Они делают основной упор на право гражданского населения получать гуманитарную помощь и право гуманитарных организаций на доступ к тем, кому они эту помощь оказывают, а также на обязательства самих гуманитарных организаций соблюдать определенные принципы, такие как гуманность, нейтралитет, беспристрастность, независимость, пропорциональность [помощи, оказываемой различным сторонам], открытость, ответственность, координация действий и солидарность организаций

друг с другом. Сфера действия этих соглашений охватывает тех, кто предоставляет помощь, и других субъектов, имеющих то или иное отношение к осуществлению программ помощи, а соблюдение прав человека рассматривается прежде всего как необходимое условие для успеха таких программ. Действия по защите прав человека в рамках таких соглашений могут колебаться в диапазоне от пассивной регистрации соблюдения прав человека до активных «профилактических» мер по защите этих прав. Эти документы возлагают на правительственные власти и на негосударственные образования одни и те же гуманитарные обязательства: заботиться о гражданском населении и удовлетворять его основные потребности (в медицинской помощи, продовольствии, образовании и проч.). Участники конфликта должны также заботиться об обеспечении безопасности гуманитарных агентств и помогать им в оценке потребностей населения, распределении помощи и надзоре за осуществлением гуманитарной деятельности.

Правительственные органы несут главную ответственность за соблюдение гражданских прав населения и, в особенности, уязвимых групп (женщин, детей, меньшинств, перемещенных лиц, заключенных и т.п.). Применительно к негосударственным субъектам соглашения ссылаются главным образом на обычное право человека. Перечень основных прав гражданского населения основывается на правовых актах универсального характера¹⁵, источниках международного гуманитарного права¹⁶ и международного права прав беженцев¹⁷, на других договорах, а также на документах, не имеющих обязывающей силы. Во всех соглашениях специально упоминается о следующих правах получателей гуманитарной помощи: о праве на безопасное и достойное существование, праве на удовлетворение основных потребностей, праве получать гуманитарную помощь без дискриминации и в соответствии со своими основными потребностями, праве людей принимать участие в касающихся их гуманитарных акциях, праве на эффективную защиту прав в суде и праве на защиту от принудительного перемещения.

Общая оценка: главное значение десяти этих документов в том, что они убедительно показывают, как важна для практических работников на местах возможность ссылаться в своей деятельности на фундаментальные нормы соблюдения человечности. Начатая по инициативе Комиссии по правам человека многосторонняя работа по выявлению таких норм по-прежнему сохраняет свою важность: ведь

эти десять соглашений не отвечают всем критериям, которым должны соответствовать базовые стандарты соблюдения человечности, поскольку они применимы не во всех ситуациях и не ко всем субъектам (или партнерам). Кроме того, список норм, содержащихся в этих соглашениях, далеко не полный по сравнению с теми нормами, которые были включены в Декларацию Турку еще в 1990 г., и с теми, которые можно обнаружить в нескольких источниках, отражающих недавние события на международной арене.

Потенциальные источники базовых стандартов соблюдения человечности

В качестве основы ведущегося сегодня поиска и кодификации базовых стандартов соблюдения человечности можно использовать несколько источников.

Первый источник. Общеизвестно, что создание международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, в особенности принятие в 1998 г. Устава Международного уголовного суда (МУС) решительным образом повлияло на соблюдение прав человека и положений гуманитарного права на международном уровне. Поскольку преступления, предусмотренные Уставом МУС (пока еще не вступившим в силу), составляют противоправные деяния в соответствии с международным правом, — список этих преступлений дает возможность выявить те права, которые пользуются защитой в рамках права прав человека и гуманитарного права и которые должны соблюдаться при любых обстоятельствах.¹⁸ Примером такого преступления является геноцид¹⁹ и преступления против человечности²⁰, — отсюда следует важность Устава МУС для определения основных стандартов соблюдения человечности. Особенно важным источником стандартов соблюдения человечности могла бы стать ст. 7 («Преступления против человечности») Устава, однако следует учитывать, что статья перечисляет не сами права, а виды их нарушений.

Кроме того, Устав Международного Уголовного Суда впервые на международно-правовом уровне предусматривает индивидуальную уголовную ответственность для негосударственных субъектов, рассматривая в качестве преступлений и действия отдельных лиц или групп лиц: до сих пор считалось, что по самой природе подобных действий международно-правовую ответственность за них должны нести представители государства или третья сторона, действующая

с согласия или при попустительстве этих представителей²¹. Таким образом, МУС возлагает ответственность и на негосударственных субъектов за совершение в военное или мирное время актов геноцида, преступлений против человечности, а также военных преступлений в ходе международного вооруженного конфликта или вооруженного конфликта немеждународного характера.

Второй источник. Важную роль в выявлении основных стандартов соблюдения человечности может сыграть ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, в которой перечислены права, нарушение которых не может быть допущено ни при каких обстоятельствах²².

Комитет по правам человека ООН подготовил вторую версию Общего комментария к ст. 4 Пакта²³ и список обязательств, отступления от которых не допускаются. Так, например, запрет на «дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения» или гарантия того, что любое лицо, заявляющее о нарушении какого-либо из прав, гарантированных Пактом, всегда должно будет располагать эффективным средством судебной защиты на национальном уровне, как того требует ст. 2(3а) Пакта. В этой связи нужно отметить, что Комитет по правам человека рассматривает право на справедливое судебное разбирательство (или по крайней мере существенные элементы этого права) как гарантию, отступление от которой невозможно постольку, поскольку только таким образом можно обеспечить контроль за соблюдением других гарантированных при любых обстоятельствах прав. Это право должно быть гарантировано и в случае внутренних беспорядков, как оно гарантируется в мирное время ст. 14 Пакта, а во время вооруженных конфликтов — Женевскими конвенциями (в данном случае, например, ст. 71 четвертой Женевской конвенции и ст. 75 (4) протокола I, ст. 6 Протокола II, а также ст. 8(2) пункт с), подпункт iv) Статута МУС.

Кроме того, как предусматривает ст. 4(1) Пакта, любое возможное отступление от обязательств по данному Пакту не должно противоречить другим международно-правовым обязательствам государства. В настоящее время Пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин и Конвенция о рабстве не содержат положений, допускающих отступле-

ние от положений этих документов в каких бы то ни было ситуациях, включая и внутренние беспорядки.

С нашей точки зрения, очевидно ясная юридическая ситуация, описанная выше, позволяет сделать вывод, что зафиксированные в этих документах права могут послужить важным источником основных стандартов соблюдения человечности. Возьмем в качестве примера Конвенцию о правах ребенка. В соответствии с точкой зрения Комитета ООН по правам ребенка²⁴, эта конвенция²⁵, за исключением статей, которые сами содержат определенные ограничительные условия²⁶, а также ст. 38, касающейся участия детей в вооруженных конфликтах, применима к любым ситуациям. Факультативный протокол к Конвенции, касающийся положения детей во время вооруженных конфликтов, по-видимому, также применим в любых обстоятельствах, за исключением особых положений, относящихся к участию детей в военных действиях²⁷. Кроме того, ст. 4(1) Протокола прямо относится и к вооруженным группам.

Можно также задаться вопросом, к каким же выводам, с точки зрения возможности отступления от обязательств, придет Комитет в связи с тем фактом, что некоторые существенные положения Пакта не могут быть предметом оговорок, как об этом говорится в параграфе 8 Общего комментария 24(52), подготовленного тем же самым Комитетом.

Третий источник. Еще один важный источник, из которого можно почерпнуть основные стандарты соблюдения человечности, — общая ст. 3 Женевских конвенций и Дополнительный протокол II к Конвенциям, применимые к вооруженным конфликтам международного характера, а также обычные нормы международного гуманитарного права. Учитывая тот факт, что многие положения международного гуманитарного права представляют собой кодификацию обычного права, исследование обычного гуманитарного права, опубликованное Международным комитетом Красного Креста в 2001 г. по поручению XXVI Международной конференции Красного креста и Красного полумесяца в 1995 г., должно дать более ясное понимание того, какие именно нормы применимы к вооруженным конфликтам международного характера и в каком объеме общая ст. 3 Женевских конвенций и Дополнительного протокола II применима к ситуациям, возникающим в ходе таких конфликтов.

Четвертый источник. Еще одним источником для выявления основных стандартов соблюдения человечности — Руководящие

принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны, представленные в 1998 г. Комиссии по правам человека Специальным представителем Генерального секретаря по вопросам, касающимся перемещенных лиц²⁸. Руководящие принципы сводят воедино нормы международного права прав человека, гуманитарного права и правовые нормы, относящиеся к беженцам. Причем все они применимы ко всем лицам во всех ситуациях, включая и внутренние беспорядки.

Пятый источник. Еще один возможный источник — принятая 14 октября 1998 г. в Стамбуле Декларация Международной организации труда (МОТ) об основополагающих принципах и правах в сфере труда. Основной раздел этой декларации представляет собой простую и ясную формулировку четырех основных принципов, на которых основаны восемь Конвенций МОТ, а именно Конвенций 29, 87, 98, 100, 105, 111, 138 и 182. Эти принципы сводятся к свободе профсоюзного движения, признанию коллективных переговоров, устранению дискриминации на рабочем месте и в профессиональной деятельности, запрещению всех форм насильственного и принудительного труда, полной ликвидации детского труда (только два последних принципа имеют прямое отношение к основным стандартам соблюдения человечности).

Предлагаемый план действий

Как видно из резолюции Комиссии по правам человека № 2000/69, процесс выявления основных стандартов соблюдения человечности во многом опирается именно на перечисленные выше источники. Чтобы ускорить этот процесс, небольшая группа экспертов по гуманитарному праву и праву прав человека, в которую вошли бы представители государств, поддерживающих идею выработки международно признанных стандартов соблюдения человечности, представители Управления Верховного комиссара по правам человека, Международного комитета Красного Креста, а также академических кругов и неправительственных организаций, могла бы встретиться, например, в Женеве, где размещается Комиссия по правам человека. Целью такой встречи могло бы стать выявление в корпусе международного права и сведение воедино таких основных стандартов соблюдения человечности, которые могут применяться равно во время вооруженных конфликтов и беспорядков и в мирное время, в любой ситуации, по отношению к государствам, межправительствен-

ным органам и негосударственным субъектам, а также по отношению к индивидуальным лицам; таким образом, устранив двусмысленности и неясности, вызванные очевидным отсутствием норм международного права с ясной сферой применимости, можно было бы справиться с проблемами, которые возникают сейчас в защите индивидов в ситуациях внутренних беспорядков.

Метод, который мог бы использоваться для идентификации основных стандартов соблюдения человечности, — компиляция и анализ норм международного права прав человека и гуманитарного права (а также права, относящегося к беженцам) с целью создания общей схемы подобных стандартов, способных обеспечить правовую защиту личности в любое время и в любых обстоятельствах. С юридической точки зрения, анализ стандартов должен частично основываться на дедукции: нормы, применимые в мирное время в тех ситуациях, которые охватывает, например, ст. 4 Пакта о гражданских и политических правах, сопоставляются с нормами общей ст. 3 Женевских конвенций и с Дополнительным протоколом II к этим конвенциям; эти документы определяют и минимальные обязательства по защите личности во время вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Как только сами принципы будут выделены и отобраны, государства в разных регионах мира, поддерживающие введение основных стандартов соблюдения человечности, могли бы выступить с заявлениями политического характера, в которых выразили бы свое отношение к документу, подготовленному международной группой экспертов, и в соответствующей форме довели бы свое мнение до сведения Комиссии по правам человека. Сами принципы могли бы стать предметом обсуждения на форумах, посвященных усилению правовой защиты личности в любых ситуациях, с тем, чтобы дать толчок процессу принятия основных принципов соблюдения человечности, как предусмотрено в резолюции 2000/69.

Организационной основой такой деятельности могла бы стать группа стран из числа тех, которые вошли в группу Lysoen по проблемам безопасности человека (эта группа создана 13 мая 1998 г. по инициативе Норвегии и Канады). В настоящее время группа насчитывает 13 членов: помимо двух упомянутых стран Австрия, Чили, Греция, Ирландия, Иордания, Мали, Нидерланды, Сенегал, Словения, Швейцария, Таиланд и Южная Африка в качестве наблюдателя. Цель этой группы — проработка на международном уровне

важных проблем безопасности человеческой жизни (участников группы, в частности, интересуют негосударственные субъекты, дети-солдаты, международное гуманитарное право, Международный Уголовный Суд, стрелковое и легкое вооружение, противопехотные мины).

Заключение

В ситуациях внутренних беспорядков, уровень защиты, предоставляемый индивиду международным правом, ниже, чем в ситуациях вооруженных конфликтов, а также в мирное время. Принятие основных стандартов соблюдения человечности могло бы изменить это положение.

Основные стандарты соблюдения человечности, лежащие на стыке международного права прав человека и гуманитарного права (откуда их и можно почерпнуть), призваны повысить защищенность индивида, устранив все правовые неопределенности, характерные сегодня для внутренних беспорядков. Введение стандартов в данной сфере отражает объективную взаимодополнимость этих двух областей международного права, имеющих своей целью охрану человеческого достоинства, сближение и взаимодействие этих отраслей права при всех различиях между ними в их происхождении, природе и содержании²⁹. Основные стандарты соблюдения человечности, с одной стороны, должны вобрать в себя неотъемлемые права человека, которое государство обязано соблюдать и защищать, а с другой — правила поведения, которых должны придерживаться все стороны во время вооруженных конфликтов.

Несмотря на различие в подходах, между международным гуманитарным правом и правом прав человека существует связь. Это особенно наглядно проявляется во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, когда применима общая ст. 3 Женевских конвенций и основные статьи Дополнительного протокола II, положения которых почерпнуты из права прав человека. Это относится также к положениям, которые применяются всегда, таким как гарантии прав, не допускающие отступления, а также, возможно, основные положения специальных конвенций, защищающих права человека, таких как Конвенция о правах ребенка и Факультативный протокол, касающийся вовлечения детей в вооруженный конфликт, а также ст. 6 (преступление геноцида) и 7 (преступления против человечности) Устава Международного уголовного суда.

Как следует из этих примеров, можно выработать язык, общий для права прав человека и гуманитарного права, взяв за основу принципы, извлеченные из обеих этих отраслей права и применимые всегда и ко всем субъектам, государственным, межгосударственным или негосударственным, а также к отдельным лицам. Эту задачу следует поручить небольшой группе международных экспертов, о которой мы уже писали в разделе, посвященном предлагаемому плану действий.

Отобранные и собранные в едином документе основные стандарты соблюдения человечности должны быть переданы на рассмотрение Комиссии по правам человека ООН, которая должна выразить поддержку этому документу, а затем широко распространить его среди государств, негосударственных образований, полевых работников, международных организаций и институтов³⁰, НПО и СМИ. Основные стандарты будут прежде всего служить средством распространения знаний, позволят повысить соблюдение и стимулировать применение норм международного гуманитарного права, права прав человека и законов, защищающих права беженцев³¹.

Примечания

- ¹ Жан-Даниель Виньи (*Jean-Daniel Vigny*), Посланник постоянного представительства Швейцарии при международных организациях в Женеве, отвечающий за вопросы прав человека. Сесилия Томсон (*Cecilia Thompson*), политолог, международный консультант и бывший сотрудник Управления Верховного комиссара ООН по правам человека.
- ² Здесь и далее термин «человечность» понимается в том смысле, какой придается ему в понятии «преступления против человечности» в официальных русских переводах международно-правовых документов, например, Статута Международного Уголовного Суда. — **Ред.**
- ³ A. Eide, A. Rosas, T. Meron «Combating lawlessness in gray zone conflicts through minimum humanitarian standards» [Минимальные гуманитарные стандарты как средство борьбы с беззаконием в ходе конфликтов, относящихся к «серым зонам»], A.J.I.L., Vol. 89, 1995, p. 215–223.
- ⁴ Международные договоры по правам человека (в основном речь идет о двух международных пактах 1966 года — Пакте о гражданских и политических правах) и Пакте об экономических, социальных и культурных правах), в принципе, применимы в любых условиях, в том числе — хотя подчас и не полностью — в ситуациях внутренних волнений, связанных с применением насилия. В случаях вооруженного конфликта, кроме этих пактов, в силу вступают Женевские конвенции о защите гражданского населения во время войны и два дополнительных протокола к ним.

- ⁵ Слово «стандарты», которое с 1990 г. появляется в документах ОБСЕ, касающихся человеческого измерения, используется в связи с идеей не создавать новых положений международного права, но просто выделить и сгруппировать нормы и принципы, которые лежат в основе существующих положений международного права. Следует отметить, что в документах ООН (в решениях Комиссии по правам человека и докладах Генерального секретаря) английское слово «стандарты (standards)» ошибочно переведено французским словом со значением «правила (rules)». В отличие от «минимальных стандартов» (minimum standards), выражение «основные стандарты» (fundamental standards) используется для обозначения такого уровня защиты индивида, который обеспечивает удовлетворение основных его потребностей. Таким образом удается избежать риска сведения уровня защиты к минимально допустимому порогу и тем самым понижения уровня действующих норм международного права. Предложенное Швейцарией в 1996 г. выражение «standards of humanity» (стандарты соблюдения человечности) предпочтительнее термина «humanitarian standards» (гуманитарные стандарты), поскольку термин «человечность» («humanity») принадлежит как к гуманитарному праву, так и к праву прав человека. Этот термин берет начало в «положении Мартенса» (Martens Clause), которое содержится в несколько измененной форме в двух Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям (Протокол I, ст. 1(2) и Протокол II, четвертый абзац преамбулы), преамбула напоминает, что «в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность остается под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания». (В русских текстах по гуманитарному праву и праву прав человека данный термин переводится по-разному: и как «гуманность», и как «человечность», и даже как «человечество» — термин «преступления против человечества» фигурирует в официальных русских переводах Женевских конвенций. В данном переводе, как уже отмечалось, выбран термин «человечность» и «соблюдение человечности» как более соответствующий современному юридическому словоупотреблению, в частности, при определении соответствующих преступлений. — Ред.) См. также Дело о проливе Корфу (Strait of Corfu), в котором Международный суд ссылается на «элементарные требования гуманности» (ICJ Rec. 1949, p. 22).
- ⁶ Документ E/CN.4/Sub.2/1991/55, в редакции 1994 г. — Doc. E/CN.4/1995/116. См. также «Un nouveau projet de Declaration sur les normes humanitaires minimales»// Review of the International Committee of the Red Cross, No. 789, May-June 1991, p. 348, и American Journal of International Law, там же (сноска 1).
- ⁷ См. T. Meron, «Towards a humanitarian declaration on internal strife», A.J.I.L., vol. 78, 1984, p. 859 и сл.; «Oslo Statement on Norms and Procedures in Times of Public Emergency or Internal Violence», 1987 (документ ООН E/CN.4/Sub.2/1987/31); и H.P. Gasser «Un minimum d'humanité dans les situations de troubles et tensions internes: proposition d'un code de conduite», Review of

- the International Committee of the Red Cross, No. 769, January-February 1988, p. 39 и сл.*
- ⁸ Резолюция 1995/29, *Minimum humanitarian standards* [Минимальные гуманитарные стандарты].
- ⁹ Документ E/CN.4/1997/77/Add.1 и резолюция 1997/21, *Minimum standards of humanity* [Минимальные стандарты гуманности].
- ¹⁰ Резолюции 1998/29, *Minimum standards of humanity* [Минимальные стандарты гуманности], и 1999/65, *Fundamental standards of humanity* [Основные стандарты гуманности].
- ¹¹ Документы E/CN.4/1998/87 с приложением Add. 1, E/CN.4/1999/92, E/CN.4/2000/94, и E/CN.4/2001/91.
- ¹² Документ E/CN.4/2000/145 и резолюция 2000/69, *Fundamental standards of humanity* [Основные стандарты гуманности].
- ¹³ Наибольшую заинтересованность в этой инициативе проявили пять скандинавских стран, Швейцария, Южная Африка, Канада и Польша. Только 11 из 53 (!) государств — членов Комиссии выступили соавторами резолюции (всего соавторов — 24). Это две африканские страны, четыре — латиноамериканские и страны Карибской группы, шесть стран из Центральной и Восточной Европы и 12 стран Западной Европы; но нет ни одной страны из Азии. Среди соавторов нет ни одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.
- ¹⁴ *Review of the International Committee of the Red Cross, No. 713, September-October 1978, p. 247*; см. также сайт Международного комитета Красного Креста в Интернете ().
- ¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (1948); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Пакт о гражданских и политических правах; Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948); Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965); Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1979); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984); Конвенция о правах ребенка (1989).
- ¹⁶ Женевские конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны и два дополнительных Протокола 1977 г. к ней; резолюция 46/182 от 1991 г. Генеральной Ассамблеи ООН об основных принципах оказания срочной гуманитарной помощи; Декларация Турку о минимальных стандартах гуманности (1990 г.); Кодекс поведения Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца и НПО при осуществлении операций по оказанию помощи во время катастроф (1995 г.).
- ¹⁷ Конвенция о статусе беженцев (1951) и Протокол, касающийся статуса беженцев (1967); Азиатско-Африканский юридический консультативный Комитет — Принципы обращения с беженцами (1966); Руководящие принципы действий в отношении лиц, перемещенных внутри страны (1998).

- ¹⁸ По отношению к военным преступлениям Римский статут ограничивает юрисдикцию Международного уголовного суда вооруженными конфликтами немеждународного характера; его юрисдикция не распространяется на случаи внутренних беспорядков и возникновения обстановки внутренней напряженности, такие как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера (Статут, ст. 8(2) п. d) и f), совпадают с текстом Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям ст. 1(2).
- ¹⁹ См. ст. 6 Статута МУС: «геноцид» означает любое из следующих деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.
- ²⁰ См. ст. 7 Статута МУС; «преступление против человечности» означает (...): убийство; истребление; порабощение; депортация или насильственное перемещение населения; заключение в тюрьму (...); пытки; изнасилование; обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; преследование любой идентифицируемой группы или общности.
- ²¹ См. Статут МУС, ст. 1, 7(2a), 8(2f), ст. 25 и 27(1).
- ²² Право на жизнь (ст. 6), запрещение пыток (ст. 7), запрещение рабства (ст. 8 (1) и ст.8(2)), запрет лишения свободы на основе неспособности выполнить какое-либо договорное обязательство (ст. 11), отсутствие у закона обратной силы (ст. 15), правосубъектность человека (ст. 16), право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18).
- ²³ На своей июльской сессии 2001 г. Комитет одобрил Второй общий комментарий (CCPR/C/21/Rev. 1/Add. 11).
- ²⁴ Отчет о второй сессии 19.10.92, § 67, Документ CRC/C/10.
- ²⁵ См. ст. 2 и отсутствие общего положения о возможности отступления.
- ²⁶ Ст. 10(2), ст. 13(2), ст. 14(3) и ст. 15(2).
- ²⁷ Текст помещен в *Review of the International Committee of the Red Cross*, No. 839, September 2000, p. 807.
- ²⁸ Документы E/CN.4/1998/53/Add.2 и A/54/409. См. также проект «Декларации по перемещению населения и адаптации поселенцев» [Declaration on population transfer and the implantation of settlers], Final report of the Special Rapporteur on human rights and population transfer [Окончательная версия доклада Специального докладчика по правам человека и делам перемещенных лиц], документ E/CN.4/Sub.2/1997/

23. Текст Основных принципов и комментарии к ним см.: «Российский бюллетень по правам человека», № 14. 2001 г.

²⁹ *a* *практическом уровне правозащитные организации и специальные докладчики все чаще используют принципы международного гуманитарного права и (или) права прав человека в ситуациях «ни мира, ни войны», участниками которых являются негосударственные субъекты, хотя при этом они учитывают специфику этих прав и относительный статус. См. R. Brett «Non-governmental human rights organisations and international humanitarian law», Review of the International Committee of the Red Cross, No. 831, December 1998, p. 531 и сл.*

³⁰ *Среди этих организаций Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которая неоднократно на протяжении последних лет обращалась к проблеме основных стандартов соблюдения человечности в своих документах; в 1996 г., когда Швейцария председательствовала в ОБСЕ по ее инициативе состоялся однодневный семинар на эту тему (Вена, 1996 г.).*

³¹ *Это также позволило бы эффективно откликнуться на резолюцию S/1999/1265 Совета безопасности ООН, который срочно потребовал от всех сторон вооруженных конфликтов строго соблюдать обязательства, взятые ими на себя в рамках международного гуманитарного права, права прав человека и законов о защите беженцев. За принятием этой резолюции последовал доклад Генерального секретаря ООН Совету безопасности о защите гражданских лиц в ходе вооруженных конфликтов (S/1999/957), в котором шла речь о выполнении положений международных соглашений о правах человека, положений гуманитарного права, роли негосударственных участников конфликтов, а также о последних достижениях в области международного уголовного права и права прав человека, отступления от которых, как этого требует Пакт о гражданских и политических правах, невозможны ни при каких условиях.*

А.А. Гусейнов

Этика ненасилия

Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 72–81.

© Вопросы философии, 1992.

Словосочетание «этика ненасилия» воспринимается как тавтология и часто порождает недоуменный вопрос: «А разве возможна этика насилия?» В самом деле, этика, рассмотренная в значении морали, нормативного идеала, по определению совпадает с ненасилием. Более того, нет ни одной другой формы культуры, включая мировые религии, специфика которой в такой степени была бы связана с ненасильственной установкой; когда говорится об этике удовольствий, то она может противопоставляться этике созерцательного блаженства; когда речь идет об этике доброй воли, то обычно подразумевается ее отличие от этики результатов. В этих и других подобных случаях определение выделяет какой-то один признак морали, придавая ему существенное значение. Иной логический статус имеет этика ненасилия, поскольку ненасилие, являющееся содержательной определенностью добра, можно считать синонимом самой этики. Однако, помимо такого общего и в познавательном плане избыточного смысла, понятие этики ненасилия имеет еще особое содержание, связанное с моральным опытом нашего времени.

Ненасилие в действии

Идеал ненасилия, сформулированный в Нагорной проповеди Иисуса Христа в качестве средоточия духовных усилий человека, обозначил резкий поворот в истории европейской культуры. Заповеди непротivления злу насилем, любви к врагам были настолько же ясными, насколько и парадоксальными; они до такой степени противоречили здравому смыслу, природным инстинктам и социальным мотивам человека, что сохраняли с действительностью лишь отрицательную связь. «Если бы общество в его нынешнем состоянии буквально последовало моральным заветам Евангелий, это привело бы к его немедленной гибели», — пишет Уайтхед [1]. Сказанное, конечно, в еще большей мере можно отнести к самим евангельским временам. Нагорная проповедь предназначена для идеального мира, и нужно быть святым, не от мира сего, чтобы суметь принять ее перевернутую логику. «Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую» (Мт., 5, 38). По своему смыслу заповедь обращена и к тем, кто ударяет по щеке, и не должно было бы быть тех, кто делает это. «Подставь другую щеку!» — безусловная заповедь не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить» [2]. Однако самое удивительное состоит в том, что способ поведения по заповеди ничуть не меняется (разве что становится еще более заповедальным) из-за того, что приходится действовать в чужеродной среде, где принято бить по щекам. Точно так же математик ничуть не смущается и не отступает от чарующей гармонии точек, линий и окружностей из-за того, что не находит их в эмпирическом мире. В случае первых христиан эта приверженность моральным абсолютам при полном равнодушии к неустroенности общественной жизни и нежелании что-то в ней улучшать имела то разумное и вполне практичное объяснение, что они ждали скорого конца света. Непротивление злу, будучи свидетельством нравственного совершенства, индивидуальной победы над грехом, не рассматривалось в качестве пути преодоления самого зла или, если выразаться мягче, эта очищающая роль ненасилия была слабо акцентирована.

Наше время внесло существенные изменения в традиционное понимание ненасилия, связанных с именами и практической деятельностью Г. Торо, Л.Н. Толстого, в особенности М. Ганди и М.-Л. Кинга, их организованных в различные группы и движения последователей во всем мире. Для современной концепции ненасилия, которая

существует не только и не столько как теоретическая конструкция, но прежде всего как сумма практических опытов, характерны, по крайней мере, два важных момента.

Во-первых, ненасилие органически увязано с борьбой за справедливость, оно рассматривается как действенное, при том более действенное, чем другие, и адекватное средство в этой борьбе. Ненасильственная борьба есть единственно возможный и реальный путь к справедливости. Она вносит изменения в мир, является завязью нового — справедливого, отвечающего идеалам любви и правды, типа отношений между людьми. Ненасильственная позиция сегодня, как и две тысячи лет назад, требует героизма, но это не героизм ожидания конца ненавистного мира, а героизм ответственного поведения.

В свете такого понимания иначе воспринимается и евангельская заповедь непротивления злу. Она, как пишет Жан Госс [3], означает требования: а) не подчиняться несправедливости, сопротивляться; б) не прибегать к ответному насилию; в) подставляя левую щеку, обращаться к совести господина, принуждая его изменить поведение.

Во-вторых, ненасилие, способное преобразовать отдельного человека и межличностные отношения, способно также преобразовать общественные институты, взаимоотношения больших масс людей, классов, государств. Характеризуя ненасильственную философию Ганди и свое собственное духовное развитие, М.-Л. Кинг в статье «Паломничество к ненасилию» пишет: «Ганди, наверное, был первым в истории человечества, кто поднял мораль любви Иисуса над межличностными взаимодействиями до уровня мощной и эффективной силы большого размаха. Для Ганди любовь была сильнодействующим орудием для социальных коллективных преобразований. Именно в том, что Ганди придавал особое значение любви и ненасилию, я нашел метод для социальных преобразований, который искал много месяцев. То интеллектуальное и моральное удовлетворение, которое мне не удалось получить от утилитаризма Бентама и Милля, от революционных методов Маркса и Ленина, от теории общественного договора Гоббса, от оптимистического призыва Руссо «назад к природе», от философии сверхчеловека Ницше, я нашел в философии ненасильственного сопротивления Ганди. Я начал чувствовать, что это был единственный моральный и практически справедливый метод, доступный угнетенным в их борьбе за свободу».

Сторонники ненасилия дерзновенно убеждены, что даже политика — этот отчий дом организованного и легитимного насилия — может быть кардинально преобразована на принципиально ненасильственных основах и что от этого преобразования она только выиграет, выиграет именно как политика.

Таким образом, ненасилие в том виде, какой оно приобрело в теории и практике XX в., является эффективным средством решения общественных конфликтов, в первую очередь тех из них, которые обычно решаются с применением насилия, вполне конкретным способом ответственного существования в современном мире. Когда мы говорим об этике ненасилия, то имеется в виду ненасилие как особая форма общественной практики человека.

Не существует проблемы этического оправдания ненасилия, обоснования его предпочтительности перед насилием, ибо это вещи самоочевидные. Мало кто сомневается, что ненасилие лучше, чем насилие. Те общественные движения и институты, практикующие насилие и те теории, которые включают его в позитивный контекст, делают это, как правило, апеллируя к чувству реализма; они принимают насилие скорее как данность, чем как желанное состояние. Адепты насилия, как правило, стыдливы, что, между прочим, свидетельствует об их слабости. Даже марксизм, весь сотканный из праведного гнева, доходящего местами до романтизации насилия, содержит ряд существенных оговорок, которые обозначают определенную моральную дистанцию по отношению к нему (этически оправдывается только революционное насилие, увязанное с целями освобождения трудящихся от угнетения, да и оно рассматривается в исторической затухающей перспективе, ибо, по известному выражению В. И. Ленина, в коммунистическом идеале нет места насилию). Основная критика в адрес концепции ненасилия идет по той линии, что она утопична, является красивой мечтой, что ее нельзя использовать в дело.

Можно провести такую аналогию: для моральной теории, как и для самолетов, испытанием прочности и точкой наибольшего риска является момент приземления. Связанные с практической реализацией трудности, существовавшие для всех этических систем, многократно возрастают применительно к этике ненасилия.

Есть парадокс нравственного поведения, который многократно формулировался в истории европейской культуры, но более всего известен по строкам Овидия: «Благое вижу, хвалю, но дурному вле-

кусь» [4]. Он своеобразно воспроизводится также в противоречивом статусе этики, которая, с одной стороны, является практической философией, выводит философию в практику, а, с другой — формулирует абсолютные законы. Поиск выхода из этого противоречия привел к осмыслению этики как пути. Начиная, по крайней мере, с Платона с его учением об Эросе, которое должно было соединить землю и небо, перебросить мост от мнимого мира к подлинному, мораль стала пониматься как движение к совершенству, как сила, ведущая человека к конечной цели, высшему благу, будь то счастье, Бог или что-нибудь иное. Поэтому каждая этическая теория содержала в себе не только систему норм, но и способ их реализации. Более того, именно способ реализации в существенной мере определял качественное своеобразие той или иной этической теории в нормативной части, ее отличия от других. Если суммировать практические модели морально достойного поведения, предлагавшиеся в истории этики, то их можно свести к двум крайним типам. Или они охватывали всю полноту личностного бытия, образ жизни в такой же мере, в какой и образ мыслей, и в этом случае их осуществление было делом героическим, необычайно редким и в какой-то степени связано с уходом из реального мира (в качестве примера можно сослаться на эпикурейского мудреца или христианского святого). Или они претендовали на всеобщность, универсальное применение, но в этом случае ограничивались областью мотивации, внутреннего настроения (такова этика доброй воли). Так или иначе достижение нормативных идеалов связывалось с конструированием какого-то другого идеального мира, находящегося либо рядом с реальным, нравственно дезорганизованным миром, либо внутри него, но не совпадающего с ним, а лишь каким-то образом дополняющего, компенсирующего его ущербность.

Этика ненасилия находится в принципиально ином отношении к действительности и обладает достаточным мужеством, чтобы признать ее несовершенство (испорченность, греховность), одновременно взяв на себя ответственность за преобразование такой действительности. Она переводит мораль в практическую проекцию, притом в такие области практики, как, например, политика, которые более всего чужды морали, и делает это без того, чтобы снижать требовательность морали. Этика ненасилия связывает в один неразрывный узел спасение человека и спасение мира, и полагает, что путь такого спасения лежит через ненасилие.

Ненасилие — это и всеобщая, и вполне предметная, даже технологичная парадигма поведения. Обоснование реальности, практической осуществимости ненасильственной альтернативы является основной теоретической задачей этики, а реальные опыты ненасильственной деятельности — ее основными аргументами. Этика ненасилия представляет собой теоретизирование в терминах жизни, она есть одновременно и теория, и практическое усилие.

Что может и чего не может человек?

Одно из частых возражений против ненасилия как исторической программы состоит в том, что оно исходит из слишком благостного представления о человеке, в то время как он на самом деле является, пользуясь словами Канта, безнадежно кривой тесиной. Это возражение при всем внешнем правдоподобии бьет мимо цели. Теория и практика ненасилия действительно акцентируют внимание на присутствии человеку стремлении к добру. Сторонники ненасилия рассматривают склонность к добру в качестве своеобразного Архимедова рычага, способного перевернуть мир, но вовсе не считают, что добро исчерпывает сущность человека в ее нравственном аспекте. Более того, ненасилие как практическая позиция невозможно без допущения, что человеческая природа является также обиталищем темных сил, обобщаемых понятием зла. Ненасильственная стратегия поведения предполагает, что человек берет на себя ответственность за царящее в мире зло; чтобы возлюбить врага, открыть себя для отношений сотрудничества, индивид должен ясно осознать собственную причастность к насилию, честно признаться, что он сам вполне мог бы оказаться на месте того, кого считает насильником и врагом. Во все не случайно то обстоятельство, что организованная практика ненасилия по преимуществу является христиански мотивированной: для христианской антропологии убеждение в радикальной испорченности человека столь же характерно, как и представление о его богоподобии. Ненасильственная борьба вписывается в общую концепцию, согласно которой душа человека — это арена столкновения добра и зла. «Даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла» [5], — писал М.-Л. Кинг. Считать человека злым существом — значит клеветать на него. Считать человека добрым существом — значит льстить ему. Признавать моральную амбивалентность природы человека — значит воздать ему должное. Словом, практика ненасилия невозможна как без метафизики добра, так

и без метафизики зла. Именно такая сугубо трезвая, реалистическая концепция человека является исходной основой и своего рода философской гарантией действенности ненасильственной борьбы.

Из признания принципиальной противоречивости моральной природы человека вытекают различные практические стратегии в зависимости от того, на какую из потенций — созидательную или разрушительную — делается основная ставка. Современные демократии западного образца, прежде всего их политико-юридические институты, исходят из допущения, что человек является существом свободным и в рамках своей свободы способным к агрессии, насилию по отношению к другим людям. Такое допущение основано на принципиальном недоверии к человеку. Сама идея равенства людей, независимо от их социального статуса, способностей, заслуг, равенства изначального, естественного, воплотившаяся в этико-юридической практике обеспечения прав человека, означала отказ от идеи нравственной селекции людей. Признается, что в человеческой массе нет какого-то особого, благородного, избранного слоя, что индивиды, помимо всего прочего, равны в своей низости. Когда говорится, что все равны перед законом, то это значит, что нет никого, кто заслуживал бы безусловного доверия, был бы свободен от искушения совершать запрещаемые законом действия. Одна из сложных проблем, возникающих в связи с трезво-скептической интерпретацией нравственных возможностей человека, — это проблема злоупотребления властью. Поскольку человеку свойственна агрессивность, то создание властных структур становится единственным условием их совместного существования. В то же время эти структуры представляют собой новый источник той же деструктивности, ради обуздания которой они были созданы. Чтобы выйти из этого противоречия, создается целая система институтов и процедур, наиболее изощренные из которых — разделение властей, периодическая сменяемость должностных лиц, ограничения на совмещение политической и коммерческой деятельности и др.

Словом, этико-правовая и политико-юридическая сферы западных демократий нацелены прежде всего и главным образом на то, чтобы блокировать деструктивные, разрушительные проявления человеческой природы, обозначить ограничительные линии между публичной жизнью, подчиненной общим, совместно выработанным договорным правилам, и частной жизнью, границы которой определяются тем, что индивид имеет полную (не скованную чужой волей) свобо-

ду выбора, может произвольно действовать. Официально-государственные структуры призваны охранять порядок на «рыночной» площади, чтобы каждый «товаропроизводитель» мог найти там место, защищать сферу общественной коммуникации от агрессивных посягательств включенных в нее индивидов.

Направляя свою энергию по преимуществу на ограничение зла, государство неизбежно в качестве объективного результата собственной деятельности воспроизводит его, а в известной мере и провоцирует. Поэтому философски последовательные приверженцы ненасилия Л.Н. Толстой и М. Ганди были в то же время убежденными противниками государства и, более широко, — всей современной европейской цивилизации. Ненасильственная борьба имеет иной вектор. Она делает ставку на доброе начало в человеке, на то, чтобы стимулировать, усилить это начало. Она не ставит задачу преодолеть зло насилия, ибо это невозможно (насилие органично человеческой природе), а объявляет ему вечный бой. И бой этот небезнадежен. Присущее индивидам доброе начало можно усилить путем культивирования и приумножать путем сложения. Ненасильственная борьба предлагает путь, стратегию и тактику такого усиления и приумножения добра.

Ненасильственные акции, понимаемые как альтернативный покорности и насилью способ поведения в конфликтной ситуации, вполне могут быть осмыслены как конкретная тактика добра в борьбе со злом, практическая этика любви и сотрудничества. Чтобы могла состояться ненасильственная акция, сторонникам добра необходимо: а) отказаться от монополии на истину в том совершенно определенном смысле, что они тоже могут ошибаться, и как люди, которые не возвещают истину, а только ищут ее, должны быть готовы к изменениям, открыты для диалога и компромиссов; б) осознать, что они вполне могли бы быть на месте своих оппонентов, и, чувствуя свою причастность ко злу — не к абстрактному, а к тому вполне конкретному, с которым ведут борьбу, критически анализировать свое поведение под углом зрения того, что могло бы в нем питать и провоцировать враждебную позицию оппонентов; в) исходя из убеждения, что как бы индивид ни погряз в преступлениях, он лучше того, что делает и в нем всегда сохраняется возможность преображения, поиска такого выхода, который позволил бы оппоненту сохранить достоинство, ни в коем случае не унижал его; г) не настаивать на своем, не отвергать с ходу точку зрения оппонентов, а искать приемле-

мые решения; д) пытаться превращать врагов в друзей, бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним; если насилие, покоряя и убивая противников, лишь временно заглушает конфликт, но не устраняет его причин, то ненасильственная акция направлена на устранение самой основы конфликта и предлагает перспективу взаимоотношений, когда предшествующее зло не является препятствием для последующего сотрудничества. Она направлена на такое изменение внешней конфигурации конфликтующих сторон, которое переходит в изменение их внутреннего духовного, волевого состояния.

Таким образом, своеобразие моральной позиции сторонников ненасильственной акции состоит в том, что они понимают собственную ответственность за зло, против которого борются, и приобщают «врагов» к тому добру, во имя которого ведут свою борьбу. Ненасильственная акция бесхитростна, и в этом состоит вся ее хитрость!

И средство и цель!

Как индивидуальная душа, так и история является ареной борьбы добра и зла, общественная деятельность человека характеризуется расхождением ее объективных результатов и субъективных целей — не просто эпистемологическим расхождением, вытекающим из ограниченности познавательных возможностей, неспособности заглядывать далеко вперед, а расхождением этическим, связанным с трагической разнонаправленностью нравственных векторов, когда жестокие результаты опрокидывают благие помыслы. Оказывается, что быть благородным в исторических битвах, как и в военных стратегиях, — не просто смешно, это еще и опасно. Рыцарство Дон-Кихота становится источником зла, освобожденный им пастушонок подвергается еще более сильному притеснению. Можно было бы не очень беспокоиться об этом противоречии целей и последствий, ибо историческому «дьяволу» противостоит более мощная позитивная сила, которая именуется по-разному: Богом, объективной закономерностью, можно назвать ее вслед за Гегелем мировым разумом. И этот мировой разум из частных деструкции, эгоизма единиц сооружает благо целого и каким-то только одному ему ведомым способом приводит все к благоприятному итогу, обеспечивая прогресс общества. Однако в XX в. это уже удавалось с большим трудом. Препрежнее благодушие абсолютно не оправдано в настоящее время, когда средства разрушения достигли колоссальных размеров, способных трансформировать частное зло во всеобщий конец. В этих условиях мировой

разум, если по-прежнему хочет благоволить к человеческой истории, должен обеспечивать гармонию целей и результатов не в конечном и суммарном итоге, а в каждом отдельном случае, держать под контролем не только всю картину, но и каждый ее фрагмент. Он должен сблизиться с человеческим разумом.

Интересующее нас расхождение целей и результатов может иметь одно доступное рациональному постижению и практическому урегулированию объяснение: оно является продолжением и в этом смысле следствием расхождения средств и целей. При такой постановке вопроса выясняется: историческая проблема вторична по отношению к этической, а разумность сопряжена с ответственностью.

Проблема противоречивости целей и средств имеет два аспекта. Первый состоит в том, что для достижения нравственных целей приходится применять безнравственные средства. А второй аспект фиксирует тот факт, что вовлеченные в исторические события человеческие массы разделяются на два класса: один является по преимуществу средством, а второй — целью. Оба этих аспекта с особой остротой проявляются в политической сфере, которая, во-первых, неразрывно связана с насилием, и, во-вторых, имеет иерархическую структуру, построенную на господстве и подчинении. Возникающие в рамках соотношения целей и средств противоречия получали различную интерпретацию, их полярные варианты Макс Вебер охарактеризовал как «этику убеждений» и «этику ответственности». Этика убеждений абсолютно отвергает как применение безнравственных средств, в том числе и прежде всего насилия, так и отлучение отдельных индивидов от целей, она возлагает на человека ответственность только за его собственную чистоту и освобождает от ответственности за объективные последствия. Этика ответственности, напротив, вменяет человеку в вину также объективные последствия (по крайней мере, предвидимые) и потому допускает и применение безнравственных средств, и ограничение возможностей определенных индивидов (их низведение до уровня средств) в тех случаях, когда отказ (даже если он мотивирован принципами) от этого может обернуться значительно более разрушительными бедствиями, чем те, на которые приходится идти. И этика убеждений, и этика ответственности имеют то общее, что не снимают нравственной напряженности средств и целей: утопизм первой в лучшем случае обрекает на бездеятельность, а реализм второй воспроизводит

эту напряженность (пусть даже в смягченном варианте), примиряет с аморализмом бытия.

Этика ненасилия открывает другую перспективу, обеспечивая взаимоусиливающее соединение этики и политики, целей и средств. Понятие «ненасилие» двояко. Оно связано с политической эффективностью, но оно же является носителем смысла. Оно пытается объединить мораль и политику как идеальное сочетание морали на службе у действия [6]. Единство целей и средств — одна из основных сознательно формулируемых установок движений ненасилия.

Ненасильственная деятельность снимает проблему безнравственных средств по определению: она служит обязательством достижения целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к такому испытанному оружию зла, как насилие. Она имеет самоценное значение, заключает в себе то начало справедливости, во имя которой ведется. В ненасильственной деятельности средства и цели располагаются в качественно однородной нравственной плоскости и приближаются друг к другу настолько, что оказываются взаимозаменяемыми. Один из ее девизов: «Нет путей к миру, мир — это и есть путь».

Ненасильственная деятельность содержит в себе также достаточные гарантии против того, чтобы одни индивиды заняли в ней привилегированное положение, а другие — подчиненное. Она демократична, открыта для всех, представляет собой коллективное усилие, решение принимается сообща, все участвуют в выработке стратегии. Она, разумеется, требует дисциплины, но дисциплина эта добровольна, отказ от насилия предполагает также отказ от насилия над самим собой. Ненасильственное движение имеет своих активистов, лидеров, однако один из важнейших признаков, по которому руководители выделяются среди остальных участников борьбы, состоит в том, что они в первую очередь и охотно принимают на себя возможные и, как правило, неизбежные репрессии.

Ненасильственная деятельность, рассмотренная как исторически значимое отношение, ценна тем, что преодолевает целесредственную разорванность и ту порождаемую этой разорванностью несправедливость, когда благо одних индивидов, одних поколений достигается за счет страданий и жертв других. Она содержит зачатки новой цивилизации и всюду, где разворачивается, созидает новую цивилизацию.

Путь сильных людей

Существует устойчивый общественный стереотип, рассматривающий ненасилие как социальную пассивность и психологическую трусость, отсутствие мужества. Это обвинение, если бы оно было верным, следовало бы считать окончательным и справедливым приговором. Мужество фиксирует важную ступень в духовно-нравственном развитии человека и человечества. Оно входило в состав четырех кардинальных добродетелей античности, имело устойчиво высокий статус во все последующие эпохи, а в ряде культур (например, рыцарской) занимало центральное место. Общественному движению, подрывающему мужество или даже нейтральному по отношению к нему, было бы невозможно получить моральную санкцию. Поэтому следует тщательно проанализировать ненасилие под углом зрения его отношения к мужеству как социальной позиции и личностной добродетели.

Прежде всего, следует провести различие между понятиями силы и насилия. Насилие есть разрушительная сила, точнее было бы даже сказать саморазрушительная, ибо в своем последовательном осуществлении как абсолютное зло оборачивается против самого себя. Сила является неотъемлемым и фундаментальным свойством как витального, так и социального бытия человека: в витальном плане можно сослаться на агрессивность как средство выживания, инстинктивную реакцию самообороны, естественный ответ на оскорбление достоинства, в социальном плане — на политику, которая, собственно говоря, и есть не что иное, как осуществляемое в определенных общественных целях эффективное применение силы. Занимая столь важное место в жизненном процессе, сила не может иметь только разрушительную форму своего выражения. Более того, эта форма не может быть преобладающей. Ненасилие как раз и является позитивным, конструктивным выражением силы; оно тоже есть сила, притом более сильная, чем насилие.

Ненасилие нельзя путать с пассивностью. Пассивность представляет собой вызванную отсутствием силы капитуляцию перед несправедливостью. Она заслуживает безусловно негативной нравственной оценки. Более того, по сравнению с ней насилие в качестве ответа на несправедливость — позиция более предпочтительная и достойная; насилие, конечно, ложный путь, но это все-таки путь активного неприятия и борьбы со злом. Сторонники ненасильственной борьбы

хорошо знают и придают программное значение словам Ганди о том, что насильственное сопротивление лучше, чем трусость. Отождествлять ненасилие с пассивностью, значит не понимать его природы; помимо огромной внутренней работы и духовной активности, направленной, помимо всего прочего и не в последнюю очередь, на преодоление страха, оно в практическом аспекте предполагает продуманную наступательную тактику, определенную технологию деятельности, противостояние и воздействие на людей и институты с целью вызвать изменение в их позиции.

Само слово «ненасилие» из-за негативного этимологического содержания в известной мере провоцирует его ложное истолкование. Ненасилие в современных европейских языках получило терминологический статус в качестве буквального перевода слова «ахимса», которым первоначально для обозначения своей ненасильственной философии пользовался М. Ганди. Однако Ганди был недоволен словом «ахимса» именно из-за того, что оно скрадывало активный, творческий аспект ненасилия, и впоследствии остановился на термине «сатьяграха», составленном из слов, обозначающих правду и твердость, и интерпретировал его как силу любви и правды. Этот второй, позитивный и более существенный аспект философии и практики ненасилия не получил, к сожалению, в русском языке, как в других европейских языках, терминологического воплощения.

Безобидно лингвистический повод к искажению смысла понятия «ненасилия» дополняется у нас также идеологическими причинами. Идеология классовой борьбы культивирует и освящает насилие, жестко, почти однозначно связывая его с борьбой за социальную справедливость; революционное насилие считалось даже чистилищем, через которое надо пройти трудящимся, чтобы сбросить с себя мерзость эксплуататорского строя. Во имя оправдания насилия, освящения социальной ненависти необходимо было изобразить ненасилие как форму трусливого смирения перед воинствующим злом, дискредитировать его как жалкое непротивленчество.

В действительности пассивность, смирение не составляют оппозицию насилию, они являются его условием и дополнением. Единственным и достойным вызовом насилию является ненасилие. Необходимо подчеркнуть, что ненасилие представляет собой постнасильственную стадию в борьбе за справедливость: в отличие от пассивности, которая является позицией человека, не доросшего до насилия, оно представляет собой реакцию человека, который пере-

рос насилие. Перерос, помимо прочего, и в том смысле, что выражает более высокую ступень преодоления страха. Можно, говорил Ганди, представить себе вооруженного человека, в душе которого сохраняется страх. Более того, наличие оружия как раз подтверждает это. Ненасилие, помимо преодоления физического («животного») страха, требует еще особой духовной стойкости; смелость, мотивированная злобой и мстительностью, трансформируется в этически более высокую и психологически более трудную смелость, мотивированную любовью и справедливостью. Достаточно поставить простые вопросы: «Как проще бороться с сильным и вооруженным противником: с помощью оружия или без него?», «Что легче — убить врага или полюбить его, притом полюбить, имея возможность убить?», чтобы убедиться в превосходстве ненасилия перед насилием по критерию мужества. Ненасилие есть сила бесстрашия, сила в ее чистом, созидательном и наиболее полном (охватывающем чувственную, волевую и духовную сферы) проявлении.

Мало сказать, что ненасилие органически сопряжено с мужеством. Оно в историческом плане поднимает мужество на новый уровень, придает ему адекватную современной эпохе форму. Мужество традиционно считалось добродетелью мужчин, о чем, в частности, свидетельствует и русская этимология слова, а основной областью общественной деятельности, в которой формировалась и практиковалась эта добродетель, была война. Аристотель видел в мужестве совершенный (добродетельный) способ поведения человека в бою, который несовместим с безумной яростью, но прежде всего требует преодоления органического страха. Правда, военное сражение — не единственное, хотя и основное поприще мужества, другой сферой его бытования является гражданская жизнь. Так считал Аристотель, и почти за две с половиной тысячи лет общественные представления о мужестве мало изменились. Ненасильственная борьба придает проблеме новый вид: а) она связывает мужество по преимуществу и главным образом с общественной деятельностью, борьбой за социальную справедливость и б) лишает ее сугубо мужского предназначения, придает вид общечеловеческой добродетели, равно украшающей и женщин и мужчин. Этический потенциал ненасильственной борьбы в значительной мере определяется именно тем, что она оторвала мужество как личностную добродетель от войны и воинской деятельности. Исключительно высокая ценность бесстрашия является не просто объективным результатом ненасильственной де-

тельности, а ее сознательно и целенаправленно культивируемой установкой.

Ненасилие — не абстрактная норма, которую остается лишь употреблять в дело, не состояние, которое кем-то или когда-то может быть достигнуто. Оно прежде всего представляет собой ненасильственную, направляемую силой любви и правды борьбу против зла и несправедливости, за выправление отношений в собственной душе и в мире. Оно не отсекает, не отрезает, а именно выправляет человеческие деформации, имея силу, чтобы противостоять страшным силам зла, и имея трезвое сознание того, что противостояние это не является единовременным актом, вообще не знает конца. Если не бояться тавтологии, можно сказать, что оно является ненасильственным путем к ненасилию. Это не усилие, которое должно привести к истине, это истина, которая состоит в усилении. И мужество, которое требуется для ненасильственной борьбы и формируется ею, есть мужество ответственного существования в этом прекрасном и несовершенном мире.

Литература

1. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. — М., 1990. — С. 405.
2. Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 695.
3. Госс Ж. Ключевые представления гуманистического и христианского ненасилия. Этика ненасилия. — М., 1991. — С. 13.
4. Овидий. Метаморфозы. — М., 1977. — С. 170.
5. См.: Антология ненасилия. — Москва-Бостон, 1991. — С. 8.
6. См.: Семлен Ж. Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М., 1990. — С. 84. ■

Дэвид Розенталь

Правовые и технические аспекты борьбы с расизмом в Интернете

<http://www.hrighths.ru/text/b15/bul15.htm>

© Д. Розенталь, 2007.

Любые оценки числа пользователей Интернета могут быть лишь сугубо приблизительными. Но они свидетельствуют о важности проблемы расизма в Интернете: даже в европейских странах (в материалах статьи преимущественно о них идет речь), не говоря уже о США, потенциальная аудитория расистских выступлений вполне приближается к аудитории печатных и даже электронных СМИ.

Расизм в Интернете

Распространение Интернета заметно содействовало распространению расизма.

В 1995 г. в Интернете был известен лишь один сайт расистского содержания, к концу 1997 г. их было уже 600. В опубликованном в США в марте 1999 г. докладе указывались 1426 известных сайтов, пропагандирующих расизм, антисемитизм, неонацизм. К 15 июля 1999 г. это число подскочило уже до 21 тысячи. Расистские группы стали создавать сайты, специально предназначенные для формирования «расового мышления» у детей. Есть сайты, специально ориентированные на женщин. Известно множество высказываний активистов экстремистских групп о том, что они рассматривают Интернет как самую счастливую возможность, дарованную им судьбой.

Наиболее распространенная форма расизма в Интернете — высказывания, направленные на разжигание ненависти. Сегодня такие высказывания можно найти на сайтах, в материалах дискуссионных групп, в чатах, где ведутся диалоги в реальном времени, в содержании электронной почты — как в переписке между отдельными субъектами, так и в материалах, распространяющихся по спискам рассылки*.

Есть по крайней мере три причины, по которым Интернет оказался особенно удобен для распространения расистских материалов.

- *Широкий охват аудитории при низких вложениях.*
- *Защита от преследований.* Во многих государствах, в том числе в большинстве европейских, расистские высказывания являются уголовным преступлением. Однако в некоторых странах распространение расистских высказываний допускается. Так, в США на подобные высказывания распространяется защита Первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова. В результате США превратились в своего рода «оффшорную зону» для распространения через Интернет расистских материалов по всему миру. А издатели такого рода материалов достаточно защищены от преследований: поскольку в США создание расистских веб-сайтов не является незаконным, власти соответствующих стран не могут заставить владельцев расположенных в США серверов раскрыть реальную личность лиц, ответственных за создание таких сайтов на их серверах. Сегодня, по данным европейских правительственных источников, большинство расистских и разжигающих расовую ненависть сайтов действуют именно с территории США или через их территорию.
- *Трудность отслеживания источников высказываний:* большие объемы материалов и законодательные ограничения на проведение экстратерриториальных расследований иностранными правоохранительными службами затрудняют выявление и преследование лиц, ответственных за распространении расистских высказываний в Интернете, даже если речь идет о высказываниях, источники которых находятся за пределами США.

* Более подробно об этом см.: www.adl.org/frames/front_positioning.html; www.hatewatch.org.

Законодательные меры

С юридической точки зрения не существует такой вещи, как зоны Интернета, свободные от контроля закона. Любые действия в Интернете всегда подлежат юрисдикции по меньшей мере одной страны: ведь любые представленные в Интернете материалы откуда-то происходят и в большинстве случаев требуют хотя бы одного сервера. Минимум связи деятельности или материалов с определенной страной, который необходим, чтобы они подпадали под ее юрисдикцию, может порождаться тем обстоятельством, что на территории данной страны ведется соответствующая деятельность, или тем, что данная деятельность проводится по указанию или поручению граждан соответствующей страны. Зачастую достаточным основанием может служить уже тот факт, что сервер, используемый для соответствующей деятельности, расположен в данной стране, однако это не является необходимым. Напротив, одна лишь техническая возможность связаться с каким-то сайтом с территории той или иной державы сама по себе может и не образовывать достаточной связи между данной страной и упомянутым сайтом.

В странах, где действуют законы против распространения расистских высказываний, у правоохранительных органов в общем случае не будет особых трудностей с прекращением деятельности расистских сайтов на серверах, *расположенных в их стране* (если оставить в стороне тот факт, что сотрудники правоохранительных органов не имеют пока достаточной подготовки, оборудования и кадров для борьбы с расизмом в Интернете), или с выявлением лиц, ответственных за материалы данных сайтов*. Действующие и разрабатываемые законы европейских государств об ограничении ответственности провайдеров за содержание материалов не препятствуют и, скорее всего, не будут препятствовать преследованию тех владельцев серверов, которые сознательно допускают публикацию материалов расистского характера после официального запрещения властями. Но вот сайт, размещенный на сервере иностранного провайдера, право-

* Владельцы серверов обычно не обязаны знать о содержании всех сайтов, располагающихся на их серверах и, соответственно, не могут нести ответственность за это содержание, если до их сведения специально не доводится ...о противозаконном содержании тех или иных сайтов. Подобная информация зачастую предоставляется в форме официального извещения соответствующих властей.

охранительные органы закрыть не могут, однако вправе преследовать отдельных лиц, связанных с функционированием подобного сайта, как только эти лица появятся на территории, находящейся под юрисдикцией государства. В большинстве стран можно вести разбирательство и выносить приговор и в отсутствие обвиняемого, если только национальные суды обладают соответствующей юрисдикцией.

Поскольку сайты расистского содержания часто находятся вне досягаемости властей, правоохранительные органы иногда пытаются ограничить их аудиторию, требуя от национальных провайдеров блокировать доступ к данным сайтам. До сих пор такие попытки не приводили к успеху*, поскольку провайдерам, обеспечивающим доступ в Интернет, в силу технических причин трудно блокировать доступ к тем или иным сайтам. К тому же в нескольких странах уже действуют или находятся в процессе принятия законы, явным образом ограничивающие возможность уголовной ответственности провайдеров за незаконное содержание материалов, если они лишь передают эти материалы, но не хранят их постоянно на своих серверах. Будущее покажет, смогут ли эти законы защитить и тех поставщиков, которые непосредственно предоставляют каналы передачи информации лицам, держащим на своих серверах материалы с расистскими высказываниями.

Меры технического характера

На первый взгляд, нетрудно блокировать доступ к расистским сайтам с помощью технологии фильтров: местные провайдеры могут исключить доменные имена известных расистских сайтов из списков доступных сетевых адресов, блокировать связь в сети с такими сайтами или применять серверы-посредники со встроенными фильтрами, отсекающими известные сайты расистского характера. Однако даже эти простые решения наталкиваются на серьезные трудности.

* В получившем значимость в качестве прецедента деле германский суд в ноябре 1999 г. отменил обвинительный приговор против бывшего менеджера германского филиала американской компании — поставщика услуг Интернет CompuServe, обвинявшегося в соучастии в распространении детской порнографии. Суд признал, что менеджер не был способен самостоятельно блокировать доступ к тем или иным сайтам и мог только обращаться с соответствующими просьбами в центральный офис компании в США.

Все такого рода технологии работоспособны лишь в малых масштабах: с их помощью можно блокировать в лучшем случае несколько тысяч серверов, но ни в коем случае не десятки тысяч. А если закон обяжет провайдеров блокировать доступ к расистским веб-сайтам, тех же провайдеров, скорее всего, обяжут блокировать и иные сайты противозаконного содержания: клеветнического характера, нарушающие интеллектуальную собственность и т.п. Таким образом, поставщики услуг по доступу в Интернет очень быстро столкнутся с требованием блокировать уже сотни тысяч сайтов — требованием, с которым они не смогут справиться ни при каких условиях.

Более того, все инструменты блокировки легко обойти, выходя на вебсайты не непосредственно, а через другие, не вызывающие никаких подозрений серверы. Издатель легко может копировать сайты или создавать зеркальные сайты на других, не блокируемых пока серверах. К тому же блокировка сетевых адресов не будет работать в отношении клиентов, выходящих в Интернет через крупные компании: те располагают собственными DNS-серверами, сопоставляющими доменным адресам узлы сети. Обязательное же введение серверов-посредников исключит для пользователей Интернета возможность доступа и ко множеству других служб Интернета, в частности к новым службам, к службам, рассчитанным на прямую связь с пользователем, и поставит под угрозу безопасность коммуникаций. Иными словами, принудительное введение серверов-посредников резко ограничит возможность развития Интернета и электронной торговли, и окажется, может быть, антиконституционным даже в тех странах, где действуют законы против распространения расистских высказываний.

Да и с чисто юридической точки зрения, кто правомерен объявлять, что тот или иной сайт подлежит блокированию? Обычно провайдеры будут принимать решения сами или следовать указаниям правоохранительных органов, хотя по закону решать, действительно ли тот или иной сайт сдержит противозаконные материалы, полномочен лишь уголовный суд. Таким образом, будет введена цензура, более не определяемая законом и лишаящая лиц, пострадавших от решений о «незаконности» содержания их сайтов, общепризнанного права на справедливое судебное разбирательство по установленной законом процедуре.

Иными словами, большинство экспертов согласны с тем, что и с юридической, и с технической точки зрения блокировать такие сайты можно не у потребителя, а только у «источника».

Сами провайдеры в большинстве своем занимают пока выжидательную позицию. Они, скорее всего, подчинились бы общественному давлению, но требования общественности приостановить доступ к конкретным серверам с материалами очевидно расистского характера встречались до сих пор крайне редко.

Кроме того, любая система фильтрации и ограничения свободы слова неизбежно несет с собой риск того, что ее будут использовать антиконституционным образом или что антидемократические режимы в любом уголке мира злоупотребят ею и попытаются запретить иные нежелательные для них ресурсы Интернета.

Не является решением проблемы и так часто превозносимое «самоограничение», или саморегулирование провайдеров: в этом случае деликатные решения просто возлагаются на отрасль. Разумеется, верно, что какой-нибудь союз или объединение провайдеров не связано конституционными гарантиями свободы слова в той мере, в какой эти гарантии связывают государственные власти. Но данное обстоятельство не снимает основного вопроса: какой уровень и характер расистских высказываний и высказываний, разжигающих расовую ненависть, должен допускаться, а какой — не должен? Нередко государства призывают к саморегулированию лишь потому, что сами не желают вступать в сложную и противоречивую область и принимать непопулярные решения. И хотя саморегулирование представляется столь популярным в наши дни, у него есть серьезные слабости. Если, например, европейские законы против расизма имеют определенное демократическое обоснование, то никакая схема саморегулирования подобных обоснований иметь не обязана. Группы или отдельные компании, прибегающие к практике саморегулирования, обычно находятся вне судебного контроля, поскольку действуют как субъекты частного права, им нет необходимости соблюдать должную процедуру и, соответственно, не могут гарантировать справедливое, непредвзятое и добросовестное рассмотрение, да и результаты подобного рассмотрения никто не сможет обжаловать. Саморегулирование, таким образом, послужит очень полезным инструментом для ликвидации таких основных прав, как свобода слова. Может вызвать удивление, что в США — одном и том же государстве — столь горячо власти отстаивают и саморегулирование, и свободу слова.

Все эти соображения сохраняют силу применительно не только к группам, принявшим политику саморегулирования, но даже к отдель-

ным крупным компаниям. Так, уже сегодня поставщики различных «фильтрующих» программ, регулирующих доступ к Интернету, могут рассматриваться как частные цензоры, так как они составляют собственные «черные списки» нежелательных сайтов. Поскольку их клиенты — родители, школы, библиотеки, работодатели, провайдеры — не могут, разумеется, перепроверять эти списки, такие компании приобретают существенную власть над тем, что могут или не могут люди смотреть по Интернету. Здесь возможны как злоупотребления, так и случайные ошибки. (Автор доклада приводит ряд чисто анекдотических примеров, когда одна из распространенных «фильтрующих» программ поместила под категории «полная нагота с изображением половых органов» и «непристойные и соблазняющие на половой акт действия» сайты Проекта по математике и вычислительной технике Массачусетского технологического института или Исследовательской инженерно-строительной лаборатории инженерного корпуса Армии США, а аналогичная программа, используемая отделом образования Администрации штата Юта, заблокировала доступ к таким документам, как Конституция США, Декларация независимости, Библия, «Записки о Шерлоке Холмсе».) Но будь то злоупотребление или случайная ошибка — важно, что ни в том, ни в другом случае жертвы ничего не могут предпринять по этому поводу в законном порядке и никак не могут потребовать возмещения ущерба.

И даже само по себе право правоохранительных органов предупреждать провайдеров о незаконном, по их мнению, характере содержания определенных сайтов при готовности большинства провайдеров последовать подобным рекомендациям создает угрозу внесудебного пресечения доступа к материалам, в том числе и к вполне законным.

* * *

Поскольку единственным эффективным средством борьбы с расизмом в Интернете является пресечение его у источника, а не у потребителя, — по-настоящему действенные стратегии требуют достижения международного консенсуса, до которого пока далеко. Однако определенные возможности для борьбы с расистским материалами в Интернете, по мнению автора, все же существуют. Правда, эта часть доклада производит довольно странное впечатление, поскольку, описывая возможные стратегии, автор игнорирует те самые проблемы, которые перед тем подробно описывал.

Навязывание действенного «саморегулирования»

Если провайдеры и службы, обеспечивающие телекоммуникационные услуги для распространения расистских высказываний, будут идентифицированы, высшие должностные лица соответствующих компаний и служб могут при определенных обстоятельствах (в частности, если они ранее уже были официально извещены о противозаконном характере распространяемых при их участии материалов) подвергаться судебному преследованию в странах, затрагиваемых распространением данных высказываний. Это, разумеется, не будет распространяться на руководителей действующих в Европе филиалов американских компаний, поскольку в большинстве случаев они не могут нести ответственность за то, что делается в США (о том, как при этом удастся обойти упоминавшиеся выше проблемы «внесудебной цензуры», связанные с подобными извещениями, автор не говорит).

Если государства, в которых действуют законы против расизма, выступают решительно и координированно, руководители крупных американских компаний-провайдеров могут подвергнуться судебному преследованию сразу в десятках стран. Сегодня, однако, несмотря на принятие соответствующих законов, в этих странах не проявлена соответствующая воля проводить эти законы в жизнь. Разумеется, подобные действия вызовут громкие протесты и даже политические трения между государствами. Однако следует учитывать, что это тот самый метод, которым пользуются сами США, чтобы убрать из Интернета материалы, являющиеся абсолютно законными в стране их происхождения (и в стране расположения соответствующего сервера), но признающиеся незаконными в США*. Если удастся побудить таким образом глав компаний предотвращать «экспорт» расистских материалов с принадлежащих им серверов, это сможет если и не предотвратить, то существенно ограничить подоб-

* Так, по австралийским данным, министерство юстиции США подтвердило, что высший руководитель Интернет-казино, действующего на Северной территории и подпадающего под государственное регулирование, подлежит судебному преследованию и может быть приговорен к тюремному заключению на срок до двух лет, поскольку компания принимает ставки от американских граждан, в то время как действующий в США закон о телекоммуникациях от 1961 г. запрещает телекоммуникационным системам «способствовать ставкам в каких бы то ни было тотализаторах».

ный «экспорт». Кстати, по требованию германских властей уже удалось заставить крупнейших операторов Интернет-торговли книгами прекратить продажу по Интернету в Германию «Майн кампф» Гителера. Однако в этом случае чрезвычайно важным был бы соответствующий достаточно четкий этический кодекс, который служил бы для компаний и руководством к действию, и «щитом» от обвинений. Но в любом случае правила должны быть четкими и практически применимыми.

Меры, затрагивающие исключительно владельцев серверов, не будут достаточно действенными без участия провайдеров, обеспечивающих доступ к Интернету, и служб, поддерживающих связь и предоставляющих и обрабатывающих доменные имена. В противном случае, как уже отмечалось, издатели расистских материалов вполне могут обзавестись собственными серверами и не прибегать к услугам коммерческих серверов. Разумеется, и сейчас в США в адрес провайдеров поступает множество призывов прекратить поддержку распространения в Интернете расистских материалов. Однако при полном отсутствии координации политики в данной области трудно обеспечить необходимое политическое и рыночное давление, равно как и мобилизацию общественного мнения. Организации или союз государств, поставивший своей целью борьбу с расизмом, мог бы способствовать такому лоббированию, предоставив средства, ресурсы, пиар- и политическую поддержку, положительные и отрицательные стимулы, подобные тем, которые сегодня действуют в сфере охраны окружающей среды. ■

Исторические аспекты

Г.Д. Торо

О гражданском неповиновении

<http://www.hro.org/war/anti/fil/toro.htm>

«ON THE DUTY OF THE CIVIL DISOBEDIENCE» by Henry David Thoreau, 1849 from Walden and Other Writings: Bantam Books, New York, 1962.

Великий американский общественный деятель, философ, ученый, писатель и поэт Генри Дэвид Торо в свое время настроил против себя родной городок Конкордия, расположившийся на берегу красивого озера Уолден, тем, что прожил два года автономно от земляков на другом берегу. Этот опыт стал сюжетом его знаменитой книги «Уолден, или жизнь в лесу».

В своем не менее знаменитом произведении «О гражданском неповиновении» Торо рассуждает о несовершенстве государственной машины и важности самореализации, противоречиях между законностью и справедливостью.

Я всецело согласен с утверждением: «Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше», — и хотел бы, чтобы оно осуществлялось быстрее и более систематически. Осуществленное, оно сводится в конце концов — и за это я тоже стою — к девизу: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе», а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут. Правительство является в лучшем случае всего лишь средством, но боль-

шинство правительств обычно — а иногда и все они — являются средствами недейственными. Возражения, приводившиеся против постоянной армии, а они могут быть многочисленны и вески и должны бы восторжествовать — могут быть выдвинуты также против правительства. Постоянная армия — это всего лишь рука постоянного правительства. Само правительство, являющееся формой, в которой народу угодно осуществлять свою волю, тоже ведь может быть обращено во зло, прежде чем народ совершит через него то, что хочет...

Если говорить конкретно и как гражданин, а не как те, кто отрицает всякое правительство, я требую не немедленной отмены правительства, но его немедленного улучшения. Пусть каждый объявит, какое правительство он готов уважать, и это уже будет шагом к такому правительству.

Когда народ, получив в свои руки власть, передает ее большинству и долгое время позволяет ему править, это происходит не потому, что оно правит наиболее справедливо, и не потому, что это представляется всего справедливее по отношению к меньшинству, но по той простой причине, что оно физически сильнее. Но правительство, где правит большинство, не может быть основано на справедливости даже в том ограниченном смысле, в каком ее понимают люди. Неужели невозможно такое правительство, где о правде и неправде судило бы не большинство, а совесть? Где большинство решало бы лишь те вопросы, к которым приложима мерка целесообразности? Неужели гражданин должен хотя бы на миг или в малейшей степени передавать свою совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому человеку совесть? Я считаю, что мы должны быть прежде всего людьми, а потом уж подданными. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости. Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать — это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным... Закон никогда не делал людей сколько-нибудь справедливее, а из уважения к нему даже порядочные люди ежедневно становятся орудиями несправедливости...

Именно так служит государству большинство — не столько люди как люди, сколько в качестве машин, своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, служат понятиями шерифу и т.п. В большинстве случаев им совершенно не приходится при этом применять рассудок или нравственное чувство: они низведены до уровня дерева, земли и камней; быть может, удастся смасте-

ритель деревянных людей, которые будут не менее пригодны. Такие вызывают не больше уважения, чем соломенные чучела или глиняные идылы. Они стоят не больше, чем лошади или собаки. Однако даже они считаются обычно хорошими гражданами. Другие, как, например, большинство законодателей, политических деятелей, юристов, священников и чиновников, служат государству преимущественно мозгами; и так как они редко бывают способны видеть нравственные различия, то, сами того не сознавая, могут служить как дьяволу, так и Богу. Очень немногие — герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и настоящие люди — служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему сопротивление, и оно обычно считает их за своих врагов...

Всякое голосование подобно игре, вроде шашек или триктрака, с некоторым моральным оттенком, игре с правдой и неправдой, с нравственными проблемами, и естественно, что делаются ставки. Репутация играющих на кон не ставится. Я, может быть, и голосую, как считаю справедливым, но не заинтересован кровно в том, чтобы справедливость победила. Я готов предоставить это решение большинства. Поэтому дело не идет дальше соображений целесообразности. Даже голосовать за справедливость еще не значит действовать за нее. Вы всего лишь тихо выражаете ваше желание, чтобы она победила. Мудрый не оставляет справедливость на волю случая и не хочет, чтобы она победила силою большинства. В действиях человеческих масс не много силы. Когда большинство проголосует наконец за отмену рабства, то потому, что оно безразлично к рабству, или потому, что останется очень мало рабства, подлежащего отмене. Тогда единственным рабом будет оно само. Приблизить уничтожение рабства может только тот голосующий, который утверждает этим собственную свободу. Человек не обязан непременно посвятить себя искоренению даже самого большого зла; он имеет право и на другие заботы. Но долг велит ему хотя бы сторониться зла, и если не думать о нем, то не оказывать поддержки. Если я предаюсь иным занятиям и размышлениям, мне надо хотя бы убедиться прежде, не предаюсь ли я им, сидя на чьей-либо спине. Я должен сперва слезть с нее, чтобы и тот, другой, мог предаться созерцанию. Смотрите, какова непоследовательность. Я слышал, как иные из моих земляков говорят: «Пускай попробуют послать меня подавлять восстание рабов или в Мексику — так я и пойду!» — и, однако, каждый из этих людей прямо, своей поддержкой правительства, или, по крайней мере косвенно,

своими деньгами обеспечивает вместо себя заместителя. Хвалят солдата за отказ участвовать в несправедливой войне, а сами не отказываются поддерживать несправедливое правительство, которое эту войну ведет; хвалят того, кто бросает вызов их поведению и авторитету, как если бы штат настолько каялся в грехах, что нанял кого-то бичевать себя, но не настолько, чтобы хоть на миг перестать грешить. Вот так, под видом Порядка и гражданского повиновения, всем нам приходится оказывать поддержку и уважение собственной подлости. Сперва грешник краснеет, потом становится равнодушен к своему греху, а безнравственность становится как бы безотносительной к нравственности и не бесполезной для той жизни, какую мы создали...

Как может человек иметь определенное мнение и на этом успокоиться? Можно ли успокоиться, если ваше мнение состоит в том, что вас обидели? Если сосед обманул вас на доллар, вы не довольствуетесь сознанием того, что обмануты, или заявлением об этом, или даже петициями о возвращении причитающейся вам суммы; вы сразу же предпринимаете практические шаги, чтобы получить ее сполна и не быть обманутым впредь. Поступок, продиктованный принципом, осознание справедливости и ее свершение изменяют вещи и отношения; он революционен по своей сути и не совместим вполне ни с чем, что было до того. Он не только раскалывает государства и церкви, он разделяет семьи; более того, вносит раскол в отдельную душу, отмежевывая в ней дьявольское от божественного.

Несправедливые законы существуют; будем ли мы покорно им повиноваться или попытаемся их изменить, продолжая пока что повиноваться им, или же нарушим их сразу? При таком правительстве, как наше, люди чаще всего считают, что следует ждать, пока не удастся убедить большинство изменить законы. Они полагают, что сопротивление было бы большим злом. Но если это действительно большее из двух зол, то виновато в этом само правительство. Именно оно делает его большим злом. Отчего оно неспособно идти навстречу реформам? Отчего не ценит разумное меньшинство? Зачем сопротивляется и кричит раньше, чем его ударили?

Отчего не поощряет в своих гражданах бдительность к своим недостаткам и более правильные поступки, чем те, на которые оно их толкает? Зачем оно всегда распинает Христа, отлучает Коперника и Лютера и объявляет мятежниками Вашингтона и Франклина?

По-видимому, обдуманное и подкрепленное действием непризнание его власти является единственным проступком, которого прави-

тельство не сумело предусмотреть; иначе почему за него не положено определенной и соразмерной кары? Если человек, не имеющий собственности, хоть однажды откажется заработать для правительства девять шиллингов, его заключат в тюрьму на срок, не ограниченный никаким известным мне законом и определяемый только по усмотрению лиц, которые его туда заключили; а если он украдет у государства девяносто раз по девяти шиллингов, его скоро выпускают на свободу.

Если несправедливость составляет неизбежную часть трения правительственной машины, то пусть себе вертится, пусть. Авось трение мало-помалу уменьшится, и, уж конечно, износится машина. Если несправедливость зависит от какой-то одной пружины, или шкива, или троса, или рычага, быть может, придется задуматься, не будет ли исправление зла злом еще худшим. Но если она такова, что требует от вас вершить несправедливость в отношении другого, тогда я скажу: такой закон надо нарушить. Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину. Я, во всяком случае, должен позаботиться, чтобы не поддаться злу, которое я осуждаю.

Что касается средств исправления зла, предлагаемых государством, то мне такие средства не известны. Слишком много времени они требуют, на это уйдет вся жизнь. А у меня есть другие дела. Я явился в этот мир не столько затем, чтобы сделать его местом, удобным для жилья, сколько затем, чтобы в нем жить, хорош он или плох. Человеку дано сделать не все, а лишь что-то; и именно потому, что он не может сделать всего, не надо, чтобы это что-то он делал неправильно. Не мое дело слать петиции губернатору или законодательным учреждениям, как и не их дело — слать петиции мне; и если на мою петицию они не обратят внимания, что мне делать тогда? В этом случае государство не предусматривает никакого выхода; именно его конституция и является злом. Это, быть может, звучит резко, упрямо и непримиримо, но именно так я проявляю наибольшую бережность и уважение к той человеческой сущности, которая этого заслуживает или может понять. Таковы все перемены к лучшему, как, например, рождение и смерть, от которых тело содрогается в конвульсиях...

С американским правительством, или его представителем — правительством штата, я встречаюсь непосредственно и лицом к лицу раз в году — не чаще — в образе сборщика налогов; такова единственная обязательная встреча с ним для человека в моем положении; и

оно при этой встрече явственно говорит: «Признай меня!» И самый простой и действенный, а при нынешнем положении дел самый необходимый способ говорить с ним, выразить ему, как вы им недовольны и как его не любите, это — отказать ему. Мой учтивый сосед, сборщик налогов — вот с кем мне приходится иметь дело, потому что, в сущности, мои претензии обращены к людям, а не к пергаменту, а он добровольно стал агентом правительства. Разве сможет он узнать, что он собой представляет и как правительственный чиновник, и как человек, пока ему не придется подумать, как отнестись ко мне, своему соседу, которого он уважает, — как к соседу и порядочному человеку или как к сумасшедшему нарушителю спокойствия — и пробовать преодолеть это препятствие для добрососедских отношений, не позволяя себе при этом необдуманных и грубых слов и мыслей. Зато я хорошо знаю, что если бы тысяча, или сто, или десять человек, которых я мог бы перечислить — всего десять честных людей — или даже один честный человек в нашем штате Массачусетс отказался владеть рабами, вышел бы из этого сообщества и был бы за это посажен в тюрьму, это означало бы уничтожение рабства в Америке. Не важно, если начало скромное: что однажды сделано хорошо, то сделано навечно. Но мы предпочитаем говорить и в этом усматриваем свою миссию. На службе Реформы состоят дюжины газет, но ни одного человека. Если бы мой уважаемый сосед, посланник штата, который посвятил свою жизнь вопросу о правах человека в Верховном суде, вместо того чтобы считать главной угрозой тюрьмы в Каролине, имел в виду Массачусетс, старающийся свалить грех рабовладения на другой штат — хотя до сих пор поводом для ссоры между ними может быть только недостаток гостеприимства — законодательные власти не стали бы будущей зимой снимать этот вопрос с повестки. При правительстве, которое несправедливо заключает в тюрьму, самое подходящее место для справедливого человека — в тюрьме... Если кто-либо думает, что здесь он утратит свое влияние и его голос не дойдет до ушей штата, и он не в этих стенах представляет собой противника, значит, он не знает, насколько истина сильнее заблуждения и насколько красноречивее и успешнее может бороться с несправедливостью тот, кто хоть отчасти испытал ее на себе. Подавать голос надо не в виде бумажного бюллетеня, а всего своего влияния. Меньшинство бессильно, когда подчиняется большинству; тогда оно даже и не меньшинство; но оно всеильно, когда противится изо всех сил. Если штату представится выбор —

держат всех справедливых людей в тюрьме или отказаться от войны и рабовладения, он не поколеблется. Если бы в этом году тысяча человек отказались платить налоги, не было бы ни насилия, ни кровопролития, какие вызовет уплата налога, которая позволит штату совершать насилия и проливать невинную кровь. Это была бы именно мирная революция, если такова возможна. Когда сборщик налогов или другой чиновник спрашивает меня, как уже сделал один из них: «Но что я могу сделать?» — я отвечаю: «Если действительно хотите что-то сделать, подайте в отставку». Если подданный отказывается повиноваться, а чиновник отказывается от должности, революция свершилась. Но положим даже, что прольется кровь. А разве из раненой совести не льется кровь? Из этой раны вытекает все мужество и бессмертие человека, истекая этой кровью, он умирает навеки. Вот эта кровь и льется сейчас...

Я уже шесть лет не плачу избирательный налог. Однажды я был за это заключен в тюрьму на одну ночь. Разглядывая прочные каменные стены толщиной в два-три фута, окованную железом дверь толщиной в фут, я был поражен глупостью этого учреждения, которое обращалось со мной так, словно я всего лишь кровь, плоть и кости, которые можно держать под замком. Я подивился, что выбрали именно этот способ меня использовать и не додумались, что я могу пригодиться на что-нибудь другое. Я понял, что если меня отделяет от моих сограждан каменная стена, то им нужно пробиться или перелезть через еще более высокую стену, чтобы достичь свободы, какую располагаю я. Ни на миг я не почувствовал себя лишенным свободы, а стены были просто напрасной тратой камня и известки. Я почувствовал себя так, как будто один лишь я уплатил налог. Они явно не знали, как со мной обращаться, и вели себя как дурно воспитанные люди. Как угрозы, так и уговоры были ошибкой; ибо они думали, что моим главным желанием было оказаться по другую сторону этой каменной стены. Я невольно улыбался, глядя, как старательно они запирали дверь за моими мыслями, которые выходили беспрепятственно, а ведь только они и представляли опасность. Бессильные добраться до меня самого, они решили покарать мое тело; совсем как мальчишки, которые, если не могут расправиться с кем-нибудь, на кого они злы, вымещают это на его собаке. Я понял, что государство слабоумно, что оно трясется, как одинокая женщина за свои серебряные ложки, и не отличает друзей от врагов; я потерял к нему последние остатки уважения и почувствовал жалость.

Итак, государство никогда намеренно не угрожает разуму или нравственному чувству человека, а только его телу или пяти чувствам. Оно вооружено не превосходящей мудростью или честностью, а только физической мощью. А я не затем родился, чтобы терпеть насилие. Я хочу дышать по-своему. Посмотрим же, кто сильнее. Какой силой наделена толпа? Принудить меня могут только те, кто подчиняется высшему, чем я, закону. А они принуждают меня уподобиться им самим. Я не слышал, чтобы множеству удавалось принудить человека жить именно так, а не этак. Какая это была бы жизнь? Когда мне встречается правительство, которое говорит мне: «кошелек или жизнь?», к чему мне спешить отдавать кошелек? Быть может, оно находится в крайней нужде и не знает, что делать; но я тут не причем. Пускай выпутывается само, как делаю я. Хныкать над этим не стоит...

Дорожный налог я никогда не отказываюсь платить, потому что также хочу быть хорошим соседом, как плохим подданным; а что касается налога в пользу школы, то именно сейчас я и вношу свою долю в воспитание сограждан. Я отказываюсь платить не из-за того или иного пункта в налоговой ведомости. Я просто отказываюсь повиноваться требованиям государства и не хочу иметь с ним ничего общего. У меня нет охоты проследить путь моего доллара, если бы даже это было возможно, пока на него не купят человека или ружье, чтобы убить человека — доллар не виноват, но мне важно проследить последствия моего повиновения. В общем, я по-своему объявил государству тихую войну, хотя, как принято в подобных случаях, намерен тем не менее извлекать из него возможную пользу и выгоду...

Такова моя нынешняя позиция. Но в подобных случаях человек должен быть настороже, чтобы на его поступок не влияло упрямство или чрезмерная оглядка на мнение окружающих. Пусть он выполняет только свой долг перед самим собою и перед временем.

Иногда я думаю: да ведь эти люди имеют добрые намерения, они просто не знают, они поступали бы лучше, если бы знали, как надо. Зачем огорчать своих ближних, вынуждая их поступать с тобою так, как им не хотелось бы? Но затем я думаю: это не причина, чтобы и мне делать, как они, или причинять другим гораздо большие страдания иного рода. И еще я говорю себе иногда: если многомиллионная масса людей без злобы, без какого-либо личного чувства требует от тебя всего несколько шиллингов и не может, так уж она устроена, отказаться от этого требования или изменить его, а ты не можешь

апеллировать к другим миллионам, к чему бросать вызов неодолимой стихийной силе? Ведь не сопротивляешься же ты с таким упрямством холоду и голоду, ветрам и волнам; и спокойно покоряешься множеству других неизбежностей. И голову в огонь ты тоже не суешь. Но именно потому, что эта сила не представляется мне целиком стихийной, а отчасти человеческой, и что с этими миллионами я связан как с миллионами людей, а не бесчувственных предметов, именно поэтому я вижу возможность апеллировать, во-первых, к их создателю, а во-вторых, к ним самим. А когда я сознательно сую голову в огонь, то не могу апеллировать ни к огню, ни к создателю огня и должен винить только себя. Если бы я мог убедить себя, что я вправе довольствоваться людьми как они есть и относиться к ним соответственно, а не согласно моим понятиям о том, каковы должны быть и они, и я, тогда, как добрый мусульманин и фаталист, я постарался бы удовлетвориться существующим положением вещей и говорил бы, что такова Божья воля. Но между сопротивлением людям и чистой стихийной силе природы прежде всего та разница, что первым я могу сопротивляться с некоторым успехом, но не надеюсь уподобиться Орфею и изменить природу скал, деревьев и зверей.

Я не хочу враждовать ни с людьми, ни с народами. Не хочу заниматься казуистикой, проводить тонкие различия или выставлять себя лучше других. Скорее, я ищу предлог, чтобы подчиниться законам страны. Я даже слишком склонен им подчиняться. Эту склонность я сам в себе замечаю и каждый год при появлении сборщика налогов бываю готов пересмотреть действия и точку зрения правительства страны и штата, а также общественные настроения, чтобы найти повод повиноваться.

К отчизне надобно сыновнее почтение. И если мне когда-нибудь случится Священным этим долгом пренебречь, пусть это будет только по вельню Души моей, и совести, и веры, но не затем, чтоб выгоду искать.

Я полагаю, что государство скоро избавит меня от такой работы, и тогда я буду не лучшим патриотом, чем мои соотечественники. Если рассматривать ее с неизменной точки зрения, конституция при всех ее недостатках очень хороша; законы и суды — весьма почтенны; даже правительства Америки и штата во многом заслуживают восхищения, очень многими так и описаны, и мы должны быть за них благодарны. Но с точки зрения хоть немного более высокой они именно таковы, какими их описал я, а с еще более высокой и с высшей кто

скажет, каковы они и стоят ли вообще того, чтобы смотреть на них или о них думать?

Впрочем, до правительства мне мало дела, и я намерен думать о нем как можно меньше. Даже в этом мире я не часто бываю подданным правительства. Если человек свободен в своих мыслях, привязанностях и воображении и то, чего нет, никогда надолго не предстанет ему как то, что есть, ему не страшны неразумные правители и реформаторы.

Я знаю, что большинство людей думает иначе, чем я. Но с теми, кто посвятил себя изучению этих или подобных вопросов, я согласен не больше. Государственные деятели и законодатели, находящиеся целиком внутри здания, никогда не видят его ясно. Они намерены сдвинуть общество с места, а сами не имеют опоры вне его. Они, быть может, обладают определенным опытом и проницательностью и, наверное, изобрели остроумные и даже полезные системы, за что мы им искренне благодарны. Но все их остроумие и полезность ограничены известными, отнюдь не широкими рамками...

Власть правительства, даже такого, которому я готов повиноваться — ибо охотно подчинюсь тем, кто знает больше и поступает лучше меня, а во многом даже тем, кто меня не лучше, — чтобы быть вполне справедливой, она должна получить санкцию и согласие управляемых. Правительство имеет лишь те права на меня, какие я за ним признаю. Прогресс от абсолютной монархии к ограниченной, а от нее — к демократии приближает нас к подлинному уважению к личности. Даже китайский философ понимал, что личность — основа империи. И разве демократия в том виде, какой известен нам, является последним возможным достижением? Разве нельзя сделать еще шаг к признанию и упорядочению прав человека? Подлинно свободное и просвещенное государство невозможно, пока оно не признает за личностью более высокую и независимую силу, источник всей его собственной власти и авторитета, и не станет обходиться с ней соответственно. Мне нравится воображать такое государство, которое сможет наконец позволить себе быть справедливым ко всем людям и уважать личность как ближнего своего и которое даже не станет тревожиться, если несколько человек чуждаются его и держатся в стороне, лишь бы выполняли свой долг в отношении ближних. Государство, приносящее такие плоды и позволяющее им падать с дерева, когда они созреют, подготовило бы почву для Государства еще более совершенного, которое я тоже воображаю, но еще нигде не видел. ■

Общие правила по распознаванию и лечению психических расстройств у беженцев

Психическое здоровье беженцев. – К. – Из-во Сфера, 1998. – 176 с.

Правило 1

Выучите местные названия, которые используются для обозначения эмоционального стресса и психического заболевания

Вам необязательно быть религиозным или народным целителем, но вы должны знать, какими словами пользуются эти целители при определении и лечении эмоционального стресса и психических заболеваний. Во время вашей первой встречи с клиентом спросите его название болезни, которой, по его мнению он страдает. Задайте такой же вопрос членам его семьи. Спросите, пользовался ли больной народными средствами лечения и если да, то какими. Эта информация поможет вам понять, почему, по мнению общины, человек чувствует себя плохо. Это также поможет вам узнать, имело ли какой-нибудь эффект традиционное лечение.

*Правило 2***Составьте перечень часто встречающихся симптомов психических заболеваний**

Постарайтесь узнать о разнообразных проявлениях, которые могут свидетельствовать о наличии психического заболевания у беженцев. Имейте наготове список таковых, чтобы вы могли сравнить их с жалобами вашего клиента.

*Правило 3***Всегда старайтесь сделать визит на дому**

Визиты на дому помогут вам увидеть условия проживания клиента. Многие проблемы станут для вас более очевидными. Поговорите с мужем или женой, другими членами семьи или друзьями о том, действительно ли клиент имеет психическое заболевание. Почему они думают, что это так? Они наблюдали за этим человеком долгое время и могут дать какую-то информацию, которую ваш клиент не упомянул, не хочет признаваться в ней или слишком расстроен, чтобы сообщить вам ее.

*Правило 4***Используйте простые для понимания термины при разговоре с больными беженцами об их возможном заболевании.**

Например, если вы хотите узнать есть ли у больного слуховые галлюцинации, спросите его простыми словами: «Слышите ли вы голоса, которые другие люди не могут слышать?»

*Правило 5***При первой встрече с пациентом заверьте его, что вы не расскажете другим людям, о чем он с вами поделился или иные сведения о нем без его разрешения.**

Все, что рассказывает вам больной, носит конфиденциальный характер и должно остаться между вами и больным. Это защитит больного от работодателей, администраторов проекта, членов семьи и других людей, которые могут захотеть узнать какие-либо факты, которые больной хочет оставить в секрете. Если вы расскажете о заболевании больного или его секретах, он никогда уже не будет вам доверять. ■

Психологические аспекты

М. Липман

Обучение с целью снижения уровня и развития миролюбия

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000955/st000.shtml>

© М.Липман. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Философия для детей. — М., 1996.

Предлагаемая читателю статья принадлежит перу Метью Липмана, известного теоретика образования, директора Института по развитию философии для детей (Монтклэр, США), под руководством которого была разработана концепция и программа преподавания философии в школе (с 1-го по 11-й класс), получившая широкое распространение во многих странах мира.

В 1993 г. группа психологов из Гарвардского университета провела исследования, на основе которых сделала следующие выводы: формы поведения, сопряженные с насилием, дети осваивают, а коли так, значит, их в принципе можно обучить и альтернативным формам поведения. Одна из важнейших рекомендаций состоит в том, что начинать учить ненасилию следует в самом раннем возрасте, особенно в период от 4 до 8 лет, т. е. до того, как агрессивность приобретет характер стойкой привычки и закрепится в стереотипах поведения. Среди практических средств исследователи главным и наиболее эффективным считают введение в школьное образование особых программ, нацеленных на усвоение детьми навыков мирно-

го поведения, умения справляться с эмоциями, вести переговоры, разрешать конфликты и т. д.

Статья Липмана ценна тем, что развиваемые в ней идеи опираются на цельную и технологически проработанную концепцию философского образования в школе, а также на многолетнюю практику работы по программе «Философия для детей» в странах с разными национальными культурами. Эта статья написана философом, но в ней нет привычных для нас глобалистско-метафизических рассуждений о природе человека, морали, насилии, войне, мире и т. п. Не касается она и современных споров психологов об агрессии (сейчас насчитывается 250 определений агрессии, вникать в них нецелесообразно. Липман рассматривает только один ее вид, сопряженный с насилием, и принимает тезис, что человеку свойственна диспозиция к насилию). Смысл этой статьи — философско-педагогический: обоснование рефлексивно-деятельностных или исследовательских методов трансляции ценностного знания и обучения миролюбию. Оптимальный контекст такой трансляции — систематическое философское обучение детей в школе, развивающее у детей навыки разумного мышления и поведения. Деятельностный подход Липман противопоставляет традиционному — проповедническому, морализаторскому (апелляция к учениям великих личностей, к моральным авторитетам, традициям и т. п.). Липман считает, что и в прошлом такой подход годился только для легковерных; сегодня же, во времена скептиков, он стал малоэффективным.

Педагогические идеи, которые предлагает Липман, на первый взгляд выглядят простыми. Во-первых, детей следует значительно больше, чем сейчас принято, но столь же систематически, как и другим школьным предметам, учить умению самостоятельно рассуждать о смысле моральных, юридических, социальных понятий, таких как личность, свобода, право, ответственность, уважение к другим людям, компромисс, насилие и т. п., а также о связях и отношениях этих понятий. Во-вторых, у ребят должно быть гораздо больше практики по овладению способами разрешения эмоциональной напряженности, проявлению терпимости и нахождению разумных компромиссов. Иначе говоря, еще до выхода детей в большой мир требуется на обычных для них ситуациях («мы не

будем с ним играть, потому что он дерется», («он сломал мою ручку, я тоже сломаю его ручку») формировать навыки морального улаживания конфликтов и создавать стойкий иммунитет к насилию. Очень важно — это принципиальное требование всей педагогики Липмана, чтобы обучение миротворчеству не сводилось к скучному назиданию и морализаторству; нахождение оптимального решения той или иной проблемной ситуации должно быть сопряжено с моральным удовлетворением, закрепляться позитивной эмоциональной подпиткой.

Однако реализовать эти идеи непросто. Для этого нужно создать рабочую не только соответствующую структуру, но и особое социальное окружение, попадая в которое, ребенок может максимально раскрыть свою индивидуальность и в котором его взгляды получали бы коллективную апробацию. В педагогике Липмана такой структурой является обычный класс общеобразовательной школы, превращенный в сообщество исследователей. Сообщество исследователей — центральное понятие всей его педагогики и технологии обучения и, еще шире, его социальной философии.

Сообщество исследователей мыслится как неформальная группа людей, занятых поиском истины в форме «сократического диалога». Учитель здесь больше не выступает в роли эксперта, судьи, энциклопедиста; у него в кармане нет готового решения, как, скажем, на уроке математики. Его задача (поскольку он знает больше учеников) — обозначить проблемное поле, стимулировать и организовывать поиск в неизведанное. «Между ситуацией, — пишет Липман в публикуемой ниже статье, — когда ребенку задают вопрос, уже имеющий ответ, и той ситуацией, когда ему задают вопрос, ответ на который неизвестен или очень противоречив, пролегает пропасть». Только во втором случае включаются поисковые, исследовательские механизмы, и в классе завязывается реальная дискуссия: обоснованное рассуждение позволит детально рассмотреть обстоятельства, причины, мотивы того или иного акта и т. д., в результате чего моральные, правовые и социальные оценки предстанут в понятных для детей смыслах, а оценочные суждения со временем ребята будут строить все более грамотно. Исследование в форме обоснованного рассуждения Липман называет серьезной и трудной когнитивной работой, которая, как

и физического труд, предполагает преодоление сопротивления. Только преодолевать в данном случае нужно предвзятости, самообман, алогичность, сталкивающиеся эмоции, ошибочность в рассуждении, нежелание идти на компромисс, неуважение к чужому мнению и т. п.

Цель такой работы — помочь детям не только обрести навыки аргументативного, критического рассуждения. Не менее важно сформировать у них навыки ведения дискуссии, межличностных отношений, необходимые для мирного решения человеческих проблем. Более того, сообщество исследователей мыслится Липманом как главная ячейка общества, в которой происходит становление граждан демократического общества.

Липмана, конечно, можно назвать мечтателем, верящим в человеческий разум и великую силу образования. Правда, он из мечтателей, десятилетиями упорной и систематической работы воплощающих на практике свою мечту. Сейчас 30 центров «Философия для детей», разбросанных по разным континентам, занимаются внедрением в школьное образование программы, созданной под его руководством; они уже получили обнадеживающие результаты. Конечно, предугадать, в какой мере обучение по рефлексивно-деятельностной методике Липмана скажется на снижении уровня насилия и развитии миролюбия, трудно. Но вместе с тем здравый смысл подсказывает, что, кроме образования и специальных программ, рассчитанных на современного человека, на его разум, а не просто на веру, другой альтернативы у общества нет; ведь нельзя же считать серьезной альтернативой усилению репрессивных функций социальных институтов по отношению к подрастающему поколению — результатом может стать только цепная реакция насилия.

Н.С. Юлина

Формирование, а не внушение стереотипов

В своей статье я не собираюсь превозносить достоинства миролюбия и порицать порочность насилия. Поступить таким образом — значило бы попасть в ловушку, в которую угодили очень многие попытки обучения миролюбию в противовес насилию. Конечно, мир выглядит весьма привлекательно, насилие же производит отталкивающее впечатление. Тем не менее, когда дело доходит до обучения

этим ценностям, недостаточно просто культивировать непосредственные эмоциональные реакции или бесконечно твердить, как хорош мир и как дурно насилие. Вместо этого нам следует помочь детям и уяснить, и осуществить на деле то, что мы понимаем под снижением уровня насилия и развитием миролюбия. Они должны научиться думать об этих вещах самостоятельно, а не просто проявлять готовые реакции на соответствующий стимул.

Отсюда следует, с одной стороны, что учащиеся обязаны значительно больше, чем это сегодня принято, задумываться о значении таких понятий, как мир, свобода, равенство, взаимодействие, демократия, личность, права и справедливость, даже если выявятся глубокие расхождения относительно этих значений. С другой стороны, ребятам следует гораздо больше практиковаться в овладении навыками рационального размышления, выявления стереотипов и пред-рассудков и смягчения конфликтов.

Оба эти требования ведут к одной и той же конечной цели: обычный класс превращается в сообщество исследователей, в котором ученики могут продуцировать и обсуждать идеи, рассматривать понятия, развивать гипотезы, оценивать возможные последствия и сообща размышлять, учась в то же время наслаждаться интеллектуальным общением и взаимозависимостью. Во многом напоминая суд присяжных, эти классные сообщества развивают навыки исследования, рассуждения и образования понятий, навыки, позволяющие детям посредством отсеечения второстепенных проблем вести управляемую и результативную дискуссию, пусть даже разрешение более серьезных проблем окажется иллюзорным.

Если люди когда-либо научатся в своей повседневной жизни применять более совершенные методы разрешения конфликтов, это произойдет прежде всего благодаря совместной постановке вопросов, совместному рассуждению, совместной выработке суждений. Подобно тому, как мы признаем ценность спора и аргумента в некоторых контекстах, например в суде, следует признать, что учащиеся могут много выиграть, усваивая фундаментальные навыки в процессе критического и творческого мышления, вовлекаясь в исследовательский диалог и научаясь принимать во внимание разные стороны каждого вопроса. Более того, точно так же, как мы признаем ценность ассигнований на исследования и полезность книг и библиотек, необходимо признать, что совместная деятельность во имя мира — дело по своей сути социальное и коммунальное. Она развивает умение сооб-

ща анализировать факты и причины, развивает навыки выработки компромиссов и достижения согласия в спорных вопросах.

Ученики получают хорошие практические навыки общения и решения проблем, если с самого начала сталкиваются с проблемами, непосредственно их затрагивающими и действительно нерешенными. Именно здесь философия как дисциплина, построенная таким образом, чтобы быть доступной даже для самых маленьких школьников, может оказаться чрезвычайно полезной. Философия предлагает людям идеи для размышления — идеи, которые нельзя обсудить раз и навсегда, поскольку они веками остаются предметом спора.

Как хорошие друзья лелеют дружбу, а сильные сообщества осознают ценность сообщества, так и миролюбивые сообщества признают ценность понимания того, что такое мир и какие условия должны выполняться для его поддержания. Общества, которые не особенно стремятся понять, как можно достичь мира и сохранить его, вряд ли удержатся в состоянии мира или смогут насладиться им.

Проповеди и лекции, осуждающие насилие и превозносящие мир, чаще всего представляют собой упражнение в стереотипном мышлении. Обычно подразумевается, что слушатели должны безоговорочно выступать *за* мир и *против* насилия, не принимая в расчет контекста или обстоятельств, не задаваясь вопросом, было ли насилие, о котором идет речь, оправданным или неоправданным. Это приводит к своего рода одномерному моральному мышлению, возвращенному на стереотипах: «она пассивна, она должна быть хорошей»; «она смиренна и тиха, она, должно быть, добродетельна»; «он робок, он не может нарушать права других людей». Иными словами, нас учат отдавать словесную дань стереотипам, которые на практике оборачиваются абсолютно неоправданными выводами и оценками. Не удивительно поэтому, что изнасилование часто снисходительно рассматривают как прерогативу мужчин, а плохое обращение с детьми — как прерогативу родителей. Протесты жертв не просто отвергаются, их не слышат. Спустя какое-то время жертвы насилия прекращают протестовать, ибо понимают полную безнадежность своих протестов, а это воспринимается как верный признак того, что они простили или же... получили по заслугам.

Образование с целью снижения насилия и образование для миротворчества являются, следовательно, двумя сторонами одной монеты. И хождение имеет только целая монета, а не какая-то одна ее сторона.

Всем нам знаком тот факт, что люди, занимающиеся воспитанием с целью снижения насилия, часто рисуют картины насилия и затем порицают их. Такая стратегия малоэффективна, поскольку аудитория живо откликается на изображение насилия и игнорирует его осуждение. Так часто бывает и с защитой мира, которая представляет состояние мира в таких блеклых красках, что побуждает людей избегать его, как чумы. В конце концов, не это ли происходит в романских тимпанах или готических соборах, куда верующие порою приходят, чтобы насладиться живыми картинами пыток в аду, а не спокойной безмятежностью рая?

Неодолимое любопытство, какое сегодня вызывает насилие у многих людей, позволяет средствам массовой информации с легкостью играть на этой слабости и развивать ее. Книги, кино, телевидение и газеты современного мира обыгрывают все стороны любого случая насилия, прекрасно зная, что это продается. Насилие ассоциируется с чрезвычайно интенсивным опытом, с возбуждением по аналогии с возбуждением тех людей, которые прибегают к наркотикам, которые дают ощущение «полета». Насилие — очень ходовой рыночный товар.

Пассивный телезритель находит удовлетворение в изображениях насилия, поскольку видит в них ту опытную ткань, которую в состоянии оценить. Так как это замещающий опыт, в нем нет и следа той ответственности, что неотделима от событий реальной жизни, а возбуждающие ее моменты хорошо сохраняются.

О чем говорит этот безудержный интерес к насилию? С одной стороны, он представляется последним прибежищем для людей, которые влечат невыразимо тоскливое существование и стремятся к иной, гораздо более яркой и насыщенной жизни. С другой стороны, он указывает на то, что предаваться фантазиям о насилии как способе высвобождения подавленной горечи и обиды чаще всего склонны люди, чувствующие, что их силы отчуждены, надежды поруганы, а энергия растрочена впустую.

Люди, стремясь постичь смысл собственной жизни и не обнаружив его, изо всех сил стараются его создать. Однако их благонамеренные попытки часто сталкиваются с серьезными трудностями, поскольку далеко не каждый способен отличить обманчивое возбуждение, возникающее в результате окружения себя образами насилия, от возбуждений живой жизни, богатой смыслами, качественно насыщенной, наполненной конструктивными человеческими отношениями.

Мы слишком часто не способны отличить фальшивое золото от настоящего. Обучение, о котором пойдет речь, должно помочь людям избежать такого рода вопиющих ошибок.

К каким критериям апеллировать?

В обучении с целью снижения насилия и развития миролюбия к каким критериям мы можем апеллировать?

Это предварительный вопрос огромной важности.

- А Мы можем обращаться к собственному опыту и пытаться показать, что именно он позволяет нам компетентно судить об этой проблеме.
- Б Мы можем апеллировать к собственному опыту ребенка.
- В Мы можем пытаться убедить ребенка с помощью аргументов и риторических приемов.
- Г Мы можем взывать к разуму — и детскому и собственному.
- Д Мы можем воспользоваться всеми перечисленными критериями.

А. Мы можем обращаться к собственному опыту. Согласен. Будучи взрослыми, мы вправе заявлять, что наш опыт учит нас: мир достоин похвалы, а насилие — порицания. Разумеется, дети должны учиться на нашем опыте. Однако можно ли допустить, чтобы наш опыт стал адекватной заменой опыта ребенка? И, кроме того, является ли целью обучения использование только *нашего* опыта, с тем чтобы взгляды детей в конечном счете совпали со взглядами взрослых? Не важнее ли, чтобы дети формировали собственные независимые суждения, нежели просто копировали наши?

Конечно, говоря о «нашем опыте», мы, взрослые, имеем в виду не только мой или ваш опыт. Мы имеем в виду воплощенный в истории опыт человечества. Однако хотим ли мы извлечь из истории тот недвусмысленный урок, что в конечном счете насилие достигает своей цели чаще, нежели ненасилие? Дает ли история человеческого прошлого четкие моральные стандарты на будущее? Если мы склонны так думать, то нам следует прочесть мысли о временах войны и смерти Фрейда, где он замечает, что во время войны люди испытывают духовный подъем: их жизни внезапно становятся более осмысленными, и они могут получать наслаждение от страданий врагов. Нет, в запутанном клубке истории мало найдется недвусмысленного или непротиворечивого. Сантаяна со свойственным ему красноречием сказал, что забывающие прошлое обречены повторять его, ибо он, как и всякий человек, понимал, что в каком-то смысле происхо-

дящее с нами всегда будет похоже на происходившее в прошлом и что, в другом смысле, наши жизни и жизненный опыт всегда беспрецедентны и новы. История может быть полезна для ребенка только в том случае, если он способен к корректному рассуждению и к вынесению здравых суждений.

То же самое верно и относительно использования ребенком нашего взрослого опыта. Когда ребенок не в состоянии мыслить критически, мы можем, если захотим, наполнить его (или ее) сознание своими самыми крайними понятиями. Детей следует учить мыслить не только лучше, но и мыслить самостоятельно.

Б. Мы можем апеллировать к собственному опыту ребенка. У каждого отдельного ребенка, конечно, опыт еще мал, хотя дети, очевидно, восполняют недостающее количество качеством. Более того, опыт ребенка, вероятно, отличается от нашего опыта более существенно, чем мы думаем. И даже если он такой же, не исключено, что мы забыли значительную часть своего детского опыта и поэтому вряд ли знаем, к чему в детском опыте следует апеллировать.

С другой стороны, картина меняется, если принять в расчет опыт детей, объединенных в сообщество исследователей. Здесь дети сотрудничают и обращаются к опыту своих сверстников и могут даже соединить свои довольно отрывочные наблюдения в цельную картину. И поэтому мы, безусловно, не должны обходить вниманием критерий собственного опыта ребенка.

В. Мы можем пытаться убедить ребенка с помощью аргументов и риторических приемов. Конечно, мы можем сделать это, но нужно ли? Аргумент имеет смысл использовать лишь постольку, поскольку ребенок способен сформулировать контраргумент. И еще. Точка зрения взрослого, представленная в форме аргумента, задает ребенку модель ответа, который родитель посчитал бы разумным. Маленькие дети могут выстраивать маленькие аргументы — минимальные, вроде вывода, подтвержденного причинным основанием. Если же мы попытаемся применить более сильные логические средства, энтимему или цепь силлогизмов, ребенок поймет свое поражение и затаит обиду.

Подобным же образом обстоит дело с нашей риторикой. Обращение к иронии и сарказму обычно непродуктивно, поскольку дети редко могут сражаться тем же оружием. К тому же, когда единственная наша цель — убеждение и для ее достижения мы не останавлива-

емся перед применением любых риторических средств, мы уже не находимся в сфере образования. Мы близки к манипулированию: заставляем детей делать то, что хотим сами, в то же время внушая им, что именно они хотят это сделать. А не является ли манипуляция тоже формой насилия по отношению к сознанию ребенка?

Вывод таков: использование аргумента в общении с детьми, способными ответить на таком же уровне, можно признать разумным, однако не единственным доступным нам средством.

Г. *Мы можем взывать к разуму — и детскому и собственному.* Альтернативная форма разумности состоит в том, чтобы вовлечь ребенка в дискуссию, в которой быстро проявляются расхождения во мнениях относительно фактов или ценностей и возникает возможность превратить их в предмет тщательного рассмотрения и рефлексии. Иными словами, мы можем вовлечь ребенка в диалог, ни одна из сторон в котором не знает точно, во что выльется поиск, но все хотят следовать ему, куда бы он ни завел.

Д. *Мы можем воспользоваться всеми вышеперечисленными критериями.* Для сообщества исследователей характерно накопление общего опыта: здесь каждый готов и хочет учиться на опыте других наравне с собственным. Здесь налицо также приверженность разумности, т. е. рациональности, контролируемой критическим и творческим аргументом. Допускаются и попытки убеждения в таких условиях, где очевидно преобладание взаимного доверия и благонамеренности.

В сообществе исследователей ученики и учителя выступают соисследователями, коллективно рассуждающими о тех или иных вопросах. Такой диалог — форма совместного рационального рассуждения, не попытка подменить науку рациональным рассуждением, а стремление дополнить научное исследование. Информация, получаемая из науки — ее теорий, данных, процедур — не является здесь предметом спора. Рациональное рассуждение помогает нам а) *расширить* знание с помощью логического вывода, б) *защитить* знание с помощью доводов и аргументов, в) *координировать* знание средствами критического анализа.

Заостряя внимание на слове *исследователей* в словосочетании «сообщество исследователей», мы подчеркиваем исследовательскую роль таких сообществ. Последняя реализуется в обсуждении понятий, эмпирических свидетельств, области применимости, оснований,

определений и других вопросов, возникающих непосредственно в связи с экспериментальной стороной научного исследования либо дополняющих последнее. Диалог в сообществе исследователей нацелен на практические результаты, такие как достижение соглашений, получение определений, решений или выводов. Все они являются суждениями (judgements).

Акцентируя слово *сообщество* в словосочетании «сообщество исследователей», мы подчеркиваем социальные, эмоциональные и творческие аспекты процесса. *Социальные* — поскольку члены сообщества осознают свою взаимозависимость и в то же время признают за каждым право на личную точку зрения и видение; *эмоциональные* — поскольку они проявляют заботу друг о друге и о процедурах исследования; и *творческие*, поскольку такие сообщества стимулируют их участников мыслить самостоятельно — независимо, образно и оригинально.

Насилие и оправдание (justification)

Я не ставлю своей целью разобраться в том, бывает ли оправданное насилие, подобно тому как Майкл Уолтер в книге «Справедливые войны» исследует возможные обстоятельства, которые оправдывают войну. Нет у меня и намерения рассматривать различные аспекты насилия, с тем чтобы показать: некоторые его стороны не являются ни моральными, ни неморальными, тогда как другие (например, насильственные действия) с необходимостью аморальны. Эти проблемы не входят в задачи данной статьи, хотя порою я не могу удержаться от обращения к ним.

Беспокоит меня то, что обучение с целью снижения насилия и развития миролюбия идет, по-видимому, по пути других бесконечных инициатив, таких как просвещение относительно наркотиков, СПИДа, сексуальной озабоченности, проблем окружающей среды. Дело в том, что при всех этих усилиях образования внедрить в широкую публику определенную систему ценностей чаще всего некритически используются педагогические техники, которые признаны устаревшими даже в школах. Я говорю о методе лекций авторитетов. Считается, что публика должна принять эти ценности хотя бы потому, что они рекомендованы экспертами. Данный подход хорошо срабатывает в легковерной аудитории, но плохо — в скептической. Скептики знают, что всякая заинтересованная группа имеет своих оплачиваемых либо неоплачиваемых экспертов, и склонны не

доверять любым утверждениям, которые следовало бы принять только из доверия к авторитету утверждающего.

Однако есть еще один способ добиться согласия публики, и он состоит в обращении к ценностным терминам или понятиям, которые кажутся известными **a priori**. В этом случае людей фактически нечему учить, поскольку они уже знают, если только вообще овладели языком, что в определенных словах одобрение «встроено» в само их значение, тогда как другие слова и понятия во все времена несут в себе социальное неодобрение.

Послушаем Дэвида Юма. Вполне очевидно, что писатели всех наций и веков соревнуются в одобрении справедливости, гуманности, великодушия, благоразумия и в поношении противоположных качеств... Некоторая часть кажущейся гармонии в морали может быть объяснена самой природой языка. Слово «добродетель» в любом языке включает похвалу, а слово «порок» — порицание; и никто без явного и грубого нарушения приличий не может приписать нечто нечестивое термину, который общее мнение понимает в положительном смысле, или выказывать поддержку, в то время как идиома требует неодобрения [1].

Таким образом, может показаться, что моральное образование должно только разбудить у учащихся чуткость к терминам пороков и добродетелей, и встроенные в них одобрение или неодобрение автоматически научат их различать хорошее и дурное. Здесь не о чем задумываться: великодушие всегда хорошо, а жестокость всегда дурна. В любой культуре овладение речью и мышлением на родном языке достаточно для обучения детей и вновь прибывших тому, что в этой культуре считается благом и справедливостью.

Данный традиционный подход к этике отмечен тем достоинством, что убеждает учащихся в важности принимать во внимание скрытые похвалу или порицание, сопровождающие используемые нами моральные термины. С другой стороны, он вводит нас в очень вредное заблуждение, наталкивая на мысль об излишестве этического исследования. Если жестокость всегда дурна, то все наши проблемы имеют только эмпирический и логический характер. Если всякая жестокость есть зло, то стоит нам только убедиться, действительно ли конкретный поступок жесток, и мы можем дедуцировать, что он дурен. Традиционный подход предполагает решение проблем этики при помощи ограничения ее формулировкой меньших посылок.

Одна из задач, стоящая перед этическим исследованием, и это относится не только к применению силы и насилия, но и ко всем другим проблемам, состоит в том, чтобы тщательно изучить, что именно принято считать само собой разумеющимся в моральном рассуждении. Сообщество, занятое тщательным этическим исследованием, может прийти к такого рода вопросам:

- Может ли человек быть жестоким и тем не менее добрым?
- Существуют ли обстоятельства, при которых неправильно быть великодушным?
- Можем ли мы любить того, кто нам не нравится?
- Можем ли мы ревновать человека, которого не любим?
- Бывает ли правда неуместной?
- Являются ли справедливость и свобода в принципе несовместимыми?
- Являются ли все пороки результатом самообмана?
- Может ли иметь место насильственное действие там, где отсутствует правда?
- Возможно ли применить насилие, желая блага?

Заметьте, что вопросы такого рода акцентируют внимание на совместимости, последовательности и контексте. Так, даже если справедливость всегда и везде — благо, не исключена возможность, что другие блага, скажем свобода, могут ограничивать ее практическую применимость. Последовательность часто бывает целью концептуального анализа, например когда нам нужно прояснить понятия, выводы, значения и т. д. И, конечно, даже те понятия, значения которых мы чаще всего считаем само собою разумеющимися, в специальных контекстах могут вызывать затруднения, о чем свидетельствуют оплошности, проблемы причинения или непринятия боли и страдания и юридические споры.

Недостаточно убедить людей, что причина нестабильности и изменчивости ценностных понятий кроется в том, что наше понимание их не отличается неизменностью и стабильностью. Мы весьма далеки от знания того, что означает, скажем, свобода, если, правда, мы вообще когда-либо сможем достичь полного знания такого рода вещей, и то же самое верно и относительно других моральных понятий [2]. Так, мы не можем быть уверены в том, что XXI век будет вкладывать в понятия мира и насилия тот же смысл, что и XIX и XX века. Однако достаточно очевидно по крайней мере следующее: чем больше мы станем затрачивать усилий на укрепление мира и сниже-

ние уровня насилия, тем более совершенным окажется наше понимание этих понятий.

Подчеркну еще раз: обучение ценностям ожидает полный провал, если оно основывается единственно на той мысли, что обсуждаемые ценности являются врожденными либо внутренне присущими и что поэтому учитель должен лишь раскрыть их для ученика. Ценности хороши лишь в той мере, в какой хороши их обоснования. Можно соглашаться с тем, что мир прекрасен и возвышен, а насилие — отвратительно и безобразно, однако эти определения слабы и неубедительны, если не встроены в механизм доказательного оправдания. Прошло то время, когда мы могли заявить ученикам о самоочевидности того, что, скажем, мужество есть благо, не вовлекая их в трудную концептуальную работу отграничения мужества от похожего на него порою глупого упрямства или в поиск причин, позволяющих обосновать его в качестве блага для конкретных ситуаций.

Можно возразить, что я упускаю из виду соображения, касающиеся характера и предрасположенности человека, однако же я не думаю, что это так. Я бы сказал, во-первых, что формирование морального характера человека представляет собой результат повторяющегося послышного наложения обоснованных моральных действий, совершенных в самых разных обстоятельствах. Личность, по своему характеру предрасположенная к разумности, это человек, который с ранних лет осознал важность увязывания действий с обосновывающими их аргументами и который ожидает такой же связи и в своем будущем поведении. Во-вторых, я бы отметил, что мы серьезно недооцениваем ту роль, какую играют в формировании морального характера интеллектуальные добродетели. Уважение к другим точкам зрения, терпимость к мнению другого, приверженность рациональности, способность к интеллектуальному творчеству, к выдвижению новых гипотез — все эти и многие другие качества составляют неотъемлемую часть морального характера любого человека [3]. И в-третьих, существуют способы формирования характера человека и развития его моральных склонностей, не опирающиеся на авторитет, внушение или другие сомнительные методы. Я имею в виду то воздействие, какое оказывает на формирование характера участие человека в сообществе исследователей. К этому соображению я вскоре вернусь.

Здесь я хотел бы просто повторить высказанный мною тезис: воспитание стремления к миротворчеству и сокращению насилия невоз-

можно без лингвистического, логического и концептуального анализа, который должен научить учеников критически мыслить о языке, рассуждении и структурировании информации, что обычно предполагается подобными образовательными инициативами. Если какой-либо ученик в классе заявляет, что другой ученик совершил насильственное действие, это открывает возможность разумного диалога не о самом акте насилия, а о контексте, в котором он имел место, и о доводах, которые могли бы быть приведены за или против него.

Могут возразить, что мы подменяем тем самым один ряд самоочевидных ценностей другим; на место мужества и трусости, патриотизма и недостаточного патриотизма, великодушия и злокозненности мы ставим умеренность, сдержанность и разумность, независимо от их обоснования. Однако это не так. Умеренность, сдержанность и разумность тоже в любой момент вполне могут стать предметом этического анализа ничуть не меньше, нежели мужество, благородство и благожелательность. Такие и подобные им добродетели особенно интересны тем, что их можно отнести также к *процедурам* этического исследования. Обоснование важности последовательности, скрупулезности, разумности, внимательности и т. д. исходит из того факта, что исследование опирается именно на такого рода ценности. Без них исследование не может быть эффективным.

Результатом этического исследования является, в свою очередь, сильное этическое суждение; а это последнее оказывает влияние на снижение проявлений насилия, предрассудков и смягчение всяких иных прискорбных действий и установок. Вопрос состоит поэтому в том, каким образом ввести этическое исследование в школьный класс: не в том, чтобы рассуждать о прошлых насильственных действиях, но скорее в том, чтобы упреждающе разобрать будущие поступки такого рода. В классной комнате, где проводятся этические исследования, не следует допускать, чтобы довлела атмосфера судебных помещений. Здесь желательно иметь свободное пространство для неспешного обсуждения, которое не должно приводить к незрелым решениям и вообще не должно быть настроено на необходимое решение.

Усиление (способности) суждения с помощью когнитивной работы

То мнение, что способность суждения можно усилить, если часто упражняться в последнем, является общим местом. Однако на самом

деле оно мало о чем говорит, поскольку важно, в каких условиях выполняются эти упражнения. Человек формулирует суждения, когда составляет и решает кроссворд, распутывает головоломку и изучает квитанции от бакалейщика; однако такого рода задачи достаточно тривиальны и обеспечивают удовлетворение при наличии простой сметливости.

Можно ли сказать о такого рода случаях, что не надо большого ума, дабы найти ответ на вопрос там, где ответ уже известен человеку, который задает вопрос? Разумеется, нет. Вопросы могут касаться специальных предметов, и человек должен обладать незаурядными способностями, чтобы справиться с ответами на многие из них, даже если ответы уже известны.

Тем не менее между ситуацией, когда ребенку задают вопрос, уже имеющий ответ, и ситуацией, когда ему задают вопрос, ответ на который неизвестен или очень противоречив, пролегал пропасть. Если задающий вопрос уже знает ответ, то ребенок обычно пытается угадать, что же знает вопрошающий, вместо того чтобы пуститься в самостоятельное исследование проблемы. Ребенка не проведешь — он понимает, что незачем изобретать колесо, если тебя просто спрашивают о том, что такое средство передвижения.

С другой стороны, если вопрос является вполне осмысленным и вопрошающий не знает ответа, то дискуссия, которая завяжется в классе, скорее всего, потребует, чтобы каждый участник мыслил более и более обоснованно. Будут рассмотрены обстоятельства, при которых насилие надо запретить, когда по отношению к нему следует проявить терпимость и смирение, а при каких обстоятельствах — приветствовать его цветами и лаврами. Будет поощряться проведение различий, которое позволит отличить один от другого на первый взгляд сходные способы поведения. (Это часто необходимо в случае предполагаемого сексуального насилия.) И особое внимание будет уделено тем следствиям, какие вытекают (относительно рассматриваемых случаев) из существующих правовых норм.

Усиление способности суждения, являющееся необходимой предпосылкой успешного обучения в духе ненасилия или миротворчества, труднодостижимо без серьезного вовлечения учащихся в когнитивную *работу*. В физике под работой понимается преодоление сопротивления. Значение этого слова применительно к процессу познания, или, во всяком случае, одно из его значений, точно такое же. Только преодолевать здесь нужно не трение и силу тяжести, а

такие явления, как предрассудки, самообман, противоречивые эмоции, нелогичность, ошибочность в рассуждении, нежелание достичь компромисса (там, где вопрос может быть разрешен при помощи посредника или третьей стороны), неуважение к чужому мнению. Мощное сопротивление такого рода следует преодолевать; это требует терпеливого, кропотливого исследования, по сути дела когнитивной работы.

Однако обычно на пути когнитивной работы встречаются препятствия скорее скрытые, нежели явные. Мы даже не осознаем, что в практической деятельности, нацеленной на обретение большей разумности, мы отбрасываем некоторые предрассудки или интеллектуальные пороки, обычно преграждающие наш путь. Устранение этих препятствий или сглаживание их, чтобы они не мешали двигаться, действительно требует долгого и тяжелого труда, в сущности, труда бесконечного, поскольку никто не может избавиться от них раз и навсегда.

И все же точно так же, как нам не следует обращаться непосредственно к понятию *мира*, когда мы заняты обучением миротворчеству, нам не следует обращаться непосредственно к нашим предрассудкам и суевериям, чтобы выработать в себе более разумные способы мышления. На первых порах когнитивной работы, во всяком случае, человеку не надо ставить целью переделать себя, даже если рано или поздно он придет к этой мысли. Как писал Эдвин Мюр:

Хотите ль вы, пройдя сей долгий путь
И не устав искать в спокойно меркнущих охотничьих полях,
Обычным месяцем или неделей усмотреть
Ту странную добычу, что едва ли вы найти дерзали,
Себя, собирателя, успевшего собрать,
Искателя, сумевшего найти,
И покупателя, все в щедрости своей купившего вокруг,
И гордо восседать на длани царственной в дому,
И здесь, по руну охоты долгой миновав, и отдохнуть,
и странствовать?

На этих ранних стадиях достаточно того, чтобы открытый вопрос задал мощный импульс исканиям, которые преодолевают сопротивление, едва даже сознавая наличие такового. Например, попросите ученика или группу учеников сравнить два предмета, которые так похожи один на другой, что их легко перепутать. Ребята должны

будут сформулировать различия, что Дж. Ройс называет процессом интерпретации [4]. Возьмите две полоски бумаги и соедините концы одной из них так, чтобы получилось кольцо. Другую полоску сверните так, чтобы получилась лента Мебиуса. Теперь попросите учеников определить различия. Они начнут анализировать свои наблюдения: например, первая полоска имеет две стороны, а вторая только одну; у первой два края, а у второй только один. Как мы видим, установление различия требует внимательного наблюдения и нахождения специфических различий, которые, в свою очередь, служат отправными точками дальнейшего различения уже других предметов. Излишне говорить, что такая деятельность позволяет детям узнать, не только из чего складываются различия, но и как некоторые из них могут быть произведены. Прделанная когнитивная работа, проведенное детьми посредством сравнения различие станет знанием, и в той же мере будет усилена их способность суждения. И многие ученики будут поражены тайной ленты Мебиуса, которую они сами же сотворили.

Обучение ценностям и значениям в условиях сообщества исследователей

Многие из нас поняли, часто убедившись на жестоком опыте, что мир не только желателен (*desired*), но и действительно достоин желания (*desirable*). Мы можем согласиться с этим и до размышления или исследования, действительно же соглашаемся в результате размышления или исследования. Более того, нам хотелось бы, чтобы ученики разделили эти наши убеждения не просто потому, что они наши; мы уверены, что ученики выиграли бы, если бы приняли их как свои собственные. И поэтому в нас очень сильно искушение заняться обращением молодых людей в свою веру, и мы едва сдерживаемся, твердя себе, что проповедовать — не значит обучать.

По этой причине наставление — не лучший метод обучения, если речь идет об обучении ценностям. В конце концов, когда мы твердо определили, что является ценным, мы должны желать лишь того, чтобы ученики пришли к нашим же выводам путем *своих* собственных рассуждений. А это может надежно гарантировать, я уверен, только механизм исследовательского сообщества.

Существует тенденция путать исследовательское сообщество с совместным обучением (*cooperative study*), однако такое смешение ошибочно. Основное различие между ними состоит в том, что со-

вместное обучение основывается на обсуждении, лишенном духа соревнования, исследовательское же сообщество предполагает совместное исследование, сотрудничество. Исследование, в свою очередь, предполагает стремление к изучению проблемной ситуации, а также нацеленность на результат. Результатом может быть преодоление разногласия, суждение или же суждение, воплотившееся в поведении, однако в любом случае оно представляет собой нечто большее, чем просто процесс.

В ходе обучения ценностям когнитивная работа требует принимать во внимание следующее: а) обсуждаемую ценность (в данном случае насилие или мир) как *идеальный тип*, требующий концептуального анализа; б) *феноменологию* рассматриваемой ценности; в) конкретные *условия* или *силы*, стремящиеся к достижению данной ценности или к приближению к ней как к идеалу; г) *отношение* между идеалом и силами, заинтересованными в его реализации; д) *образовательную среду*, в которой не только происходит изучение вышеизложенных факторов, но и достигаются желанные ценности, которые мы исследуем.

Таковы пять задач, стоящих перед сообществом исследователей. Рассмотрим их подробнее.

а) Один из способов начать занятие по обучению миру или сокращению насилия — попросить участников прочитать текст о вымышленном сообществе исследователей, которое пытается определить ключевые термины «мир» и «насилие». Вы увидите, что реальное сообщество в классе поддается влиянию вымышленного и, осознанно или неосознанно, будет пытаться соперничать с последним. Не обязательно, чтобы первая задача была решена до того, как перейти ко второй и т. д. Работу по всем пяти направлениям можно вести одновременно.

Однако ученики поймут, что полезно выяснить значение терминов «мир» и «насилие». Поэтому первая задача по своей сути содится к определению и имеет дело с прояснением значений.

б) Во-вторых, для того чтобы обрели плоть те значения, которые пытается уловить сообщество, необходимо задать повествовательную или описательную перспективу, которая создаст феноменологию позитивных или негативных ценностей, являющихся предметом исследования. Гоббс поступает примерно в этом духе: он живо описывает состояние природы как состояние войны, которая делает человеческую жизнь отвратительной, звероподобной и короткой; он

отрицает существование промежуточного состояния, которое сегодня мы назвали бы «холодной войной», и без дальнейших церемоний заключает, что всякое иное время наполнено миром. Мир как таковой описывается редко. Однако достаточно ясно, что имеет в виду Гоббс: мир — это время торговли и промышленности, время беспрепятственной коммуникации, когда процветают искусства и науки, когда люди свободно путешествуют и не боятся своих соседей.

в) В-третьих, сообщество должно определить *средства*, которые будут применены для достижения искомых ценностей или успешного избегания негативных проявлений. Так, в демократии часто видят гарант мира, а в политическом авторитаризме — залог насилия, подобно тому как богатая протеином пища считается здоровой, а ее недостаток — ведущим к болезни.

г) Затем нужно рассмотреть отношение средства и цели. Ясно, что отношение средства и цели между богатой протеином пищей и здоровьем есть *питание*, а отношение средства и цели, существующее между авторитаризмом и насилием, — есть *насилие*. Но очевидно, что существует много других вещей, которые могут выполнять роль средств и находятся в причинной связи с насилием, при этом отличаются от авторитаризма. Плохое обращение с детьми, например, обычно считается причиной антисоциального поведения таких детей, гарантирующей их антисоциальное поведение в подростковом и взрослом возрасте. Оскорбленные дети становятся оскорбляющими взрослыми. Нередко оказывается, что взрослые люди, дурно относящиеся к другим, сами испытали к себе плохое отношение, когда были детьми. Короче говоря, четвертая задача заключается в выявлении причинных отношений или этиологии, которые могут объяснить процветание позитивных ценностей в одних случаях и негативных — в других.

д) Пятое и последнее: следует принимать во внимание образовательную среду, внешнее окружение, необходимое для укрепления миротворческого поведения и сдерживания насилия и в predisposedности, и в действии.

Имеются два основных источника насилия. Один из них — бездумная импульсивность индивидов; другой — внутренняя и внешняя агрессивность социальных институтов. Эти источники зачастую дают знать о себе уже в самых ранних признаках фрустрации. На процедуры, помогающие смягчить конфликт и предотвратить насилие, даже там, где эти процедуры знакомы участникам, людям не

хватает терпения. Между тем борьба за мир может быть выиграна только посредством применения здравых процедур разрешения конфликта.

То, чем я хочу завершить обсуждение, что в школьных условиях исследовательское сообщество является средством снижения уровня насилия и укрепления мира, уже упоминалось в начале этой статьи. Я уже подчеркивал, что обучение ценностям, подобным миру и ненасилию, не дает хороших результатов. Их нужно вырабатывать на практике и воплощать в жизни. Однако не следует считать само собою разумеющимся, что для того, чтобы достичь мира, нам нужно просто научиться практиковать мир. Ибо мир — это некая цель, и наша практическая жизнь должна быть средством достижения этой цели. Даже называть такую практику миротворчеством было бы искажением. Для достижения успеха необходимо, чтобы учащиеся находили удовлетворение в процессе как таковом, хотя в то же время одним из его результатов является налаживание мирных социальных взаимоотношений.

Итак, сообщество исследователей, рассматриваемое как некий процесс, в действительности имеет две стороны. Во-первых, его можно рассматривать с точки зрения отношения *средства* и *цели*, где мир есть долговременная цель. Во-вторых, со стороны отношения *средства* и *следствия*, где в процессе участвуют ради его непосредственных результатов, но вместе с тем мир возникает как «выход из штопора», или как следствие. При отсутствии этой второй тенденции, первая, как правило, слаба и неэффективна.

Сообщество исследователей является целостной социальной организацией, которая формирует у его участников позитивное чувство принадлежности. В его рамках участники в состоянии реализовать ту разумность, которую редко могут практически воплотить вне его, в суете и беспокойстве других сфер своей жизни. Только в исследовательском сообществе они могут оценивать свои возросшие силы и повышать свою самооценку. В таком сообществе приветствуется вклад каждого, а не только наиболее умных и способных быстро реагировать. Учась внимательно слушать друг друга, его члены учатся взаимному уважению. По мере понимания своей зависимости от процедур, принятых в исследовательском сообществе, они начинают заботиться о соблюдении этих процедур и защищать их.

Это сообщество, в котором каждый участник может объяснить другому, что имеет в виду третий, либо стать посредником между ними. Каждый может выдвигать гипотезы, волен принимать или разрабатывать дальше гипотезы других, высказывать утверждения, предлагать контраргументы или контрутверждения. Каждый свободен спрашивать, излагать собственные доводы или приводить факты, выражать свое замешательство, рисовать идеалы, поднимать вопрос о порядке.

Как правило, каждое существующее сообщество исследователей черпает вдохновение в каком-то идеальном или вымышленном исследовательском сообществе, которому пытается подражать. Далее, каждый его участник, как правило, старается подражать какому-то другому члену сообщества. Если я вижу, что вы подвергаете сомнению то, что считалось до сих пор само собой разумеющимся, я тоже осмеливаюсь ставить под вопрос какие-то принятые посылки. Отметив строгость, какую вы способны придать своему рассуждению благодаря знакомству с элементарными логическими принципами, например запретом на противоречие, я захочу научиться тому же, чтобы обрести такую же строгость.

Сообщество исследователей серьезно относится к существующим проблемам. Оно признает, что человеческие институты несовершенны, человеческий опыт часто неполон, а знание ограничено. Поэтому признается необходимость как спекулятивных рассуждений, так и анализа. Сообщество признает, что устраивающие всех решения редко достижимы и что часто мы вынуждены соглашаться на компромиссы, которые подрывают наших принципов. Короче говоря, оно признает роль суждения, предполагающего сочетание критических и творческих моментов — для решения проблем там, где правила и предшествующий опыт не дают адекватного ориентира.

Практика совещательного диалога в условиях исследовательского сообщества знакомит учащихся с альтернативами насилью, помогает им увидеть, что миролюбивое общество не может быть пассивным, поскольку такой диалог не заканчивается с достижением мира. Наоборот, продолжение диалога является лучшим способом поддержания однажды достигнутого спокойствия.

Итак, обучение миру может иметь место в каждом классе, независимо от того, является ли мир формальным предметом обучения. Дух фаллибилизма, господствующий в обществе исследователей, — это своего рода приглашение ко всем участникам выявить собственные

ошибки и ошибки других для нахождения путей их исправления. Этот дух помогает разрушить враждебность, которую порождают абсолютизм и фанатизм, и тем самым свести на нет насилие, к которому часто приводит враждебность. Решительный подход к решению данных проблем и твердое следование духу разумности — нечто совсем иное, нежели затверженная фраза о том, что образование означает приобретение знания, авторитарного и абсолютного. Если сегодня в классе преобладает дух разумности, то завтра, когда ученики повзрослеют и у них появятся свои дети, он будет преобладать и в их семьях. Со временем и другие институты могут измениться подобным же образом, однако все должно начинаться в школе.

Литература

1. *Дэвид Юм*. Образец вкуса. (Заметьте, что Юм не сводит все моральное образование к предоставлению детям возможности овладеть встроенными в слова ценностями. Но его предостережение полезно: слова ублаживают нас «кажущейся гармонией» в вопросах морали, и детей нужно научить осознанно относиться к тому, что они принимают за само собой разумеющееся.)
2. Интересное обсуждение этой точки зрения можно найти у Стюарта Хэмпшайра в статье «В защиту радикализма» (*Dissent*, Spring, 1956. Pp. 170–176). Согласно Хэмпшайру, свобода должна определяться таким образом, чтобы допускалось постоянное расширение ее смысла.
3. Следует признать, что Юм был весьма чуток к значимости интеллектуальных добродетелей; например он пишет: «Следует ли нам настаивать на различии между *интеллектуальными* и *моральными* способностями и утверждать, что только последние являются реальными и подлинными, поскольку только они ведут к действию, если мы обнаруживаем, что многие из качеств, обычно именуемых интеллектуальными добродетелями, такие как предусмотрительность, проницательность, умение проводить различия, благоразумие, оказывают существенное влияние и на поведение... Кто осмелится сказать, оставив в стороне иронию, что некто был человеком великих добродетелей, но отъявленным болваном?» (см: Некоторые словесные диспуты // Исследование о принципах морали. — Добавление IV).
4. *Royce U.* The Problem of Christianity. — Chicago, 1968. — P. 302. ■

Михаил Решетников

Психопатология героического прошлого и будущее поколения

http://www.artofwar.ru:8101/resh/publ_resh_1.html

© М. Решетников, 2007.

Достаточно часто политики формируют вооруженные конфликты, руководствуясь так называемыми «высокими государственными (национальными, религиозными) целями». Спустя короткое время, гораздо короче срока жизни одного поколения, героизация конкретной военной победы (или военного поражения) блекнет. Из засекреченных документов, из непрекращающихся ночных кошмаров свидетелей и участников на свет выползают отнюдь не героические детали прошлого. Война не может быть чистой. И платят за грех крови и насилия не только бывшие солдаты. Платим мы все, современники. Предлагаемая статья – удивительный документ предостережения. Удивительный для нас, бывших советских людей...

Семен Глузман

Как известно, психическое развитие ребенка зависит не только от его морфолого-генетических особенностей, но и от воспитывающего окружения – родителями и предшествующими поколениями семьи. Я сразу уточню, что речь пойдет только об относительно молодых родителях – ветеранах афганской войны и их детях.

Традиционная для России героизация военного прошлого в последние годы подверглась значительным трансформациям, вызванным как спецификой политической и нравственной оценки афганских и чеченских событий, так и более полной и гораздо более объективной информацией об ужасах Гражданской и Второй мировой войн.

Не вдаваясь в подробный анализ, я хотел бы сразу отметить: героизация — это обычный удел победоносных войн и всегда имеет в основном компенсаторное значение. Поражение, в том числе моральное, даже при реальном успехе всей кампании создает для ее участников принципиально иную социально-психологическую ситуацию, которая проецируется на всю оставшуюся жизнь.

В 1989 году, на основании афганского опыта и вначале недоверчивого, а затем все более потрясающего меня сопоставления его с опытом участников Второй мировой войны, по аналогии с известным определением Н.И. Пирогова, я назвал войну «эпидемией аморальности». Основанием для такого вывода послужили не «отдельные случаи» маргинализации языка и быта, о которой периодически вспоминают режиссеры и писатели, и даже не безусловная аморальность (с точки зрения нравственных императивов XX века) такого способа разрешения конфликта, как физическое уничтожение противника, в большинстве случаев принимаемое и оправдываемое как необходимое зло, а реальная криминализация и психотизация поведения личности в боевых условиях.

Проводимый на протяжении последних лет анализ позволил сделать очень непростой для меня вывод: наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны грабежи и убийства (как исход «разборок» среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой воюющей армии, как только она ступает на территорию противника (особенно иноязычного). Уже затем и обычно много позднее война начинает идентифицироваться в сознании ее непосредственных участников со страхом смерти, унижением плена, непростительностью вины и неизбежностью возмездия за все содеянное. Но все это приходит потом и, в отличие от публично провозглашаемых героических вос-

поминаний, молчаливо проецируется на все межличностные, в том числе (и прежде всего!) внутрисемейные отношения, составляя часть их эмоционального поля, а иногда и весь эмоциональный фон, когда немой ужас дня сменяется криками из ночных кошмаров.

Сейчас уже известны и многократно описаны некоторые поведенческие и психопатологические эквиваленты неизбывной тревоги (страх нападения сзади, бредовые идеи идентификации себя с убитыми, навязчивые идеи самоубийства и т.д.). Но это лишь наиболее очевидные, крайние и потому легко идентифицируемые специалистами проявления, в «анамнезе» которых скрываются мучительные воспоминания прошлого.

Казалось бы, самый простой способ — забыть обо всем. Но память не отпускает. Мы совершенно не учитываем, что, как правило, эти воспоминания глубоко персонифицированы друзьями юности, которые остались там навсегда, и вычеркнуть погибших из памяти для большинства участников этих событий — все равно что еще раз убить их, теперь уже окончательно. Чаще всего это оказывается невозможным. Погибшие живут в каждом из оставшихся в живых, который чувствует себя обязанным не только помнить, но и мстить за обманутые надежды, оплеванную боевую славу, поруганную честь и униженное достоинство. Поэтому любые действия окружающих, затрагивающие именно болезненные струны, вызывают столь неадекватные реакции, нередко потрясающие своей немотивированной жестокостью.

Я могу привести несколько подробно изученных мной случаев, когда «обычное» — по современным меркам — оскорбление личности «афганца» незамедлительно «каралось», в том числе смертью: осужденный М. убил 17-летнего юношу только за то, что тот назвал его «козлом»; осужденный Ф. задушил во время ссоры своего знакомого, пренебрежительно отозвавшегося о его боевых наградах; Л. бросил гранату в ничем не повинных людей только потому, что они не проявили к нему должного (по его представлению) уважения; В. нанес тяжелые увечья своему знакомому только потому, что тот, спускаясь по лестнице, предпочитал идти немного позади — В. казалось, что от знакомого исходит угроза, и др.

Наблюдая семьи афганцев, я обратил внимание, что в одних из них родители охотно делятся пережитым с детьми, при этом всегда (более или менее) приукрашивая и позитивируя свое боевое прошлое; в других — полностью отрекаются от этого прошлого, что вызывает

у детей достаточно специфическое его восприятие: прошлое предстает как нечто настолько ужасное, что не имеет права на упоминание в семейном кругу. Уместно отметить: аналогичные реакции в свое время наблюдались в Германии у детей нацистов и сейчас в некоторых случаях отмечаются в последующих поколениях бывших чекистов.

Основным и общим во всех этих ситуациях является то, что реальные участники боевых действий (или других, позднее квалифицированных как преступления против личности) не имеют никакой возможности вербализовать (и тем самым отторгнуть) свой криминальный опыт и мучительные переживания, о которых даже в собственной (афганской или др.) среде, как правило, не принято вспоминать. И даже в тех единичных случаях, когда бывшие боевики попадают на прием к психиатру или психотерапевту, большинству из них не удается перешагнуть барьер и по собственной инициативе рассказать, как живьем зажарил на костре пленного афганца-снайпера, перед тем убившего его друга и односельчанина, как сбросил с вертолета захваченного в горах мальчишку, как целым взводом насильовали малолетнюю девчущку-афганку, как десятками расстреливали мирных жителей или бомбили их поселки только от неукротимого чувства мести и отчаяния (я привел лишь несколько случаев подобного рода, достоверность воспоминаний о которых не вызывает у меня сомнений). С годами воспоминания о подобных «боевых» ситуациях, казалось бы, бледнеют, развиваясь по давно известному закону и сценарию: «Я сделал это, — говорит мне память. Я не мог этого сделать, — говорит мне совесть. И постепенно память отступает». Но это все же лишь красивая метафора. А на самом деле именно на зловонном бульоне «не подлежащих вербализации воспоминаний» начинает прорастать вирус будущей психопатологии. Даже в процессе продолжительного курса терапии «обнажение» таких тем нередко избегают по негласному соглашению врача и пациента, что делает их межличностный контакт исходно лицемерным и порой столь же невыносимым для последнего, как и со всеми окружающими.

Привести к глубоко скрытым в темноте подсознания воспоминаниям может лишь тот, кто действительно знает, где и что искать. Поэтому терапией воевавшего поколения могут сколько-нибудь эффективно заниматься лишь те, кто сам прошел через мерзости войны, или, во всяком случае, знает, что и это было тоже. Давно и почти общепризнан факт, что психиатрическая и психологическая помощь

при состояниях, лежащих далеко за пределами собственного чувственного опыта терапевта, чаще всего малоэффективна. Не знающие о специфическом (боевом) опыте врачи и психологи неизбежно столкнутся с чем-то неизвестным и непонятным, а обратившиеся к ним, безусловно, страдающие люди с тем, что их не слышат и не понимают и никогда не смогут принять их криминальный опыт, груз которого с годами будет становиться все более невыносимым. Может быть, именно здесь кроется одна из причин того, что количество бывших «вьетнамцев», покончивших жизнь самоубийством, уже давно превышает количество погибших за весь период «непопулярной» войны. Растет число самоубийств и среди «афганцев».

Анализ многочисленных источников о прошедших войнах свидетельствует: столь специфический опыт всегда оказывается вне исторической памяти. Завеса умолчания выживших последовательно трансформируется в глухоту следующих поколений, так как то, что одни не могли рассказать, другим не дано услышать. Отрицание памяти на реальные события войны во всей их омерзительной полноте и все более усиливающаяся с годами продукция компенсаторных воспоминаний о героизме — вечная дилемма выживших, определяющая как их амбивалентность по отношению к прошлому, так и все варианты послевоенного поведения, включая художественное и научное мифотворчество о минувших событиях. Но груз мучительных воспоминаний от этого не уменьшается. Традиционная для России сакрализация такого (криминального и полукриминального) опыта (в том числе, например, блокады) сказывается не только на бывших участниках событий, но и на моральном состоянии общества в целом.

Самое мучительное здесь — безысходность (вернее, неотторжимость), потому что если бы они стали говорить правду о насилии, убийствах, грабежах, пытках и т.п., их отказались бы не только понимать, но даже слушать. Таким образом, между бывшими участниками подобных событий, и всеми остальными (потенциальными социокорректорами, включая членов семьи, и даже квалифицированными терапевтами) всегда лежит пропасть непонимания. Поэтому единственными, кто мог бы помочь им, остается очень малочисленная группа военных врачей — косвенных участников военных событий, все еще лишенная возможности профессиональной коррекции психики воевавших в силу известной экономической ситуации и типично чиновничьего непонимания того, что несколько десятков тысяч

людей, чья память отравлена криминальным и полукриминальным опытом, составляют реальную угрозу не только для них самих, но и для общества в целом.

Хотел бы особо отметить, что медикаментозные методы терапии не дают в таких случаях сколько-нибудь позитивного эффекта, скорее загоняют болезнь вглубь, откуда она прорывается в виде ужасающих общество преступлений и негативных аффектов. Общая тенденция к деперсонализации отношений в медицине, когда между врачом и пациентом планомерно возводится стена из огромного количества лабораторно-диагностической и прочей техники, а малейшие щели в этой стене заполняются таблетками, не обошла и психиатрию. Другим, возможно, даже более точным, образным сравнением могла быть бездонная пропасть, которая разделяет типичные представления врача и духовный мир пациента, пусть даже изуродованный до неузнаваемости. В такую пропасть в огромных количествах сваливается продукция химико-фармацевтических заводов, но с ее помощью перейти пропасть не удается, и пациент навсегда остается напрасно взывающим на отвесном крае со своей стороны обрыва.

Точно такая же пропасть лежит между выжившими и их детьми. Мы знаем, насколько дети интуитивно чувствительны к неискренности. Мы знаем также, что нельзя убедительно учить: «не укради», «не убий» и т.д., если сам грабил, убивал и насиловал. В таких случаях приобретенное знание, в силу пока мало известных нам законов межличностной коммуникации, хотя и усваивается, как некий принятый в обществе норматив, но не становится личностным убеждением. Однако это лишь одна сторона влияния на следующие поколения.

Уже упоминалось, что психическое развитие детей зависит не только от их морфолого-генетических особенностей, но и от воспитывающего окружения — создается родителями и предшествующими поколениями семьи. При этом родители передают детям не только традиционные внутрисемейные установки, культивируемые системы ценностей, но и преобладающий эмоциональный фон, и чувство вины (даже если оно присутствует в скрытой форме), и — очень часто — присущее ветеранам развенчанных войн ощущение, что многое в этой жизни было и есть напрасно. Одновременно, компенсаторно к собственной судьбе, от детей (особенно в обеспеченных семьях) всегда жаждут исполнения своих несбывшихся надежд и желаний, нередко вообще лишая ребенка права на самостоятель-

ный выбор. Забалованность детей в таких семьях — обычное явление, и это еще одна компенсация родителей самим себе той части жизни, которой они сами были лишены.

Дети становятся сверхлюбимыми и сверхопекаемыми, утрачивая самостоятельность и обретая прежде всего тяжелейшую тревогу от невозможности жить в состоянии «непрерывного счастья», которое им пытаются навязать. Естественные колебания настроения детей в таких случаях вообще не воспринимаются родителями — как не имеющие никаких (по сравнению с их собственным опытом) оснований или достойных внимания причин. В итоге у ребенка формируются представления о черно-белом мире, где нет места естественной амбивалентности.

Характерной особенностью таких семей является «культивируемое» в них пренебрежение к проблемам здоровья, за которым скрывается вина родителей за то, что выжил, что и так уже получил гораздо больше, чем те, кого уже нет («ну, а годом раньше, годом позже — не имеет значения»). Ценность этой, как бы второй, доставшейся по счастливому жребью жизни оказывается гораздо меньше. И такая установка переходит к следующим поколениям, негативно влияя на все моральные эталоны и общее отношение к действительности, делая будущее детей исходно трагическим, ведь если ценность жизни невелика, то что же тогда ценно?

Отсюда же и та легкость, с которой бывшие боевики уходят в криминальные и полукриминальные структуры, без особых затруднений вновь и вновь перешагивая уже однажды преодоленный барьер запрета на убийство.

Пролонгированная угроза смерти, которая слишком долго стоит за спиной, качественно изменяет ментальность людей и формирует специфическое мироощущение, где стерты грани между добром и злом, геройством и преступлением.

Культура — это не только прекрасные произведения искусства, архитектуры или литературного и научного творчества, которыми мы восторгаемся, но и то, что налагает запреты на негативные поступки. Рождаясь, мы еще не усвоили эти запреты, и лишь в процессе социализации подчиняемся им — вначале родительским (усваивая наряду с первыми словами такие отвлеченные понятия, как «нелзя», «некрасиво», «некультурно», «стыдно»), а затем и всем остальным писаным и неписаным общественным законам. Вопреки паранаучному тезису о некой природной моральности человека, мы не

любим запреты, хотя и вынуждены подчиняться им. И это гораздо больше возвышает Человека, который становится таковым — в высоком смысле этого слова — не столько благодаря, сколько вопреки своей природе, подчиняясь законам общественной морали и нравственности.

Война дезавуирует эти законы, прежде всего — запрет на убийство и сексуальное насилие.

Человек отличается от большинства других живых существ не только способностью мыслить, прямохождением и речью, но — даже более — гиперсексуальностью и гиперагрессивностью. Ни одно другое живое существо не прилагает столько усилий к созданию все новых и новых способов уничтожения представителей своего же вида. Даже самые кровавые внутривидовые столкновения в животном сообществе (как правило, по общим для нас с ними поводам — за самку, власть или территорию) завершаются первой кровью и бегством противника. Убийство представителя своего вида как биологическая цель вообще не задано природой. Ни один другой вид, также не чуждый стремления к сексуальному наслаждению, не смог перешагнуть через естественные барьеры, ограниченные периодом течки и спаривания, кроме человека. Гиперсексуальность и естественная агрессивность составляют типичные компоненты именно человеческого поведения, но в обычных условиях нам приходится подавлять их, скрывая эти властно побуждающие влечения не только от окружающих, но и от самих себя.

Именно поэтому война, отменяющая эти запреты, нередко оказывается слишком привлекательным занятием. До 12% бывших участников боевых действий в Афганистане (выборка 1991 г. — 2000 чел.) хотели бы посвятить свою жизнь военной службе по контракту в составе любой воюющей армии, относительно независимо от страны, предоставившей им такую возможность.

Таким образом, война — в равной степени преступление и против личности, и против культуры, так как она обнажает нашу глубинную (и если мы остаемся дарвинистами — животную) сущность.

Общество и сейчас стыдливо отворачивается от этой проблемы, ссылаясь на определенный кризис морали, обусловленный специфическим характером афганской войны, или чеченской «операции», или современной ситуации в целом, и все еще пытается увидеть в этой феноменологии частный и потому нехарактерный случай. Наиболее остро даже косвенные попытки затронуть проблему встречает стар-

шее поколение, как правило, отмечая или «личную извращенность» исследователей, или то, что в Отечественную «этого не было».

Я, естественно, не могу апеллировать к адресным свидетельствам моих респондентов, поэтому в заключение (традиционно для отечественной науки) приведу примеры. В 1992 г. на Берлинском кинофестивале был представлен документальный фильм и свидетельства очевидцев о том, как в 1945 г. солдаты Советской Армии изнасиловали более 2 миллионов женщин в Польше и Германии. Некоторые свидетельницы, которым было тогда по 15–16 лет, рассказывали, что подвергались насилию до ста раз! В ряде случаев, чтобы не попасть под трибунал, солдаты, надругавшись над девочками, тут же их расстреливали.

То поколение затем воспитало мое. Мы не знаем, через какие угрызения совести, какое чувство вины и личные трагедии прошли жизнь и мораль наших родителей. Я не могу поверить, что через 15–16 лет, глядя на своих подрастающих дочерей, они не вспоминали о тех несчастных польках и немках. Но мы не знаем об этом. И сейчас в большинстве случаев мы можем лишь предполагать те мучительные коллизии, которыми наполнены души многих из участников современных боевых действий. Нет никакой хоть сколько-нибудь методически обоснованной реабилитационной деятельности, а моральные девиации оказались вообще вне российской психиатрической науки. А значит, и следующее поколение не защищено от прямой или косвенной трансляции на себя скрытого криминального и полукриминального опыта.

В заключение я хотел бы сделать два существенных, как мне представляется, вывода:

1. Достаточно распространенный сейчас методический подход к изучению техногенных катастроф и стихийных бедствий как модели войны с точки зрения психиатрии не может быть признан адекватным, так как в этих ситуациях отсутствуют два серьезных компонента боевых действий — снятие запретов на убийство и сексуальное насилие.

2. Проблема социально-психологической помощи и психотерапевтической реабилитации бывших участников боевых действий должна рассматриваться с точки зрения не гуманизма, а предотвращения исходящей от этой категории лиц общественной опасности, в том числе для них самих, их семей и последующих поколений. ■

Петер Вести и Марианне Каструп

Психотерапия для жертв пыток

Peter Vesti and Marianne Kastrup. Psychotherapy for Torture Survivors
Torture and its Consequences: current treatment approaches/ edited by Metin Basoglu.
Cambridge University Press 1992; 527 p.: 348–362 pp.
© International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT)

ВВЕДЕНИЕ

В конце семидесятых группа датских врачей занималась лечением людей, ставших жертвами пыток. Полученные знания и опыт стали фундаментом открытого в Копенгагене в начале восьмидесятых Центра реабилитации и исследования для жертв пыток (ЦРИ) (Rehabilitation and Research Center for Torture Victims (RCT)).

Модель психотерапии, которую мы рассмотрим в этой главе, была результатом сотрудничества ЦРИ и других аналогичных центров мира (Pagaduan-Lopez, 1987; Kordon et al., 1988). Более того, ценные концепции были заимствованы из опыта лечения жертв концентрационных лагерей и современной терапии вмешательства в кризис (Malt & Weiseth, 1989; Eitinger, 1969).

Определенные вопросы, которые касаются лечения жертв пыток, фундаментально важны и поэтому заслужили быть принятыми во внимание.

1. Физическая и/или психологическая травма вызывают психологические травмы у любого человека. Более того, эти реакции длятся дольше и являются более глубокими, если травмы были причинены человеком (Melamed, Melamed & Bouhoutsos, 1990; Gunderson & Rahe, 1974). Нет никаких доказательств, которые бы

© С. Гордиевич, перевод с англ., 2007.

позволили утверждать, что у жертв пыток наблюдался избыток дотравматической психопатологии.

2. Пытки, которым было подвержено большинство жертв, часто довольно жестоки и продолжительны и ведут к психологическим проблемам, а также невозможности социального функционирования.
3. У большинства жертв не были выявлены органические церебральные синдромы.
4. Представленные жертвы — это несколько отобранных из Центра лечения. Есть много мониторинговых факторов, которые следует учитывать при сравнении результатов из разных центров. Они включают в себя смерть во время пыток, невозможность оставить страну и получить убежище, возможность попасть в лечебные центры (например, географическая удаленность, критерии приоритетов лечения и т. д.), неопределенные источники рекомендаций, очередь на лечение и отказ от лечения самой жертвой.
5. Пытки отражают общество, в котором они происходят. Таким же образом лечение, которое предлагается жертвам, является продуктом культуры и обстоятельств индивидуальной реабилитационной программы (например, организационная модель, иерархическая структура, доминирующая профессиональная группа, финансирование и т. д.). В странах с европейским культурным фоном лечение основано на западных концепциях и классификации психиатрических симптомов. Эти концепции имеют ограничения, даже в случае применения их к пациентам из нашей культуры, и могут восприниматься скептически или отвергаться беженцами из отличающихся культур.
6. Лечение пациентов из разных регионов мира не должно быть идентичным.
7. И наконец, существуют различные подходы к реабилитации жертв пыток, и они не исключают друг друга. По историческим причинам, традиционно, и учитывая возможности специализированного медицинского вмешательства, — ЦРИ в Копенгагене выбрал психо-социальную медицинскую модель.

ТЕРАПИЯ ИНСАЙТА

Терапия инсайта — это метод лечения, который используется в ЦРИ для беженцев (жертв пыток), которые получили убежище в Дании. Он основан на предположении, что способность встретиться

с травматическим опытом имеет терапевтический эффект. Он достигается благодаря высвобождению и прохождению эмоций, связанных с травмой, и последующей реинтеграцией травмы как события прошлого.

Практические вопросы, возникающие во время лечения

Поскольку пытки часто повреждают тело и мозг, необходимо справляться с физическими и психологическими их последствиями. Поэтому психотерапия должна применяться одновременно с лечением физических заболеваний и расстройств.

Проблема, представленная пациентом, может касаться пяти сфер функционирования:

- психологическая;
- соматическая;
- социальная;
- правовая;
- духовная.

Могут быть признаки серьезных нарушений в каждой сфере. Уровень функционирования пациента в каждой сфере должен быть внимательно оценен, и проблемы должны решаться так эффективно, как только возможно, учитывая культурное происхождение пациента (см. Vojholm & Vesti в этом томе).

Важно провести детальное оценивающее собеседование с жертвой перед началом психотерапии. Интервью должно касаться дотравматической истории, чтобы определить любую дотравматическую психопатологию (например, серьезное психическое расстройство), что очень важно для лечения. Конкретные формы и обстоятельства пыток и то, как они связаны с последующими симптомами, нужно исследовать наиболее глубоко. Природа лечения и то, как оно будет проводиться, должны быть объяснены пациенту детально, с ударением на профессиональной конфиденциальности.

Первые две–три сессии после первого собеседования — разведовательные. Они служат постройке доверия и конфиденциальности. Эти сессии помогают определить возможность проведения инсайт-терапии. Только определенное количество пациентов способно развить инсайт в психотерапевтическом смысле. Для других более подходящей будет поддерживающая терапия.

Сессии продолжительностью от 45 минут до одного часа, как правило, проводятся дважды в неделю, но могут быть и более частыми,

если жертва слишком беспокойна. Предпочтительнее применять индивидуальную терапию вместо групповой, притом, при необходимости, в присутствии переводчика. Терапевт может быть психиатром, психологом или доктором с определенной психиатрической подготовкой. Семейная терапия, как правило, не используется, но супругам и детям предлагают индивидуальное лечение и даже психотерапию, если это необходимо. Также предлагаются социальные и правовые консультации. Но такая работа выполняется социальными работниками отдельно.

Пациента информируют во время первых сессий о том, что симптомы могут временно усиливаться, поскольку память о травме переживается заново.

Цель инсайт-терапии — помочь пострадавшему понять реальную цель тех, кто его пытал, что они делали с ним и как он реагировал психологически на ситуацию, угрожающую его жизни. К тому же, анализируются стратегии психологической защиты и принятия, которые использовала жертва во время и после травмы. Может понадобиться много сессий, чтобы пострадавший смог вспомнить травматические события в деталях, пережить их заново и освободить подавленные эмоции. Когда они начинают проявляться, жертвы демонстрируют такие эмоциональные реакции, как слезы, гнев или вина.

Инсайт-терапия использует те же принципы лечения, что и терапия кризисного менеджмента (Ochbeng, 1988). Хотя у жертв пыток интервал от травмы до терапии намного больше. Более того, пытки — это систематический акт, который направлен на несколько участков и функций как тела, так и ума. Поэтому психотерапия должна сосредотачиваться не на определенной травме, а на нескольких травмах, которые переживаются жертвой и ее ответами, такими как страх, обеспокоенность и чувство вины.

Пять фаз инсайт-терапии

Инсайт-терапия состоит из пяти фаз.

Встреча

Во время этой фазы, которая может продолжаться несколько сессий, врач соединяет в себе доверие и конфиденциальность. По мере того как история травмы вспоминается, он объясняет жертве, как соматические и психологические симптомы могут быть связаны с

болезненными воспоминаниями пыток. Пациента убеждают, что имена и адреса не так важны для терапевтического процесса, и что их можно опустить или заменить на другие, если это нужно. Однако выражение эмоций, связанных с конкретными обстоятельствами, важно для терапевтического процесса.

Начальные установки

Жертва начинает вспоминать жизнь такой, какой она была до пыток, и постепенно продвигается к дню ареста. Альтернативно, он/она могут предпочитать начать с самого травматического события, которое, по ее мнению может быть связано с определенными симптомами. Это должно помочь при анализировании всех инцидентов ареста/задержания и особенных форм пыток, которые последовали за этим.

Эмоциональная фаза

По мере того как жертва вспоминает сцены пыток, присутствие подавляемых эмоций становится все более очевидным. Например, человек может стать нервным, много курить или проявлять другие признаки беспокойства. Как уже упоминалось ранее, подавляемые эмоции часто рассматриваются не в хронологическом порядке, а начиная с основной травмы. Когда освобождаются эмоции, пациент может плакать, кричать или уходить из комнаты. Может даже развиться короткий реактивный психоз со вспышками воспоминаний. Возникающим эмоциям нужно дать полностью развиться. В случае психопатической реакции важно оставаться с пациентом и постепенно возвращать его к реальности при помощи вопросов, относящихся к его окружению и практическим аспектам каждодневной жизни. После этого эпизода пациент остается в лечебном центре иногда несколько часов, пока не придет в себя. Эти психопатические эпизоды, как правило очень короткие, продолжаются несколько часов и не требуют госпитализации.

Реинтеграция травмы

По мере продолжения процесса воспоминаний жертва постепенно начинает видеть травматический опыт в новом свете, понимая, что его психологическая реакция на травму была нормальной человеческой реакцией. Эмоциональное влияние воспоминаний травмы

снижается после того, как они были несколько раз высвобождены, и в конце жертва уже способна говорить о переживании пыток без эмоционального срыва. Врач активно поддерживает когнитивный реструктуризационный процесс на этой фазе.

Окончание терапии

По мере того как жертва постепенно возобновляет нормальное функционирование в важных сферах жизни, лечение завершается. Для этого необходимо чаще всего от 20 до 80 и больше сессий. Количество их для конкретного пациента зависит от нескольких факторов, таких как сопротивление переживанию травмы, мотивация лечения, серьезность симптомов, возможность пациента выражать свои мысли, сложность дела и особенно присутствие сопутствующих соматических или социальных проблем.

Противопоказания

Важно определить во время нескольких первых сессий, способна ли жертва на инсайт-терапию. Эти сессии можно сравнить с клиническим оценочным собеседованием перед психотерапией, во время которого оцениваются такие характеристики пациента, как дотравматическая персоналия, прежние психопатологии, способность выражать свои мысли и уровень мотивации к лечению. Также важно оценить, может ли пациент справляться с интенсивным беспокойством, которое будет освобождаться во время сессий. Жертвы со слабыми границами «эго» должны быть исключены из этого вида лечения, поскольку они поддаются риску продолжительных психопатических реакций. Другие жертвы, которым не следует предлагать инсайт-терапию, — это люди с параноидальными идеями, поскольку врач зачастую становится частью системы бреда пациента.

Сопротивление

Люди отказываются говорить о травматических испытаниях, особенно когда это затрагивает определенные аспекты их личности. Даже если доверие и конфиденциальность установлены и врач продемонстрировал знание в этой области, жертвы, как правило, оказывают некоторое сопротивление прежде, чем начать говорить о том, как их пытали. Разрешение опустить имена и места ускорит этот процесс.

Потенциальная угроза в терапии — это интерпретация врачом политических, идеологических или религиозных взглядов, выраженных пациентом как защитные механизмы или сопротивление терапии. Например, гнев, выраженный определенной жертвой в отношении властей страны пребывания, может быть реально обоснованным. Такие эмоциональные реакции понятны, учитывая тяжелые стрессовые ситуации, с которыми сталкиваются жертвы.

Религиозные воззрения могут быть большой поддержкой для жертв во время пыток. Их верования должны уважать и важность их для жертв — признавать. С другой стороны, те же верования, доведенные до крайности, могут стать шагом назад в терапевтическом процессе.

Следующие психологические механизмы могут блокировать психотерапевтический процесс, если они не установлены и не объяснены пациенту:

1. Отрицание психологического влияния травмы (например, придерживаться идеи, что переживаемые боль и стресс причинены физической, а не психологической дисфункцией).
2. Интеллектуализация (например, постоянное оспаривание определенного политического режима, даже в степени отрицания действий отдельных лиц).
3. Замена гнева (например, постоянно выражая гнев, направленный на страну-убежище).
4. Мечты, например, о немедленном возвращении в родную страну, где ничего не изменилось. Поэтому нет потребности интегрироваться в новую систему.
5. Фантазии о мести (например, разрезать тех, кто пытал, на тысячу кусочков; все остальное не имеет значения).
6. Религиозные предубеждения (например, пытки — это наказание или урок от Бога, и поэтому должны приниматься).

Поддерживающая терапия

Поддерживающая психотерапия необходима жертвам, которые не способны добиться инсайта в их психологические проблемы или для которых инсайт-терапия противопоказана. Эта форма терапии работает с практическими вопросами, такими как физические заболевания или дисфункции и возможные варианты жизни с последствиями пыток. Также в поддерживающей терапии важны социальные

проблемы — жилье, языковой тренинг и образование. Сессии могут использоваться для того, чтобы помочь жертвам развить базовое понимание социальной системы и культуры в новой стране проживания. Они необходимы в инсайт-терапии и составляют от четверти до трети всех сессий во время терапии в ЦРИ.

Переводчики

Роль переводчика незаменима в терапии, если пациент и врач не говорят на одном языке, при условии, что переводчик: 1) один на время всей терапии, 2) одобрен жертвой, 3) гражданин страны пребывания в случае, если жертва не доверяет другим гражданам и 4) не связан с жертвой дружескими или семейными узами (Bensten at al, 1989).

Понимание важности культурных факторов в терапии трансформировало роль переводчика. По сути, он не только переводит, но и помогает врачу понять особые культурные невербальные выражения клиента во время терапии.

Из-за культурных различий между жертвой и врачом также может возникнуть необходимость формулировать концепции более символично. Для этого можно использовать рисунки. Рисунок 16.1 показывает психологический механизм интеллектуализации.

Зачастую у жертв не возникает проблем с тем, чтобы говорить в общем о режиме или даже об известных людях, которые, в конечном счете, ответственны за пытки. Когда они говорят о самой тюрьме, то чаще описывают то, что видели или слышали как свидетели, чем себя как жертв жестокого обращения. В конце концов, они вводят собственные имена или «я» по отношению к страданию. По мере развития терапии многие пациенты начинают понимать, как они движутся вверх и вниз по лестнице абстракций, чтобы избежать болезненных воспоминаний. Могут также использоваться артистические формы, такие как рисунки или представления ситуаций пыток. Их стоит использовать в тупиковых ситуациях при условии, что реакции пациента будут предвиденными. Пациент всегда будет утверждать, что ситуация в его случае полностью отличается. Например, охрана и те, кто пытал, были в гражданской одежде, он не был раздет и т. д. Но рисунки и изображения пыток могут спровоцировать мощный эмоциональный всплеск, и поэтому должны использоваться только опытным врачом.

Перенесение и контрперенесение

То, как жертва относится к врачу, зависит от того, воспринимает он ее как кого-то, кто выше их, или как человека с идеалистическими мотивами и глубоким видением. Некоторая форма дружественных отношений часто воспринимается пациентом как часть терапевтических отношений, особенно если присутствует социальная изоляция. Особенная форма перенесения происходит тогда, когда пациент начинает видеть во враче того, кто его пытал или когда верит, что вопросы являются частью допроса со скрытыми мотивами. Пациенту может сниться врач в роли того, кто его пытает. С такими реакциями нужно открыто справляться.

На врача может оказывать влияние общение с жертвами, пережившими ужас пыток. Работая с клиентами из разных стран и культур, он может столкнуться даже в один день с разными политическими идеологиями. Несмотря на исповедуемую идеологию, пациент имеет право требовать и получать лечение. Важно придерживаться профессионального подхода в терапии и всегда помнить о том, что работа зиждется на гуманных принципах. Поэтому следует избегать предпочтений или демонстрировать солидарность с определенной группой или человеком. Хотя не исключено, что врач может переоценить собственные политические взгляды и изменить отношение к жизни.

Противопереносные реакции, которые встречаются достаточно часто — это гнев, садистическая удовлетворенность, страх и ужас, стыд, видение жертвы пыток героем и привилегированный вуйеризм (Danieli, 1984). Также как и в других формах терапии, любой контакт с пациентами вне ее не поощряется. Вопросы противопереноса и чувств солидарности могут быть решены при помощи наблюдения за врачом как индивидуально, так и в группах персонала. Переводчики также должны иметь возможность проработать свои эмоциональные реакции с опытным врачом. Более того, совершенно необходимо внутреннее наблюдение самого врача и внешнее наблюдение за ним при помощи групповых встреч персонала. Внешнее наблюдение, например, может осуществляться при участии консультантов вне лечебного центра в виде реабилитационных процедур в порядке наблюдения.

Цели лечения

Оценка результатов психотерапии всегда была противоречивым вопросом в психиатрии. Поэтому не удивительно, что до сих пор не достигнут консенсус относительно ее цели для жертв пыток. В некоторых ее формах «возобновление» политической идеологии воспринимается как главная цель (Grupo Colat, 1982).

Целью лечения может быть уменьшение симптомов для поднятия уровня социального функционирования жертвы пыток в стране изгнания. Лечение может предусматривать глубокую психотерапию качеств личности до болезни, которые могут напрямую не быть связаны с пытками, или делать ударение на необходимости открыто выражать свои взгляды и опыте политической солидарности.

В ЦРИ изменения в состоянии пациента измеряются проявлениями уменьшения симптоматики (например, уменьшение количества кошмаров, улучшение способности выражать свои мысли, уменьшение мышечных расстройств и болей и т. д.). Дополнительная цель терапии — помочь пациенту адаптироваться в социуме и получить опять контроль над своей жизнью, чтобы он снова мог выбирать между разными возможностями. Врачу следует быть внимательным, чтобы не влиять на решение пациентов по поводу возможностей выбора.

Следует также отметить, что жертвы не переживают никаких долговременных изменений в своей политической сознательности в результате пыток. Наш опыт свидетельствует, что большинство из них сохранили свои политические взгляды, несмотря на то, что некоторые получили увечья достаточно серьезные, чтобы удерживаться от дальнейшей борьбы за свои идеи. В некоторых случаях пострадавшие все-таки могут принять оборонную стратегию общения, чтобы справиться с последствиями пыток. Пытки, как способ сломить идентичность оппонентов режима, могут, таким образом, иногда быть мощным ограничителем.

В последующем жертвы пыток могут также предпочесть не следовать своим прежним политическим идеям. Это может происходить по нескольким причинам, включая возраст, возникновение проблем, связанных с изгнанием, или чувство апатии, которое особенно преобладает у тех, кто не лечился.

Отношение пациента к терапии

Когда пострадавших от пыток спрашивают об их наблюдениях в процессе терапии, они утверждают, что вначале не очень доверяли знаниям врача относительно пыток и их последствий и скептически относились к психологии в целом. Они считают открытость по отношению к методам лечения, собственной истории и безопасности очень важными.

Субъективное улучшение отмечается тогда, когда жертвы могут лучше спать или когда они способны сражаться или убежать от опасности в кошмарах. В конце терапии пациенты часто удивляются, что они не превратились в новых людей, как этого опасались некоторые, и что все еще помнят все, что происходило во время пыток. Однако эти воспоминания не влияют на их повседневную жизнь.

ДРУГИЕ ФОРМЫ ЛЕЧЕНИЯ

Другие центры терапии и их методы описаны в других разделах этого тома. Разные подходы существуют в зависимости от условий лечебного центра, количества жертв, которые ожидают лечения, персонала, политических взглядов врачей и т. д.

Альтернативные методы лечения жертв пыток описаны ниже. Комбинации терапий, описанных далее, часто используются в определенной последовательности, чтобы справиться с сопротивлением пациента лечению.

Семейная терапия

Семейная терапия не является приемлемой с той точки зрения, что вряд ли дети будут иметь пользу оттого, что узнают о тех ужасах, которые пережили их родители. Супружеская терапия, однако, может применяться, особенно если отношения между супругами зашли в тупик. Существует немного врачей, у которых есть опыт супружеской терапии, в которой один или несколько членов семьи являются жертвами пыток, и отчеты о результатах такой терапии весьма скудны. И сомнительной является необходимость рассматривать сексуальное насилие во время такой терапии, если только это не четко выраженное желание обоих супругов.

Невербальные формы лечения

Иногда могут понадобиться техники невербальной терапии, поскольку некоторым жертвам не подходит инсайт-терапия. В ЦРИ значительная часть подавляемых эмоций освобождается во время сессий физиотерапии. Например, манипуляции с низом живота и мышцами спины у лиц, которые подверглись сексуальному насилию, достаточно провокационны и могут привести к абреакции (катарсису). Таким образом, сессии физиотерапии и психотерапии всегда следуют одна за другой.

Несколько иным подходом к лечению является расслабляющая терапия. Клиентов учат расслаблять отдельные группы мышц, а также понижать общий уровень мышечного напряжения. Этот метод используют филиппинские врачи (Larsen & Pagaduan-Lopez, 1987).

Групповая терапия

Индивидуальная терапия — это выбор лечения с учетом психотерапевтического обучения и опыта персонала, а также языковых барьеров, которые требуют присутствия переводчика во время лечебных сеансов. Даже если пациенты говорят на том же языке, они могут принадлежать к политически противоположным группам, а прямая конфронтация в групповых сессиях недопустима.

С другой стороны, групповые сессии были удачно использованы группой Плаза де Майо в Аргентине. Во время групповых сеансов терапии жертвы говорили на одном языке, и терапия сосредотачивалась на понимании пыток как политического инструмента. Количество жертв пыток в Аргентине, которые нуждаются в помощи, также свидетельствует о необходимости проведения широкомасштабной терапии. Групповая терапия иногда используется в Центре Красного Креста в Мальмо (Швеция).

Кратковременная терапия

Существуют очевидные различия в лечении жертв пыток в разных странах. На Филиппинах и в Южной Африке были разработаны специальные кратковременные сеансы терапии (Foster, 1987). Каждая сессия по возможности структурирована как полноценная терапия из-за неопределенности следующего посещения. Центр Красного Креста в Стокгольме использовал форму кратковременной терапии, которая, как правило, состоит из пяти сессий. Только жертвы

с серьезными повреждениями подвергались долговременной психотерапии.

Игровая терапия

Игровая терапия применяется в детском центре Марцелино на Филиппинах (Protacio-Marcelino, 1989). Кроме того, арт-терапия развивается как способ расследования и как лечебная методика для детей. Арт-терапия также применяется для взрослых, когда жертвы мотивированы и способны выражать себя таким образом.

Психо-социальное лечение

Модель реабилитации в ЦРИ основана на био-психо-социальном подходе. Другие центры выбрали методику, при которой меньше уделяется внимания интеграции соматических и психологических аспектов в проблемы, а больше психо-социальным факторам и поддержке во время процесса социальной реинтеграции. Эта модель предусматривает роль профессионалов как модераторов активности общины и поэтому сосредотачивается на самопомощи и взаимопомощи в общине. Предпринимаются попытки обеспечить социально-психологическое объяснение вреда, причиненного жертвам пыток и объяснить кризисное переживание жертвы как часть социального процесса. В этом контексте диалог жертвы с общиной играет ключевую роль в процессе реинтеграции. Работа не заканчивается преодолением вредных последствий пыток, но и предполагает расширение общественного знания по поводу условий политического преследования. В этой модели соматические проблемы и их лечение не оставляются без внимания, но могут рассматриваться как вторичные.

Духовные измерения в терапии

Существует необходимость рассмотрения религиозных вопросов на определенной стадии терапии, а иногда и вначале. Большинство жертв религиозны. Многие из них находят успокоение в религиозной литературе, поскольку она затрагивает общечеловеческие темы и эмоции. Жертвы пыток склонны обсуждать «вечные вопросы», такие как вина, грех и самоубийство, поскольку они связаны с религией. К тому же они ищут в религиозной литературе основополагающие этические и моральные ценности, чтобы вернуть «веру в человечество» или «обрести веру заново».

Воображение

Терапия расслабления может сопровождаться представлением, чтобы столкнуть жертву с воображаемыми сценами пыток и таким образом освободить подавляемые эмоции. Необходимым условием этого является целостность личности, и врач должен иметь большой опыт, чтобы применять такой подход. Эти техники лечения описаны в другой главе (см. Basoglu в этом томе).

Признания

Метод признания предусматривает контракт между врачом и пациентом, а также подготовку документа, который содержит описание деталей пытки, включая имена, даты и адреса. Если такой метод возможен и приемлем для пациента, психологические реакции его можно рассматривать при помощи этого процесса. В таком случае метод признания похож на инсайт-терапию. Терапия признания также должна возобновить политическое самосознание пациента, поскольку считается, что пытки могут иметь влияние на идеологические взгляды жертвы. Приводится такой аргумент: если пациент потерял интерес к какому-то делу, то те, кто его пытали, достигли своей цели (Cienfuegos & Monelli, 1983; Buus & Agger, 1988).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пытки вызывают предсказуемые реакции физического и психологического характера, которые лишают человека возможности жить полноценно. Много методик психотерапии доступны в наши дни, но их относительная польза не была оценена научно. Мы знаем, что значительная часть жертв, которые проходят терапию, могут переживать значительное улучшение в своем психологическом функционировании. Воспоминания могут быть навязчивыми, но не влиять на повседневную жизнь. Однако нам все еще не хватает исследований кратковременных и долговременных результатов лечения.

Будущие исследования включают изучение связи между:

- а) первоначальной тяжестью симптомов и результатами терапии;
- б) видом симптомов и результатом терапии;
- в) существующими симптомами и длительностью терапии;
- г) культурным происхождением и результатами.

Также нужны сравнительные исследования разных моделей реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

- Bentsen, E.-M., Hermansen, A., Knudsen, I. H. & Pentz-Moller, V. (1989). Interpretation in the rehabilitation of torture victims. *Transcultural Psychiatric Research Review*, 26, 26–9.
- Buus, S. & Agger, I. (1988). The testimony-method: The use of therapy as a psychotherapeutic tool in the treatment of traumatised refugees in Denmark. *Refugee Participation Network*, 3, 14–18.
- Cienfuegos, A. J. & Monelli, C. (1983). The testimony of political repression as a therapeutic instrument. *American Journal of Orthopsychiatry*, 53, 43–51.
- Danieli, Y. (1984). Psychotherapist's participation in the conspiracy of silence about the Holocaust. *Psychoanalytical Psychology*, 1, 23–12.
- Eitinger, L. (1969). Rehabilitation of concentration camp survivors (following concentration camp trauma). Proceedings of 7th International Congress of Psychotherapy, Wiesbaden 1967, part V rehabilitation. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 17, 42–9.
- Foster, F. (1987). *Detention and Torture in South Africa*. Cape Town and Johannesburg: David Philip.
- Grupo Colat (1982). *Psicopatología de la tortura y el exilio*. Madrid: Editorial Fundamentos.
- Gunderson, E. K. E. & Rahe, R. H. eds. (1974). *Life Stress and Illness*. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher.
- Kordon, D. R., Edelman, L. I., Lagos, D. M., Nicoletti, E. & Bozzolo, R. C. (1988). *Psychological Effects of Political Repression*. Buenos Aires: Sudamericana/Planeta.
- Larsen, H. & Pagaduan-Lopez, J. (1987). Stress-tension reduction in the treatment of sexually tortured women: an exploratory study. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 13, 210–18.
- Malt, U. F. & WeisJeth, I. (1989). Traumatic stress: empirical studies from Norway. *Ada Psychiatrka*, 80 (suppl. 355), 7–137.
- Melamed, B. G., Melamed, J. L. & Bouhoutsos, J. C. (1990). Psychological consequences of torture — a need to formulate new strategies for research. In P. Suedfeld, ed. *Psychology and Torture*. Hemisphere Publishing Corporation.
- Ochberg, F. M. (1988). *Posttraumatic Therapy and Victims of Violence*. New York: Brunner Mazel.
- Pagaduan-Lopez J. C. ed. (1987). *Torture Survivors, What Can We Do For Them?* Manila: Medical Action Group, Inc.
- Protacio-Marcelino, E. (1989). Children of political detainees in the Philippines, sources of stress and coping patterns. *International Journal of Mental Health*, 18, 71–86.
- Somnier, F. & Genefke, I. K. (1986). Psychotherapy for victims of torture. *British Journal of Psychiatry*, 149, 323–9. ■

Советы: как преодолеть стресс

Психическое здоровье беженцев. — К., «Сфера». 1998. — 176 с. (С. 35–48.)
© Всемирная организация здравоохранения, 1996.

Все беженцы испытывают состояние стресса. На одних людей он оказывает более сильное действие, чем на других. Причины, вызывающие стресс, можно предотвратить или их действие можно смягчить и тем самым в значительной степени улучшить психическое и физическое здоровье человека.

Людей нужно поощрять к тому, чтобы они изменили свое поведение с целью:

- восстановить нормальный сон ночью и заниматься полезной и доставляющей удовольствие деятельностью днем;
- найти позитивные пути преодоления стресса;
- исключить вредоносные способы компенсации стресса.

Люди, находящиеся в стрессовом состоянии, с трудом расслабляются и их необходимо обучить специальным упражнениям на релаксацию. Это наиболее важный аспект лечения человека, испытывающего стресс. Есть много способов расслабиться, такие как чтение, пение, прослушивание музыки или просто отдых. Спросите людей, как они обычно расслабляются, и поощряйте их к тому, чтобы они продолжали делать это. Попытайтесь свести одинокого человека или изолированную от общения семью с их земляками или хотя бы с представителями той же культуры и языка. Даже в переполненном лагере люди могут быть очень одиноки.

Людей, которые чувствуют свою беспомощность, следует поощрять к выполнению какой-либо полезной деятельности. Они должны также общаться с более сильными или более оптимистически настроенными людьми из той же общины, особенно с религиозными лидерами.

Теснота и другие ограничения иногда неизбежны. Но убедитесь в том, что люди, находящиеся в состоянии стресса, имеют преимущество в получении любых доступных благ. Проверьте, получают ли они пищу, воду и медицинскую помощь в случае болезни.

Основное — это ночной отдых. Посоветуйте общине не шуметь по ночам. Если необходимо, установите тихие часы, например, с 22.00 до 6.00.

Люди, присматривающие за детьми и другими, нуждающимися в заботе, могут почувствовать себя чрезмерно загруженными. Попытайтесь найти других людей в семье или в общине, которые могли бы помогать. Даже час или два отдыха от заботы о детях могут быть великим подспорьем.

Посоветуйте людям не употреблять алкоголь и наркотики. Даже слишком большое количество кофе и черного чая может быть вредным и препятствовать нужному расслаблению.

Физическую силу и характер человека трудно изменить. Под воздействием стресса слабости становятся все более заметными. Когда же стресс проходит и люди достаточно отдохнут, силы возвращаются. Под воздействием стресса некоторые люди становятся тревожными или чувствуют неудовлетворенность жизнью, некоторые делают несчастными других тоже. Конфликты между людьми могут быть вызваны стрессом. Когда это случается, отдых, релаксация и изоляция одних спорящих от других могут разрешить конфликт. Если в отношениях существуют серьезные проблемы, попросите старших или людей с более спокойным характером помочь решить проблемы. Поощряйте людей к тому, чтобы они не тратили энергию на споры, а использовали свои силы, продуктивно направляя их на решение общих проблем.

Борьба со стрессом посредством групповых мероприятий в семье или в общине

Стресс может охватить целые группы людей. Стресс одного человека вызывает физические и психические расстройства. Стресс,

действуя на общину, ведет к ссорам. Низкой морали, низкой производительности труда и преступлениям.

Обычно общины организуют мероприятия, которые помогают уменьшить негативные последствия стресса. Они включают в себя музыку, танцы, пение, празднования, спортивные мероприятия. Эти мероприятия помогают людям собираться вместе и чувствовать себя счастливыми вместе. Радость жизни очень хорошо влияет на здоровье людей. Даже в плохих жизненных условиях и при множестве причин для грусти такие социальные встречи должны поощряться. Никто не должен находиться в состоянии глубокой печали все время.

Беженцы часто чувствуют себя одинокими вследствие разлуки с кем-либо из близких. Знакомство с другими людьми, с которыми они могут вместе проводить время, делиться своими заботами, важный метод уменьшения негативного влияния стресса. Это помогает людям справиться с трудностями на этой сложной стадии их жизни.

Организация праздников не должна быть слишком сложной. Для музыки, танцев и пения нужно совсем мало или вообще не нужно специальное оборудование или деньги. Традиционные национальные и религиозные праздники помогают людям, которые были вынуждены покинуть свою родину. Празднование дней рождения способствует укреплению надежд на лучшее будущее.

Спортивные мероприятия и игры не только дают полезную физическую нагрузку, но и сплачивают людей. Дети обычно играют спонтанно, а что касается взрослых, то их, может быть, нужно подталкивать к этому. Находите в общине людей, которые взяли бы на себя ответственность за организацию спортивных мероприятий и праздников. Полезная работа составляет большую часть нормальной повседневной жизни. Часто в лагерях беженцев или подобных общинах; такая деятельность невозможна. Обычные домашние работы, такие как приготовление пищи, стирка и забота о детях, имеют место, но для работы вне дома возможности может и не быть. Помните, что беженцы, которые кажутся беспомощными, когда-то вели активную жизнь и привыкли к упорному труду. Продуктивная деятельность хорошее лечение. Пытайтесь организовать производственную деятельность. Если необходимо, предложите беженцам ; сформировать бригаду, чтобы администрация знала об имеющейся потребности коллективной работы. Люди, которые оказываются способными работать, чувствуют себя менее беспомощными и бесполезными. Работа в группе позволяет более сильным людям ободрять слабых.

Информирование людей о стрессе

Помощь людям в состоянии стресса может быть организована как в составе группы, так и индивидуально. Первым шагом в этом процессе является информирование и обучение людей, находящихся под влиянием стресса.

Людей, находящихся в состоянии стресса, необходимо обучить его распознавать и справляться с ним. Многие причины стресса очевидны каждому, однако люди часто не осознают, что именно стресс является причиной их расстройств. Правильное понимание стресса убеждает людей в том, что у них нет физического заболевания и что они не сходят с ума. Им также необходимо знать, что они сами могут помочь себе выздороветь.

Люди могут научиться помогать самим себе и пользоваться помощью других. Точно так же как сон освобождает от усталости, от стресса можно освободиться простыми упражнениями на релаксацию, которые каждый может освоить.

Естественная усталость после рабочего дня обычно снимается сном. Но когда сна недостаточно, мы просыпаемся без ощущения полной свежести и бодрости. Вот таким образом стресс усиливается изо дня в день. Он мешает мозгу и телу нормально работать. У разных людей возникают разные расстройства в зависимости от того, какая часть их организма оказывается наиболее слабой. Когда тело и мозг достаточно отдохнут, они вылечатся сами.

Алкоголь и наркотики не должны использоваться для борьбы со стрессом. Их приятное действие продолжается лишь короткое время, их пагубное воздействие значительно дольше. Они могут усугубить стресс и нанести тяжелый ущерб душе и телу. Алкоголь и наркотики вызывают чувство тревоги, депрессию и плохой сон, снижают аппетит и ослабляют физические силы. Они могут также привести к потере семьи, друзей и способности работать.

Стресс действует на всю общину. Никто не должен думать, что только он или она страдает от этого. Каждый, кто хочет освободиться от стресса, нуждается в помощи других людей. Как человек, работающий с беженцами, вы должны определить людей, находящихся под влиянием стресса. Вы можете дать им необходимые знания о стрессе и научить их упражнениям на релаксацию. Вы также должны информировать семьи и друзей человека, находящегося под влиянием стресса, о его нуждах. Родственники и друзья могут оказать практическую помощь, следя за тем, чтобы человек, находящийся под

влиянием стресса, получал достаточное количество пищи и питья и соблюдал рациональный режим отдыха и работы. Они также могут помогать в заботе о детях, проявлять любовь и оказывать моральную поддержку. Семья должна поощрять позитивную деятельность больного и не фиксировать излишнее внимание на жалобах о его физическом и психическом состоянии. Важно избегать критики и конфликтов. Иногда под влиянием чрезмерного стресса, например при пропаже или смерти близкого, человек впадает в крайне угнетенное состояние. В таких случаях окружающие могут поддержать, его просто находясь с ним рядом, спокойно выслушать его, выразить сочувствие.

Если вы имеете дело со множеством людей, которые находятся в разлуке со своими семьями, соберите их по парам или в малые группы. Попросите их взять на себя ответственность друг за друга и позаботиться друг о друге. Даже если сложилась очень тяжелая ситуация, каждый должен делать что-то полезное. Это позволяет людям чувствовать себя способными исправить положение.

Текст для прочтения или передачи людям, находящимся в состоянии стресса

Я хочу рассказать вам кое-что о стрессе и о том, как вы сами можете помочь себе, выучив упражнения на релаксацию.

Наше тело и наши мышцы гораздо более активны, чем мы думаем. Когда человек встревожен или озабочен, он обычно сжимает или напрягает мускулы. Поэтому мы используем такое выражение, как «напряженное ожидание» (используйте подходящее выражение на местном языке, если возможно). Плохо ли это? И да, и нет. Часто это неплохо и нередко может быть весьма положительно. Боязнь чего-либо — это вид тревоги на случай чрезвычайной ситуации. Если люди в тревоге, это готовит их к быстрому действию. Поэтому ваше тело и ваши мускулы напряжены, когда вы чего-то боитесь. Вы должны быть готовы к действию, бежать, сражаться или прыгнуть. Например, вы услышали, что враг приближается к тому месту, где вы живете. Вы пугаетесь, ваше тело напрягается и вы убегаете.

К сожалению, люди также беспокоятся о вещах, о которых они не должны беспокоиться. Иногда люди продолжают беспокоиться, когда угроза уже миновала и опасности больше нет. Некоторые проявляют беспокойство по поводу мелких проблем. Например, люди стараются сделать все как, можно лучше, но они всегда беспокоятся по

поводу того, достаточно ли хорошо то, что они сделали. Это создает ненужные страхи и озабоченность, что в свою очередь создает напряжение во всем теле. Со временем это может нанести вред. Когда мышцы напряжены слишком долгое время, это может привести к болям в различных частях тела.

Это создает дополнительную озабоченность. Человек в состоянии стресса плохо себя чувствует и, может быть, переживает трудные времена. Он получает меньшее удовольствие от игры с детьми, от общения с другими людьми или от секса. Иными словами, страхи и озабоченность ведут к напряжению мышц и, в свою очередь, к физическим жалобам. Эти жалобы увеличивают страхи и озабоченность, которые приводят к еще большему напряжению мышц и так далее. Люди могут чувствовать себя ввергнутыми в спираль все усиливающейся тревоги. Если человеку удастся снизить напряжение, физические расстройства уменьшатся и ему будет легче с ними справляться. Человек будет чувствовать себя более раскованным и будет способен справиться со своим тревожным состоянием. Люди сохранят больше энергии и сил для разрешения реальных проблем, стоящих перед ними.

Для того чтобы действительно расслабиться, вам необходимо тренироваться ежедневно. Так же как ребенок учится ходить или разговаривать, вам необходимо заниматься релаксацией. Постепенно вы научитесь расслабляться. Вы будете лучше контролировать чувство напряженности и расстройства самочувствия будут беспокоить вас меньше.

Попробуйте подыскать спокойный момент и удобное место. Вы можете делать упражнения вместе с партнером или членами вашей семьи, которые находятся в состоянии стресса. Сделайте так, чтобы вас не беспокоили другие люди.

Обучение упражнениям на расслабление

Сначала делайте упражнения с коллегой или другом. Спросите его, способствуют ли расслаблению характеристики вашего голоса, ритм и скорость речи. Делайте паузу 4–6 секунд между фразами. Делайте паузу в 10 секунд, когда вы переходите к упражнению от одной части тела к другой. Упражнения на расслабление должны занимать около 15 минут.

В течение первых двух недель попробуйте делать упражнения хотя бы два раза в неделю со всей группой лиц, которым вы хотите помочь. Если у вас есть магнитофон, запишите на него упражнения,

передайте запись участникам и попросите их делать упражнения ежедневно. С третьей по пятую неделю попросите участников делать упражнения два раза в день по 10–15 минут. Они могут делать это самостоятельно. Если часть текста забыта, не проблема, будет достаточно, если они будут просто делать упражнения. По прошествии приблизительно шести недель участники смогут сами начинать делать упражнения при возникновении ситуаций, с которыми им трудно справиться.

Текст упражнения на релаксацию

Вы лежите на полу. Ваши глаза открыты и вы смотрите на потолок. Закройте глаза. Сосредоточьтесь на своих ощущениях. Почувствуйте тяжесть своего тела. Сильно нажмите пяткой правой ноги на пол. Почувствуйте, как мускулы правой ноги становятся твердыми и напряженными. Теперь снимите давление пятки с пола и глубоко вздохните. Почувствуйте, как мышцы правой ноги становятся мягкими и расслабленными. Слегка приподнимите правую ногу над полом. Ощутите напряжение соответствующих мышц. Левая нога при этом не двигается. Опустите правую ногу на пол. Почувствуйте тяжесть правой ноги, лежащей на полу. Вы ощущаете усталость в правой ноге. Вы чувствуете теплоту в мускулах правой ноги.

Сильно нажмите пяткой левой ноги на пол. Почувствуйте, как мускулы левой ноги становятся твердыми и напряженными. Теперь снимите давление пятки с пола и глубоко вздохните. Почувствуйте, как мышцы левой ноги становятся мягкими и расслабленными. Слегка приподнимите левую ногу над полом. Ощутите напряжение соответствующих мышц. Правая нога при этом не двигается. Опустите левую ногу на пол. Почувствуйте тяжесть левой ноги, лежащей на полу. Вы ощущаете усталость в левой ноге. Вы чувствуете теплоту в мускулах левой ноги.

Теперь сократите мышцы ягодиц. Вы чувствуете, как нижняя часть вашего тела становится твердой и несгибаемой. Теперь расслабьте мышцы и глубоко вздохните. Почувствуйте, как нижняя часть тела становится мягкой и расслабленной. Ощутите, как ваш таз широко и тяжело лежит на полу.

С силой прижмите правую руку к полу. Почувствуйте, как мускулы правой руки становятся твердыми и напряженными. Теперь снимите давление руки с пола и глубоко вздохните. Почувствуйте, как мышцы правой руки становятся мягкими и расслабленными. Слегка приподнимите правую руку над полом. Ощутите напряжение соот-

ветствующих мышц. Левая рука при этом не двигается. Опустите правую руку на пол. Почувствуйте тяжесть правой руки, лежащей на полу. Вы ощущаете усталость в правой руке. Вы чувствуете теплоту в мускулах правой руки.

С силой прижмите левую руку к полу. Почувствуйте, как мускулы левой руки становятся твердыми и напряженными. Теперь снимите давление руки с пола и глубоко вздохните. Почувствуйте, как мышцы левой руки становятся мягкими и расслабленными. Слегка приподнимите левую руку над полом. Ощутите напряжение соответствующих мышц. Правая рука при этом не двигается. Опустите левую руку на пол. Почувствуйте тяжесть левой руки, лежащей на полу. Вы ощущаете усталость в левой руке. Вы чувствуете теплоту в мускулах левой руки.

С силой прижмите ваши плечи к полу. Почувствуйте, как мышцы плеч становятся твердыми и негнуцимыми. Теперь снимите давление ваших плеч на пол и глубоко вздохните. Почувствуйте, как ваши плечи становятся мягкими и расслабленными. Ощутите теплоту и тяжесть ваших плеч.

С силой прижмите вашу голову к полу. Почувствуйте, как мускулы шеи становятся твердыми и негнуцимыми. Теперь снимите давление головы на пол и глубоко вздохните. Почувствуйте, как ваша шея становится мягкой и расслабленной. Теперь приподнимите голову немного над полом. Ощутите напряжение соответствующих мышц. Тело при этом не движется. Теперь опустите голову. Почувствуйте, какая тяжелая и усталая ваша голова. Положите руки на живот. Почувствуйте, как живот теплеет. Вновь вытяните руки вдоль туловища. Почувствуйте все ваше тело. Его теплоту, тяжесть, расслабленность.

Другой тип упражнения на расслабление

Это другое, более психологичное, упражнение на расслабление. Оно, может быть, больше подойдет вашей культуре или культуре той среды, в которой вы работаете. Это простое и приятное упражнение.

- Сядьте поудобней, по возможности в тихом месте, обе ноги должны опираться о пол всей ступней.
- Закройте глаза.
- Дышите свободно через нос.
- Сосредоточьте внимание на ваших мускулах и почувствуйте, как они становятся немного более расслабленными с каждым выдохом. Делайте это в течение двух-трех минут.

- Теперь представьте себе, что с каждым вдохом вы воспринимаете энергию и здоровье. Каждый раз, когда вы выдыхаете, вы освобождаетесь от напряженности и стресса. Делайте это две-три минуты.
- Теперь вспомните какое-нибудь приятное и прекрасное место, которое вы посещали в прошлом. Представьте себе, что вы теперь там. Позвольте вашему сознанию отдохнуть там, на этом месте.
- Когда другие мысли посещают вашу голову, наблюдайте **за** ними, позволяйте им войти и наблюдайте, как они снова выходят. Вы видите, что мысли приходят и легко выходят сами по себе. Даже неприятные и беспокоящие мысли выходят, если вы не сосредотачиваетесь на них.
- Вы прекрасно отдыхаете в приятном месте. Вспоминайте, как оно выглядит, какие там звуки, какие у вас там были чувства. Позвольте другим мыслям приходиться и уходить, скользя по поверхности вашего сознания.
- По прошествии 10 минут попрощайтесь с этим приятным местом, но помните, что вы вернетесь в него снова.
- Вздохните глубоко и откройте глаза.

Это упражнение можно делать как угодно часто, по крайней мере раз в день.

Физические упражнения

Физические упражнения необходимы для хорошего здоровья и полезны для выхода из стресса. Даже тот, кто очень устал, например после длительной дороги, должен делать «упражнения каждый день». Прогулки — очень хорошее упражнение, особенно для людей старше 45 лет или со слабым здоровьем. Молодые люди должны заниматься чем-то более активным — плавать, играть в футбол и т.п. — в зависимости от обстоятельств.

(Если повседневная жизнь в лагере связана с необходимостью длительной ходьбы, данные рекомендации многим могут не понадобиться.)

Простой массаж

Массаж используется во многих культурах для снятия напряжения и укрепления здоровья. Выясните, что является привычным в культуре беженцев и есть ли среди них человек, который может по-

мочь научить делать массаж. Люди могут делать массаж сами себе или им это могут делать другие члены семьи, родители могут делать массаж детям. Идеальное время для массажа — утреннее, как часть утреннего умывания или купания. Если есть растительное масло — его следует использовать. Масло лучше всего слегка подогреть.

Если есть время, массируйте все тело. Сильно массируйте всей ладонью вверх и вниз по всей длине рук и ног. Массаж подошвенной поверхности ступней приносит значительное облегчение после длительного пешего перехода.

Помимо снятия напряжения массаж способствует укреплению здоровья.

Методы улучшения сна

Хороший сон очень важен как для того, чтобы предотвратить стресс, так и для того, чтобы справиться с ним. Полноценный сон — это непреходящий атрибут здоровья. Ритм сна и бодрствования должен соответствовать ритму смены дня и ночи.

Люди, страдающие от стресса, часто с трудом засыпают или просыпаются среди ночи. Они могут спать днем. Объясните им важность правильного режима сна. Каждому необходимо иметь регулярное время для сна.

Напомните людям, что даже если они не спят, спокойный отдых в постели полезен. Многие люди, которые считают, что они просто лежат в постели и не спят всю ночь, обычно проводят в состоянии сна значительную часть ночи, не осознавая этого. Попросите семью или соседей человека, страдающего от стресса, помочь установить тишину в ночное время и лечь спать примерно в одно и то же время. Регулярный режим очень важен.

Люди должны, тем не менее, ассоциировать постель с идеей сна. Поэтому человек, который не заснул в постели через полчаса после того, как он в нее лег, должен подняться и подождать, пока он не почувствует сонливость и тогда лечь спать снова. Если он опять не сможет заснуть через полчаса, следует опять подняться и повторить процедуру.

Правила, которые помогут восстановить нормальный сон

- Не курите, не ешьте и не пейте ночью.
- Не читайте и не слушайте музыку ночью, избегайте слушать радио и смотреть телепередачи поздно вечером.

- Избегайте пить кофе и черный чай, особенно вечером.
- Если возможно, не ешьте позже 19.00.
- Не пейте спиртного и не употребляйте наркотиков. Они могут помочь вам заснуть, но разрушат нормальный сон и вы проснетесь в плохом состоянии. Избегайте успокоительных средств и никогда не прибегайте к ним без совета врача.
- Перед отходом ко сну бывает полезно теплое сладкое (то есть молоко, но не кофе или чай).
- Помогает также легкая прогулка перед сном, но не тяжелые энергичные упражнения.
- Избегайте жарких споров вечером,
- Не спите в течение дня, за исключением случаев, когда короткий отдых после полудня считается нормальным в определенных климатических условиях и культурах.
- Можно нежно и медленно помассировать переносицу в течение нескольких минут перед сном.

Дыхательные упражнения

До того как вы начнете практиковать с кем-либо дыхательные упражнения, объясните, что такое гипервентиляция и как с ней справиться.

Гипервентиляция

Что такое гипервентиляция?

Некоторые люди жалуются, что им не хватает воздуха, даже если у них и легкие, и сердце в полном порядке. Они при этом чувствуют тревогу, могут ощущать покалывание в руках и губах. Появляется чувство стесненности в груди, порой головокружение (следует помнить, что головокружение может быть вызвано анемией или низким артериальным давлением). Может также наблюдаться затуманивание зрения, учащенное сердцебиение. Все эти расстройства вызваны слишком интенсивным или неправильным дыханием. Чем сильнее такой человек дышит, тем хуже он себя чувствует. Некоторые люди начинают дышать неправильно, делая слишком глубокие вдохи. Лучше не дышать слишком глубоко.

Что нужно делать

Помогут два простых приема:

- Дышите медленно и глубоко (но *не слишком* глубоко). Между вдо-
хами— небольшая пауза.
 - Вдохи делайте животом и диафрагмой, а не грудью и ребрами.
Чтобы научиться этому, проделайте следующее упражнение.
-

***Текст дыхательного упражнения для устранения гипервен-
тиляции***

Лягте на пол или на кровать. Положите ладони на живот между пупком и пахом. Ощутите живот ладонями. Вы чувствуете тепло живота вашими ладонями. Сделайте вдох так, чтобы живот наполнился воздухом и округлился. Выдохните так, чтобы живот снова стал плоским. Сделайте вдох так, чтобы живот наполнился воздухом и округился. Выдохните так, чтобы живот снова стал плоским. На некоторое время сосредоточьтесь на движениях вашего живота. Почувствуйте, как вы постепенно расслабляетесь, как тело становится тяжелым. Мысли рассеиваются, возникает приятное самочувствие. После проделанных упражнений ваше тело становится тяжелым, у вас появляется чувство тепла и комфорта. Дыхание успокаивается. Я буду считать до пяти:

Один — подвигайте ногами.

Два — подвигайте руками.

Три — подвигайте головой.

Четыре — откройте глаза и посмотрите на потолок.

Пять — потянитесь как следует, от кончиков пальцев ног до кончиков пальцев рук.

Следующее дыхательное упражнение занимает около 5 минут. Попробуйте сделать его сначала вместе с коллегой или другом.

Текст дыхательного упражнения

Лягте на пол или на кровать. Положите ладони на живот. Закройте глаза или смотрите на живот. Ощутите части тела, которые касаются пола или кровати, — пятки, икры ног, ягодицы, спину, заднюю поверхность рук и затылок. Попробуйте расслабить мышцы живота с тем, чтобы его нижняя часть естественным путем принимала участие в дыхании. Внимательно следите **за** движениями живота и рук.

При вдохе медленно считайте про себя до двух. Во время выдоха считайте до четырех. Терпеливо дождитесь момента, когда появится

естественная потребность сделать новый вдох. Дышите спокойно в обычном ритме.

Теперь я буду считать вместе с вами. 1, 2; 1, 2, 3, 4 – пауза; 1, 2; 1, 2, 3, 4 – пауза; 1, 2; 1, 2, 3, 4 – пауза; 1, 2; 1, 2, 3, 4 – пауза; 1, 2; 1, 2, 3, 4 – пауза.

Продолжайте упражнение, пока не почувствуете, что дыхание стабилизовалось.

(Вдох на счет 1, 2 занимает 3-4 секунды, выдох на счет 1, 2, 3, 4 пауза – занимает около 10 секунд.)

Это упражнение можно выполнять как угодно часто. Оно поможет дышать нормально в любой ситуации.

Другие способы преодоления стресса

Во многих культурах практикуется медитация. Выясните, есть кто-либо в общине, кто может обучать медитации. Очень полезной была бы помощь опытных инструкторов. Способы медитации, принятые в культуре, могут оказаться столь же эффективным средством снижения уровня стресса, как и другие методы, описанные в данном разделе. По сути, они могут быть даже более действенными, поскольку люди лучше их знают.

Большинство способов медитации требует соблюдения следующих условий:

- спокойная обстановка;
- удобное положение тела;
- мысленная установка на слово, звук, символ;
- пассивное умственное состояние.

Это справедливо не только в отношении релаксационной гимнастики, но и йоги (например, хатха-йоги), элементов суфизма, буддизма и даоизма, чтения стихов из Корана и некоторых видов мистицизма. ■

Жестокость и беженцы

Марина Гутгарц

Психосоциальная работа с беженцами

Марина Гутгарц, магистр социальной политики и социальной работы

Любой работающий с беженцами специалист в той или иной мере выполняет функции социального работника. Если мы предположим, что беженцы являются нормальной популяцией в ненормальной ситуации, в которой трудно, а иногда и невозможно удовлетворить все свои потребности, важность и необходимость социальной работы очевидна.

Автор рассматривает основные принципы в работе с беженцами и профессиональные функции социального работника. В статье представлено много практических советов и рекомендаций.

Забота о беженцах в большей мере сводится к удовлетворению жизненно важных потребностей (еда, жилище), тогда как другие удовлетворяются несистематично. А часто человеку нужно просто выговориться и быть услышанным.

© М. Гутгарц, 2007.

Рассмотрим основные принципы в работе социального работника.*Ориентация на личностный рост и развитие.*

Состояние кризиса нужно рассматривать не как болезнь, патологию, а как нормальную реакцию на ненормальные обстоятельства. Кризис — это процесс личностного роста, в том случае, если он будет преодолен позитивно. Реабилитационную работу нужно рассматривать как помощь процессу личностного роста, а не лечение.

Слушание и понимание

Профессиональная помощь должна лишь дополнять, усиливать ресурсы и возможности травмированного человека.

Объективность

Существует много разных подходов как помочь человеку преодолеть психологический кризис. Социальному работнику нужен план, который ориентирует его в нужном направлении и поможет определить:

- структуру кризиса
- психологию травматических переживаний
- стадии кризиса

Ориентированность на общину

По законам социальной психологии любое вмешательство, даже на уровне небольшой группы людей, влияет на всю общину, как целостный и единый организм.

Социальные работники как катализаторы

Лучший помощник не тот, кто берет все на себя и сам все организует, а тот, кто помогает травмированному человеку эффективно использовать внутренние ресурсы.

Эмпатия

Под эмпатией понимают умение сопереживать, чувствовать то, что чувствует другой человек, видеть мир его глазами.

Компетентность

Социальный работник должен владеть как теоретическими знаниями в области психологии травмы, так и практическими навыками предоставления помощи потерпевшим.

Добровольность

При психосоциальной поддержке присутствуют два добровольных участника: тот, кто помогает и тот, кому помогают.

Реальность

Перед тем, как предоставить кому-либо помощь, необходимо выяснить, в чем нуждаются люди, и что мы реально можем им предложить. Очень важно предварительно определить, в чем действительно нуждаются люди, которым мы помогаем.

На сегодня наиболее эффективная помощь предоставляется командой специалистов. Важное место в этой команде занимает и социальный работник.

Рассмотрим основные профессиональные функции социального работника:

- проведение первичного оценивания
- предоставление информации об услугах
- организация связи с другими специалистами
- психологическое консультирование
- юридическое консультирование
- организация групп самопомощи
- координация волонтеров
- поиск клиентов для Центра
- организация PR компаний
- работа с журналистами

Проведение первичного оценивания

Социальный работник может быть первым специалистом, с кем клиент встречается в Центре. Во время первого интервью важно собрать полезную информацию об истории клиента, его потребностях, ожиданиях, познакомить с возможностями Центра.

Во время психосоциального влияния особое значение уделяется первому контакту. Вам будут полезны такие советы:

- разговаривайте с беженцами стоя или сидя не напротив друг друга, а под углом, почти рядом;
- можно также подстраиваться под позу и жесты вашего собеседника.

Эти нюансы вместе с эмпатией и активным слушанием помогут эффективному удержанию аффекта гнева и созданию атмосферы доверия.

Предоставление информации об услугах

Предоставление информации — важная часть работы. Важно собрать как можно больше информации, потому что она может сделать жизнь беженцев более спокойной и облегчить их страдания.

В приемной Центра можно повесить информационную доску с объявлениями, расписанием работы специалистов, в конвертиках можно разместить информационные буклеты.

Для оценки эффективности работы, планирования важно организовать обратную связь с клиентами. Часто люди боятся открыто говорить о своих проблемах, недовольствах, требованиях. Возле информационной доски можно поместить ящик для жалоб (но лучше написать «Советы и рекомендации») куда клиенты анонимно могут опускать свои сообщения. Важно возле ящика прикрепить ручку и чистую бумагу.

Иногда люди хотят открыто высказать свои мысли (чаще всего это благодарность). Возле информационной доски можно поместить «Книгу клиентов» (не забудьте рядом прикрепить ручку).

Организация связей с другими специалистами

Часто социальный работник является ключевым специалистом в профессиональной команде (врач, психолог, медсестра, психиатр, юрист, регистратор). Оценивая ситуацию и узнавая желания клиента, социальный работник рекомендует посетить других специалистов Центра.

Психологическое консультирование

Овладев специальными навыками и знаниями, социальный работник может проводить психологическое консультирование. Часто люди лучше чувствуют себя, даже если им просто была дана возможность выговориться и когда их внимательно выслушали. Социальный работник может помочь беженцу выговориться, а для этого нужно уметь быть хорошим слушателем.

Как слушать:

- сядьте лицом к собеседнику
- смотрите ему в глаза

- все свое внимание концентрируйте на том, что говорит ваш собеседник
- время от времени кивайте головой или говорите: «Я понимаю» так, чтобы ваш собеседник знал, что вы его слушаете.
- никогда не считайте, что вы уже знаете, как чувствует себя ваш клиент. Слушайте то, что он хочет сказать

Юридическое консультирование

Как ни странно, но социальный работник может предоставлять и юридические услуги. Во всем мире услуги профессионального юриста, адвоката стоят очень дорого. Не каждый Центр может позволить себе иметь в штате юриста. А вот иметь юриста как консультанта очень даже желательно.

Социальный работник может предоставлять беженцу информацию об его правах, куда обратиться за помощью, как правильно оформить документы.

Часто люди имеют проблемы, потому что не знают своих прав и путей решения своих проблем.

Организация групп самопомощи

Среди клиентов часто находятся люди активные, которые готовы помогать другим. Если среди ваших клиентов найдутся такие люди, помогите создать им группу самопомощи.

Как и много славных дел, группа может начаться с одного человека. Социальный работник может помочь распространить информацию о создании группы, посоветовать людей среди своих клиентов, кого, по его мнению, эта идея заинтересует.

На начальном этапе профессионал может выступать, как носитель информации, рассказывая клиентам про движение самопомощи. Как только группа начнет проводить свои собрания, роль профессионала должна уменьшиться: он отказывается от функций инициатора, ограничиваясь созданием условий для работы группы. Важно, чтобы лидерство взяли на себя сами клиенты, а социальный работник должен помочь им в этом.

Социальный работник может помочь в подготовке помещения для собраний, предоставления финансовой поддержки для приобретения чая, кофе и печенья.

Координация волонтеров

Роль волонтера — взять на себя функции социального работника, психолога. А найти волонтеров, предложить им работу может социальный работник. Можно обратиться в профильные учебные заведения. Студентам все равно нужно где-то проходить практику, а вы можете получить умных помощников.

Поиск клиентов для Центра

Социальный работник может предоставлять информацию об услугах Центра и приглашать клиентов. Существует несколько путей поиска клиентов:

- контакт с профессионалами в других организациях, как в государственных, так и в негосударственных, куда чаще всего обращаются беженцы за помощью
- контакт с представителями общин беженцев

Организация PR компаний

Связь с общественностью — это очень важная сторона деятельности проекта.

Умение профессионально организовать и провести конференции, семинары, тренинги, круглые столы, встречи с представителями СМИ помогут вам найти коллег и единомышленников, поделиться опытом, получить полезную информацию, знания, формировать общественное мнение, влиять на государственную систему, находить финансирование для дальнейших проектов. А это самая лучшая помощь своим клиентам.

Работа с журналистами

Через СМИ легче всего формировать общественное мнение. Важно приглашать журналистов на все свои мероприятия (конференции, семинары, круглые столы). Регистрируйте журналистов, которые к вам пришли, поддерживайте с ними обратную связь. Важно готовить журналистам специальные информационные пакеты, где будет информация о вашем Центре, существующей проблеме, представлены статистические данные, описаны конкретные случаи. Этот пакет поможет журналисту написать статью, а вам получить нужную вам и вашим грантодателям информацию.

Можно организовывать специальные мероприятия для журналистов (тренинги, круглые столы), во время которых они получают необходимую информацию и знания.

Социальные работники должны стараться наладить хорошие связи с травмированными людьми. А многие беженцы прошли через войну, потерю близких, смерть, голод, страх. Дайте им возможность быть самими собой. Старайтесь воспринимать их такими, какие они есть. Демонстрируйте свое желание выслушать их тревоги и заботы. Предоставьте широкий спектр возможностей и материалов для самовыражения.

■

Аница Микуш Кос

ВОЛОНТЕРСТВО В ШКОЛАХ

Тренинг для учителей в зонах вооруженных конфликтов: пособие. Приложение к журналу Intervention, №3.2

© «Фонд травмы военного времени», Амстердам, Нидерланды, 2007

Социальные связи очень важны для процессов совладания и излечения у детей, переживших войну. Во время войн взаимодействие естественных социальных сетей значительно обедняется или прекращается совсем. Благодаря волонтерам это взаимодействие можно расширить и обогатить. Своей работой они могут внести вклад в поддержку и благополучие детей-беженцев и детей, травмированных войной. Данная статья посвящена проблемам внедрения волонтерства в школы.

Роль восстановления «естественных ресурсов»

Когда мы хотим помочь детям восстановить свои силы для нормального психологического развития, наиболее эффективным методом может стать мобилизация «естественных ресурсов» общества, таких, как социальная сеть поддержки. Это действительно так, даже, несмотря на то, что многие дети могут при этом нуждаться в дополнительной терапевтической помощи.

Потребовалось много лет для того, чтобы психиатры и психологи признали значение «естественного ресурса» широкой социальной сети и социального контекста для реабилитации людей, переживших войну и вынужденную миграцию. Терапия или консультирование, направленная на проработку травматического опыта, не является

единственным решением психологических проблем людей, переживших ситуацию военного конфликта.

Психологическая функция волонтеров и применяемые ими методы лечения

Работать волонтерами и оказывать помощь учителям при работе с детьми, пережившими вооруженный конфликт, могут многие. В Таблице (см. далее) показано, как волонтеры могут оказывать помощь детям-беженцам. В ней описаны действия волонтеров и их влияние на жизнь и психологическое благополучие детей-беженцев из Боснии и Герцеговины, проживающих на территории Словении (1992–1995).

Требования к успешной психологической помощи: это позитивные отношения между тем, кто помогает, и тем, кто принимает помощь; способность помощника создавать позитивные изменения в жизни реципиента помощи; особые профессиональные знания.

Непрофессиональные волонтеры отвечают указанным требованиям к волонтерской работе в иной пропорции, чем работники сферы психического здоровья. Многие люди, у которых нет профессионального образования, обладают необычайной чувствительностью и пониманием психологических проблем и имеют врожденные способности к оказанию психологической помощи.

При установлении межличностных отношений между помогающим и тем, кому помогают, волонтер занимает более выгодное положение, чем профессионал. Волонтер более доступен социально и эмоционально, у него больше времени и часто больше энергии для каждого, так как он/она обычно отвечает за небольшое количество клиентов. Волонтер может принести пользу, которая будет являться результатом хороших социальных отношений, основанных на теплоте, чувстве безопасности, поддержке, мотивировании, что может для ребенка оказаться гораздо более значимым, чем помощь профессионалов.

Второе требование к успешной психологической помощи – это способность изменить жизненную ситуацию получающего помощь и оказать содействие практического характера. В случае с детьми оказаться полезным перевести ребенка из категории неудачников в категорию отличников (например, позанимавшись с ним по предмету дополнительно). Позже это повлияет на формирование самооценки у ребенка и, следовательно, на его способность справляться с

Таблица. Как волонтеры могут помочь детям-беженцам

Проблема детей-беженцев	Помощь волонтеров
Потеря привычной социальной сети	Создание новой социальной сети
Негативный опыт общения с людьми, разочарование, негативное воздействие на эмоциональное состояние	Доброта, дружба, опыт, подтверждающий то, что «добрые люди существуют»
Социальная изоляция, жизнь в гетто	Волонтеры устанавливают контакт между общиной беженцев и принимающей стороной
Исключение, ксенофобия, неприятие	Послание «Нас действительно волнует, что с вами происходит, мы хотим вам помочь», нейтрализация предубеждений и ксенофобии
Потеря возможности нормального проведения досуга	Организация разнообразного детского досуга
Незнание языка принимающей страны и связанные с этим трудности	Обучение языку через общение, игру и непосредственно во время учебы
Трудности в школе и проблемы в учебе	Помощь в обучении
Трудности с интеграцией в новое окружение, связанные с отсутствием знаний об общепринятых моделях поведения и социальных правилах	Волонтеры от принимающей стороны учат детей характерным моделям поведения, помогают социально ориентироваться и адаптироваться к новому окружению
Общее обеднение жизни, лишения, различный несчастья	Обогащение жизни, улучшение качества жизни
Психологическая травма, связанная с войной и потерями	Волонтеры оказывают психологическую помощь, вносят свой вклад в психологическое излечение и реабилитацию детей, помогая им преодолевать беды

трудностями. Если волонтеры включают ребенка в различные виды игровой деятельности, спортивные и культурные мероприятия, это обогащает его жизнь, улучшает ее качество и расширяет интересы и горизонты ребенка. На травмированных и депрессивных детей все эти факторы оказывают лечебное воздействие. Специальные знания в сфере психического здоровья у непрофессиональных волонтеров очень ограничены. Однако волонтеры могут приобрести эти знания постепенно, пытаясь обдумать опыт, полученный ранее во время тренингов и консультаций с наставником.

Волонтерство — это не дорога с односторонним движением. Оно играет роль в личностном росте самого волонтера и помогает ему развить в себе много новых способностей. В молодом возрасте опыт волонтерства оказывает важное защитное влияние на психосоциальное развитие, так как позволяет молодым людям включаться в социальную деятельность. Это ограждает их от совершения противоправных действий, от наркотиков, так как благодаря волонтерской работе у молодежи появляется цель и чувство собственного достоинства. Волонтерская работа обогащает жизнь молодых волонтеров; она придает ей новый смысл, приносит удовлетворение и радость. Волонтеры обучаются и становятся социально ответственными гражданами. У них формируются социальные ценности, такие как чувство солидарности и морального долга, необходимые для активного участия и решения проблем. Они начинают более осознанно относиться к социальным процессам, происходящим в обществе, особенно тем, которые связаны с бедностью и социальным исключением. Они на своем примере убеждаются и том, что влияние этих процессов можно уменьшить благодаря мобилизации чувства ответственности и внутренних ресурсов гражданского населения. Они приобретают новые практические знания, ноу-хау и навыки (в таких сферах как общение, оказание поддержки или защиты нуждающимся группам населения). Признание своей социальной деятельности повышает их самооценку. Они больше не воспринимают себя беспомощными жертвами несчастий и социальных бедствий. Наоборот, они воспринимают себя активными творцами собственной жизни и жизни общества. Волонтерская работа дает возможность детям и молодым людям, принимающим в ней участие, стать помощниками и оказывать поддержку другим, что позитивно влияет как на их самооценку, так и на личность в целом.

Волонтерство в военный период

Во время войны мы не предусматриваем четко спланированной волонтерской деятельности. Подразумевается, что психологическая помощь спонтанно интегрируется в другие практические виды деятельности, такие как распределение еды, оказание медицинской помощи больным и раненым.

Как и другие бедствия, война пробуждает в людях, напрямую вовлеченных в трагедию, спонтанное чувство солидарности. Они искренне стремятся оказать друг другу помощь. Но их возможности, как правило, ограничиваются помощью членам семьи и другим близким людям.

В условиях долговременного вооруженного конфликта можно развивать довольно много видов психосоциальной волонтерской деятельности, например, работать с беженцами. Наряду с обеспечением практической помощи, психологической, социальной и других видов поддержки у волонтеров есть возможность оказывать позитивное воздействие на отношение к беженцам принимающего населения. Волонтеры становятся посредниками между общиной беженцев, с одной стороны, и местными жителями с другой. Часто волонтеры лоббируют интересы беженцев и пытаются оказывать влияние на решения, принимаемые в отношении мигрантов государством.

Ситуации длительного пребывания в изгнании характеризуются ощущением общей зависимости, пассивностью и депрессией. Если беженцы мотивированны на волонтерскую работу в интересах своего сообщества и на содействие такой деятельности, это может принести огромную практическую, социальную и психологическую пользу обеим сторонам — и беженцам, и самим волонтерам.

Послевоенная ситуация имеет решающее значение для процесса восстановления. В периоды после окончания войн и вооруженных конфликтов ресурсы людей ограничены. Гуманитарные организации, зарубежные волонтеры и другие «импортируемые ресурсы» быстро покидают страну. Менталитет населения претерпевает изменения. То чувство солидарности, которое объединяло людей во время войны, проходит. Теперь каждый сосредотачивается на себе. Однако травмы военного времени еще не залечены, а помимо них появляются новые социальные проблемы. Люди испытывают постоянные разочарования, большинство ожиданий не оправдывается. Так, в республиках бывшей Югославии военные действия породили множество

социальных проблем: бедность, безработицу и несправедливость. Государственные институты, социальные и медицинские службы стали дисфункциональными и коррумпированными. Огромное количество потребностей населения осталось без внимания.

Вот одни из примеров: дети, вернувшиеся из миграции, всегда переживают большие трудности при возвращении в свои бывшие школы. Это могут быть проблемы социального и эмоционального характера, связанные с привычкой учиться по другому учебному плану или с языковыми проблемами.

Волонтеры могут оказать неоценимую помощь в работе с различными группами населения, особенно с детьми. В какой-то степени они могут компенсировать потерю, произошедшую в семье ребенка, или дисфункциональное состояние его родителей. На родителей потеря членов семьи и собственности оказывает гораздо большее влияние, чем на детей. В семье может царить депрессивная атмосфера, у многих родителей не хватает энергии и эмоций для того, чтобы поддержать детей. Волонтер, не отягощенный бременем дистресса или горя, может принести в жизнь детей положительные эмоции: юмор, радость, позитивные фантазии и др.

В послевоенное время волонтерство, кроме того, что оно является ресурсом человеческой энергии «здесь и сейчас», представляет для общества важную моральную ценность. Оно становится противоядием ценностям рыночной экономики, которые ни в коей мере не базируются на чувствах солидарности или заботе о людях. Организованная деятельность волонтеров обогащает социальную жизнь сообществ, переживших войну, и позволяет малообеспеченным индивидам почувствовать себя защищенными.

Развитие новых форм волонтерской работы, ориентированной на сообщество, может сформировать в духе волонтерства устойчивую местную или региональную культуру, где каждый гражданин будет чувствовать социальную ответственность за улучшение качества жизни самых бедных и уязвимых. Волонтерство может улучшить качество жизни практически всего сообщества подобно тому, как оно влияет на процесс излечения отдельных людей и всего коллектива.

Послевоенный период должен стать и периодом примирения. Во многом этому может способствовать общественная деятельность, объединяющая все стороны, вовлеченные в конфликт. Привлечение волонтеров из различных социальных и религиозных групп к коллективной социальной деятельности является важным видом рабо-

ты, направленной на восстановление социальных отношений и примирение в обществе. Сеть волонтеров способствует развитию толерантности, восстановлению доверия и дружеской обстановки в обществе.

Развитие волонтерской программы в школе

Польза, которую получают дети и школа. Директор и учителя школы должны с энтузиазмом относиться к идеям волонтерства и верить в их пользу. Набирать волонтеров можно среди представителей общины, из числа родителей и других заинтересованных лиц, а также среди учеников школы. Дети могут оказать неоценимую помощь в поддержке своих младших товарищей-школьников.

Пользу от волонтерской работы могут получить все дети. Но важнее всего получение волонтерской помощи для детей с особенностями развития, больных детей, детей с психосоциальными проблемами или расстройствами, с посттравматическими жалобами и симптомами, детей из малообеспеченных и дисфункциональных семей. Контакт с волонтерами может защитить нуждающихся детей от воздействия негативных факторов и стимулировать их здоровое психологическое развитие. Он может улучшить психосоциальное качество их жизни посредством включения в различные социальные мероприятия, которые приносят им радость и делают счастливее. Все это позволит противостоять процессу социального исключения. Контакт с волонтерами ускоряет развитие у детей социальных функций, так как волонтеры своим собственным примером демонстрируют модели желаемого и ожидаемого поведения. Работа волонтеров с детьми может помочь им развить новые интересы, способствовать улучшению успеваемости в школе, получить опыт общения с «хорошими» людьми, компенсировать ранее полученный болезненный опыт и сформировать более позитивное отношение к людям в целом.

Школа многое получает от работы волонтеров, так как волонтерство способствует созданию хорошей репутации школ среди представителей сообщества, которые также выигрывают от работы волонтеров. Кроме того, что эта деятельность способствует уменьшению практических проблем нуждающихся людей, такая работа помогает развитию и распространению ценностей солидарности и ответственности и готовит молодежь к ответственности и сопричастности жиз-

ни общества в будущем. Волонтерство способствует предотвращению напряжения и конфликтов в обществе.

Волонтерство в школах, помимо самих школ, может развивать местная партнерская НПО. Учителя, включенные в Программу, могут курировать деятельность волонтеров. Для работы детей в качестве волонтеров или помощников волонтеров необходимо согласие родителей. Региональные тренеры проводят мастер-классы для наставников и наблюдают за волонтерской программой.

Обучение наставников. Если волонтерская работа является частью психосоциальной интервенции, организаторы должны начать с обучения наставников. Задачей наставников является наблюдение за работой волонтеров. Волонтеров следует подготовить для этой работы; необходимо организовать регулярные групповые встречи с наставником, во время которых они смогут обсудить проблемы, собственные трудности и дилеммы. Волонтерам нужно помогать, но организаторы и наставники не должны посвящать основную часть своего времени и энергии проблемам волонтеров. Есть опасность, что волонтерские группы сконцентрируются на собственных проблемах, а пострадавшая от войны община вряд ли получит от этого пользу.

Однако иногда интересы волонтеров также нуждаются в защите; например, в защите от несправедливых обвинений со стороны беженцев. Организаторы должны быть осведомлены о том, что волонтеры, которые посвящают свое время и энергию пострадавшим людям, могут подвергаться подобным оскорблениям. Более того, у волонтеров могут быть нереалистичные и идеализированные представления о населении, пострадавшем от войны.

Само сообщество может воспринимать местных волонтеров, помогающих беженцам в принимающей стране, с подозрением, особенно если принимающая сторона подозрительно настроена по отношению к беженцам или их лидерам. С другой стороны, часто волонтеры создают положительное представление о беженцах в своих собственных семьях или местах работы и учебы.

Отбор волонтеров. При привлечении волонтеров организаторам следует уделять особое внимание процессу отбора. У некоторых людей, желающих работать волонтерами в периоды вооруженных конфликтов, нет соответствующих навыков совладания с трудностями, с которыми они, скорее всего, столкнутся. Деятельность такого волонтера может нанести вред самим волонтерам или тем, с кем он работает.

Волонтеры, относящиеся к жертвам войны и беженцам покровительственно, могут также причинить вред своим «подопечным», поскольку такое патерналистское отношение показывает недостаток уважения волонтера к способностям совладания самого человека. С другой стороны, это может подтолкнуть более уязвимых людей к позиции беспомощной жертвы, что помешает им мобилизовать собственные ресурсы совладания. Волонтеры должны действовать в сотрудничестве с теми, кому они хотят помочь, и их поведение не должно противоречить нормам культуры.

Повышение восприимчивости сообщества. О работе волонтеров можно проинформировать и других людей, работающих с детьми (врачей, социальных работников). Введение волонтерской работы является для общества инновацией, которая требует соответствующей подготовки, принятия и понимания. Следовательно, достаточное количество времени и энергии придется затратить на ознакомление всех вовлеченных сторон с основными понятиями и практической ценностью добровольческой работы.

Начало работы волонтером. Волонтеры, участвующие в программе, направленной на укрепление защитной функции школы, находятся в контакте с «клиентом». Они встречаются с ним раз в неделю на протяжении всего учебного года. Реципиентами этой помощи могут быть пожилые люди, инвалиды или лица, нуждающиеся в ней по другим причинам. Чаще всего молодые волонтеры помогают детям. Волонтеры могут оказывать эффективную помощь детям с трудностями в обучении. В этом случае в качестве волонтеров выступают ровесники, дети из старших классов или студенты. Роль друга и образца является еще одной важной функцией в работе волонтеров, общающихся с детьми с эмоциональными и психосоциальными проблемами, детьми-инвалидами и детьми, которые нуждаются в особой помощи.

Наставник несет ответственность за внедрение данной программы, за ее качество и за соблюдение этических принципов. Наставники, перед тем, как их подопечные приступят к работе, проходят подготовку на специальных тренинговых сессиях. Начальным шагом в привлечении молодых волонтеров является организация наставниками мастер-класса, направленного в первую очередь на то, чтобы познакомить будущих волонтеров с целями и ценностями добровольческой работы, подготовить их к практическим видам деятельности, ориентированной на реципиентов, например, к таким, как помощь

детям с трудностями в обучении и т.д. Они знакомят волонтеров с их обязанностями и говорят о том, что волонтеры обязательно будут получать поддержку со стороны наставников и организаторов. Наставники два раза в неделю встречаются с группами волонтеров, работающих в одной и той же сфере (например, группа волонтеров, помогающих пожилым людям). Такие встречи включают отчеты о деятельности волонтеров, наблюдение, обсуждение проблем и их решений. Если волонтеры работают в учреждениях (например, в интернате для детей-инвалидов), наставник поддерживает с этим учреждением постоянный контакт. В задачи наставника входит также умение выразить волонтерам признательность и дать им возможности рассказать о своей работе публично и в средствах массовой информации.

■

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Берлинский центр лечения жертв пыток (BZFO)

РАБОТА С БЕЖЕНЦАМИ: ОЦЕНОЧНЫЕ ФОРМЫ

© Берлинский центр лечения жертв пыток (BZFO)

Берлинский центр лечения жертв пыток (BZFO) был создан в 1992 году при поддержке Немецкого Красного креста. BZFO — это неприбыльная организация, которая активно участвует в реабилитации жертв пыток. На сегодня, основная категория клиентов центра — беженцы и искатели убежища.

Вниманию читателей предлагаем **Оценочные формы**, которые используются в BZFO для оценки психологического, соматического состояния клиентов и их социальных отношений.

Мы благодарим BZFO за предоставленную информацию.

Обращение к клиентам

В дальнейшем Вы найдете список событий, которые могут происходить с людьми, и жалоб и проблем, которые иногда возникают. Прочитайте, пожалуйста, внимательно вводные тексты и вопросы. После этого определите, какие события Вы пережили и как сильно Вы были угнетены / как сильно Вас беспокоили жалобы.

Крестом отметьте только тот ответ на каждый вопрос, который подходит к Вам больше всего. При этом Вы не можете дать ни «правильных» ни «неправильных» ответов. Для нас важно узнать о Ваших жалобах и проблемах, чтобы мы вместе с Вами смогли что-либо предпринять против них. Помимо этого мы сможем увидеть, изменились ли Ваши жалобы с течением времени и обсудить с Вами это. С Вашими ответами мы будем обходиться строго конфиденциально.

Вопросник симптомов по Хопкинсу (the Hopkins Symptoms Checklist)

HSCL-25

В приведённых ниже предложениях укажите, как часто ими можно описать ваше состояние в течение сегодняшнего дня или за прошедшую неделю. Обведите свои ответы в вопроснике.

		почти никогда	иногда	часто	почти всегда
Часть 1: Симптомы страха					
1	Мне беспричинно становится страшно				
2	У меня чувство боязливости				
3	У меня головокружение и слабость				
4	Я нервничаю или переживаю				
5	У меня учащённое сердцебиение				
6	Я испытываю дрожь				
7	Я ощущаю состояние напряжения				
8	У меня головная боль				
9	У меня бывают приступы паники или страха				
10	Я чувствую себя беспокойно или не могу сидеть без дела				

		почти никогда	иногда	часто	почти всегда
Часть 2: Симптомы депрессии					
11	У меня чувство, что я медленнее реагирую или у меня недостаток энергии				
12	Я обвиняю сам себя за события				
13	Я могу быстро расплакаться				
14	У меня пропал интерес к сексу				
15	Мне не хочется есть				
16	Мне трудно уснуть или я часто просыпаюсь				
17	Я смотрю в будущее с чувством безнадежности				
18	Я грустен				
19	Я чувствую себя одиноким				
20	У меня бывают мысли покончить с собой				
21	Я чувствую себя запутанным или пойманным				
22	Я слишком много размышляю				
23	У меня нет не к чему интереса				
24	У меня ощущение, что всё так сложно				
25	Я чувствую свою никчемность				

Гарвардский вопросник истории травмы (the Harvard Trauma Questionnaire)

Мы хотели бы задать вам несколько вопросов касательно вашей истории и ваших актуальных симптомов. Эта информация поможет нам предоставить вам лучшую медицинскую и психотерапевтическую помощь. Возможно, некоторые из вопросов взволнуют, взбудоражат вас. На такие вопросы вы можете не отвечать. Это никак не повлияет на ваше лечение. Ваши ответы на вопросы будут рассматриваться строго конфиденциально.

Укажите, пожалуйста, какие из следующих событий или ситуаций вам довелось пережить, были ли вы их свидетелем или же слышали о них. Пожалуйста, отвечая на каждый вопрос, ставьте крест только в той колонке ответов, которая вам соответствует.

		Пережил сам	Стал свидетелем	Слышал об этом	Ни то ни другое
1	Недостаток еды или питья				
2	Плохое состояние здоровья без доступа к медицинскому обеспечению				
3	Нет крыши над головой				
4	Плен				
5	Серьезное ранение				
6	Ситуации борьбы, военных столкновений, стычек				
7	Промывание мозгов				
8	Изнасилование или сексуальное злоупотребление				
9	Вынужденная изоляция				
10	Быть на краю смерти				
11	Вынужденная разлука с членами семьи				
12	Убийство одного из членов семьи или друга				
13	Неестественная смерть одного из членов семьи или друга				
14	Убийство одного или нескольких неизвестных людей				
15	Исчезновение или похищение				
16	Пытки				

Ниже будут названы некоторые симптомы, которые появляются иногда у людей, переживших болезненные или пугающие события. Прочитайте, пожалуйста, внимательно каждый вопрос и определите, какие симптомы вас особо беспокоили за прошедшие семь дней.

		Вообще нет	Немного	Сильно	Очень сильно
1	Повторяющиеся мысли или воспоминания о болезненных или пугающих событиях				
2	Чувство, словно это событие снова случится				
3	Повторяющиеся кошмары				
4	Чувствовать себя разделенным от людей или обособленным				
5	Быть не в состоянии испытывать чувства				
6	Чувствовать себя нервным и легко пугающимся				
7	Трудности с концентрацией				
8	Беспокойный сон				
9	Быть начеку				
10	Чувствовать себя раздраженным. Случаются припадки гнева				
11	Избегать деятельности, которая напоминает о травмирующем или болезненном событии				
12	Неспособность вспомнить части травмирующего или болезненного события				
13	Ограниченный интерес в повседневных занятиях				
14	Чувствовать себя так, словно бы у вас нет будущего				
15	Избегать мыслей или чувств, которые связаны с травмирующим или болезненным жизненным опытом				
16	Неожиданные чувственные или телесные реакции, когда вы вспоминаете о травмирующих или болезненных событиях				

		Вообще нет	Немного	Сильно	Очень сильно
17	Чувство, что люди не понимают, что с вами случилось				
18	Сложности с выполнением работы или повседневных заданий				
19	Обвинять самого себя в тех вещах, которые случились				
20	Чувствовать себя виновным в том, что вы выжили				
21	Безнадежность				
22	Стыдиться болезненных или травмирующих событий, которые с вами случились				
23	Проводить время в раздумьях над тем, почему эти события случились с вами				
24	Чувствовать себя, словно сумасшедший				
25	Чувствовать себя, словно бы вы единственная/единственный, которая/который пережил эти вещи				
26	Чувствовать, что другие настроены враждебно к вам				
27	Чувствовать, что не на кого положиться				
28	Выяснить или услышать от других людей, что вы что-то сделали, о чем вы не можете вспомнить				
29	Чувство, словно бы вы разделены на две личности, и одна из них наблюдает, что делает другая				
30	Чувство, что кто-то, кому вы доверяли, вас предал				

Вопросник состояния во время травмы (the Peritraumatic Dissociation Experiences Questionnaire)

PDEQ

В следующих 10 высказываниях поставьте, пожалуйста, крест, насколько данное высказывание относится к вам. Попробуйте себе представить, как это было тогда.

	Это высказывание относится к Вам:	Вообще нет	Практически нет	Немного	Относительно	Совершенно точно
1	У меня были моменты, в которые я больше не знал, что происходило. Я чувствовал себя так, словно бы я не был частью того, что происходило					
2	Я чувствовал себя так, словно я действовал автоматически. Я делал вещи, на которые я осознанно вообще не решался, о чем я замечал лишь позже					
3	Все происходило в замедленном темпе					
4	То, что происходило, казалось мне недействительным, словно бы я был во сне или смотрел фильм или театральную пьесу.					
5	Я чувствовал себя зрителем, который наблюдает за тем, что происходит — как будто бы я парил над происходящим или наблюдал за всем как посторонний					
6	Случались моменты, в которые мне казалось, что чувство своего тела					

	Это высказывание относится к Вам:	Вообще нет	Практически нет	Немного	Относительно	Совершенно точно
	было изменено или нарушено. Я чувствовал себя разделенным со своим телом или словно мое тело было необычно большим или маленьким					
7	Я чувствовал, словно бы вещи, случаемые с другими, случались со мной — словно я был вовлечен в события, хотя этого на самом деле не было					
8	Я был удивлен, выяснив, спустя время, что тогда многое происходило, чего я не уловил, особые вещи, которые бы я в обычном состоянии заметил					
9	Я чувствовал себя сбитым с толку. Это означает, что со мной бывали моменты, в которых мне не было ясно, что вокруг меня происходит					
10	Я чувствовал себя дезориентированным. Это означает, что были моменты, в которых я не был уверен, где я находился и который был час.					

Вопросник соматического состояния (the Somatoform Dissociation Questionnaire)

SDQ

*Эта анкета посвящена различным телесным симптомам или восприятию тела, которые вы могли испытывать либо в короткий, либо в продолжительный промежуток времени. Укажите, пожалуйста, насколько вы испытывали подобное ощущение тела **за последний год / за последние 4 недели**.*

Если вы испытываете телесный симптом, укажите, пожалуйста, сначала, как часто по вашей оценке он проявляется, а затем объяснил ли какой-либо врач это ощущение телесной болезнью.

		Никогда	Иногда	Часто	Относительно часто	Очень часто
1	Мочепускание болезненно					
2	Мое тело или часть моего тела не воспринимает боли					
3	Вещи в моем окружении выглядят не так, как обычно (например, я вижу их словно через туннель или словно я вижу только их часть)					
4	Чувство, как будто мое тело или часть моего тела исчезли					
5	Не могу (или только с большим усилием) говорить, или вообще шептать					

The Brief Symptom Inventory

10 SCL-90-R-somatization

	Как сильно Вы страдали в последние 7 дней от... ?	Вообще нет	Не-много	Отно-ситель-но	Сильно	Очень сильно
1	головных болей					
4	предобморочных состояний или от головокружения					
12	болей в груди и в сердце					
27	болей в пояснице					
40	тошноты и расстройства желудка					
42	мышечной боли, ломоты в конечностях					
48	трудностей при дыхании					
49	приступов жара и озноба					
52	онемения или зуда в отдельных частях тела					
53	чувства, словно у вас ком в горле					
56	чувства слабости в отдельных частях тела					
58	чувства тяжести в руках и ногах					

**Вопросник качества жизни
Всемирной организации здравоохранения
(the WHO Quality of Life Questionnaire)**

EUROHIS

Следующие вопросы касаются вашего уровня жизни, здоровья и других областей жизни. Мы просим вас думать при ответах о двух последних неделях вашей жизни.

		Очень плохо	Плохо	Средне	Хорошо	Очень хорошо
1	Как бы вы оценили уровень вашей жизни?					

		Очень недоволен	Недоволен	Средне	Доволен	Очень доволен
2	Довольны ли вы состоянием вашего здоровья?					

		Вообще нет	Скорее нет	До некоторой степени	Преимущественно да	Полностью
3	Хватает ли вам энергии для повседневной жизни?					
4	Довольны ли вы своей способностью справляться с повседневными делами?					
5	Довольны ли вы собой?					
6	Довольны ли вы вашими личными отношениями?					
7	Достаточно ли у вас денег, чтобы удовлетворять ваши потребности?					
8	Довольны ли вы условиями вашего проживания?					

Украинский Хельсинский Союз по правам человека

Владимир Яворский

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НОВОГО ПРОЕКТА КПК

<http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1158848475>

© В. Яворский, 2006.

13–14 сентября 2006 года состоялось заседание «круглого стола» на тему «Доктринальные направления нового проекта Криминально-процессуального кодекса Украины», на котором впервые были представлены наработки рабочей группы Национальной Комиссии, работающей над новой редакцией Криминально-процессуального кодекса.

Заседание «круглого стола» проводилось Национальной комиссией по укреплению демократии и утверждения верховенства права с участием ведущих специалистов в сфере криминального и криминально-процессуального права, международных экспертов и при поддержке Отдела Советника по правовым вопросам посольства США в Украине.

На заседании состоялось обсуждение и представление средствам массовой информации и широкой общественности доктринальных положений нового проекта Уголовно-процессуального кодекса Украины, разработанного на выполнение абзаца второго пункта 8 раздела 1 «Плана мероприятий по выполнению обязанностей и обяза-

тельств Украины, которые вытекают из ее членства в Совете Европы», утвержденного Указом Президента Украины от 20 января 2006 года № 39/2006.

История проекта КПК не проста. Он был зарегистрирован в парламенте в мае 2003 года и уже за несколько недель был принят в первом чтении. Тем не менее, он противоречил стандартам соблюдения прав человека, и поэтому правозащитники начали кампанию, проведя ряд пресс-конференций накануне вынесения очередной версии проекта на голосование. Были проведены и общественные обсуждения в 2004-м и позднее в январе 2006 года.

По инициативе правозащитников и других не равнодушных к этому делу людей проект был направлен на экспертизу в Совет Европы, который дал ему чрезвычайно негативную оценку. Также негативно оценили его и многочисленные научные работники, адвокаты. Нравился проект преимущественно представителям правоохранительных органов, что в конце концов полностью понятно.

Подробнее эти выводы можно узнать на сайте УХСПЧ: <http://www.helsinki.org.ua/index.php?r=1&t=17>

Учитывая негативные выводы общественного обсуждения, которые провели УХСПЧ, МФ «Возрождение» и национальная Комиссия по укреплению демократии и утверждению верховенства права в январе 2006 года, Президентом было принято решение о разработке нового проекта КПК. Ответственной за его разработку определена Национальная комиссия, которая к этому времени уже начала работать над концепцией реформы криминальной юстиции. Последняя может включать, кроме реформы криминального процесса, также реформу Уголовного кодекса и правоохранительных органов.

Рабочая группа Национальной комиссии во главе с В. Шишкиным, членом Комиссии и судьей Конституционного суда Украины, в июне 2006 года приступила к работе. В ее состав вошли известные ученые и правозащитники. «Интересы» правозащитников в этом процессе представляет адвокат Аркадий Бущенко.

На «круглом столе» обсуждались концептуальные новшества досудебного следствия, которые без преувеличения можно назвать революционными. Впереди еще много обсуждений и подготовка самого проекта КПК, тем не менее уже определенные идеологические принципы проекта показывают, что он наиболее приближен к демократическим стандартам прав и свобод личности из всех известных в Украине.

Такие инновации проекта КПК называют сами разработчики:

Философия содержания нового КПК направлена на поиск такой процедуры проведения государственными органами действий, указанных в УК Украины, благодаря которой современное украинское общество могло бы решать задачи двух главных направлений:

- 1) эффективная деятельность государственных органов защиты порядка относительно того, чтобы обезопасить общество и конкретных его членов от преступных проявлений;
- 2) максимальное соблюдение конвенционных прав человека всех лиц, которые принимают участие в деле о криминальном правонарушении.

С этой целью:

- 1) за новым КПК деятельность государственных органов относительно раскрытия и расследования криминальных правонарушений должна быть процессуально универсализирована, лишена лишней бюрократии и попечения;
- 2) новый КПК Украины может стать кодексом прав личности по отношению к обвинительной и судебной власти, а не ритуалом назначения наказания.

Достичь этого предполагается благодаря таким инновациям в тексте нового КПК.

На стадии досудебного следствия:

- 1) начальным моментом осуществления криминального проведения является момент обращения лица к соответствующим органам защиты порядка с сообщением о признаках уголовно преследуемого действия; сообщения (рапорт) служащего органа правопорядка; информация в средствах массовой информации;
- 2) следствие может быть открытым по факту события, которое имеет признаки криминального правонарушения, а не против лица;
- 3) ликвидируется внутриведомственная и межведомственная этапность в расследовании на манер современных дознания и следствия. Орган, который осуществляет криминальное расследование, в то же время проводит оперативно-розыскные и следственные действия, которые именуется как расследование;
- 4) ответственным за организационное обеспечение расследования является руководитель правоохранительного органа;

- 5) с момента начала криминального расследования могут осуществляться все процессуальные оперативно-розыскные и следственные действия;
- 6) прокурор осуществляет сопровождение расследования и надзор за соблюдением законности во время расследования в смысле контрольных функций прокуратуры в странах Европы. Он еще является ответственным за окончание расследования;
- 7) орган расследования вручает подозреваемому лицу сообщение о подозрении в причастности к совершению криминального правонарушения;
- 8) с момента появления в процессе подозреваемого лица орган расследования привлекает к расследованию защитника (адвоката) или представителя;
- 9) органы расследования осуществляют сбор материалов, документов и информации, которую суд может принять как доказательства совершения криминального правонарушения;
- 10) расследование должно происходить с соблюдением всех элементов принципа диспозитивности, что обуславливает привлечение материалов, полученных защитником, которые могут быть в суде доказательствами, а также ознакомления защитника с теми материалами, которые установило обвинение;
- 11) за достаточной совокупностью материалов, которые дают основания предъявить обвинение подозреваемого лица в совершении криминального правонарушения, обвинитель (прокурор) выдвигает такому лицу обвинение, и он приобретает статус обвиняемого лица;
- 12) по итогам досудебного следствия прокурор составляет обвинительный акт и направляет его в суд вместе с реестром материалов и документов, которые суд может взять как доказательства совершения лицом криминального правонарушения;
- 13) срок досудебного расследования с момента сообщения лица о подозрении в причастности к совершению криминального правонарушения до отправления в суд обвинительного акта относительно его не может превышать шести месяцев;
- 14) задержанным или арестованным может быть только лицо, которому сообщили о подозрении в совершении им криминального правонарушения;

- 15) срок с момента начала уголовного расследования до сообщения лицу о подозрении в совершении им уголовного правонарушения устанавливать не следует;
- 16) в период досудебного расследования следственный судья выполняет функции, которые предусмотрены нормами Конституции Украины;
- 17) отмечаются особенности расследования относительно обвинения определенной категории в совершении уголовного правонарушения;
- 18) на протяжении осуществления уголовного расследования (досудебное расследование и судебное разбирательство с принятием судебного решения) лицо, которое обвиняют в совершении уголовного правонарушения, имеет только два процессуальных статуса — подозреваемое и обвиняемое лицо.

На стадии судебного проведения:

- 1) судья знакомится только с обвинительным актом и перечнем материалов, документов и сообщений, которые могут быть доказательствами;
- 2) материалы, документы и информацию о свидетельстве предоставляют в суд непосредственно обвинитель и защитник (представитель);
- 3) судья проводит предварительное слушание относительно готовности сторон к рассмотрению дела;
- 4) рассмотрение предложений относительно заключения мирового соглашения;
- 5) заочное судебное расследование;
- 6) приказное расследование — постановление судьей без проведения судебного заседания судебного приказа о наказании лица за совершение уголовного проступка, если такое лицо не отрицает свою вину в совершении уголовного проступка и не возражает против наказания, которое может назначить судья;
- 7) полное судебное разбирательство обвинения, которое выдвигается лицу;
- 8) совещательная комната для состава суда и вынесения судебного решения;
- 9) формирование суда присяжных — принимают участие в обвинении и защите под контролем судьи;

- 10) рассмотрение дела судом присяжных, в котором по принципу состязательности в исследовании документов и материалов принимают участие стороны процесса, состав присяжных воспринимает или не воспринимает их как доказательства, а председательствующий (профессиональный судья) лишь руководит процессом;
- 11) совещательная комната присяжных — принятие вердикта на основании напутствия судьи;
- 12) вынесение судебного решения председательствующим (профессиональным судьей) на основании вердикта присяжных;
- 13) порядок объявления судебного решения, учитывая особенности их принятия составом профессиональных судей и судом присяжных;
- 14) особенности рассмотрения обвинения в закрытом режиме и исследования специфических доказательств (например, допрос как свидетеля агента под прикрытием);
- 15) особенности рассмотрения отдельных категорий обвиняемых лиц.

Совет Европы

КОММЕНТАРИИ К ПРОЕКТУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ ЭКСПЕРТОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ

<http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1110046734>

Страсбург, 2 сентября 2004 года
PCRED/DGI/EXP (2003) 63 лишь английский экземпляр

Комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса
(Версия от декабря 2003 года — ссылка на DGI / DOC / CPC / (2004) 01)
Профессор, д-р Хоакиим Германн Юридический факультет, Университет Аугсбург
(Германия)

Комментарии, предоставленные экспертами, не обязательно отображают мнение Совета Европы или тех государственных органов, в которых эти эксперты работают.

ВВЕДЕНИЕ

В этом отчете предлагаются комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Украины. Он основывается на переводе проекта на английский язык, который содержится в составе такого документа: Генеральная Дирекция — правовые вопросы: проект Уголовно-процессуального кодекса Украины (декабрь 2003 г.), док. номер DGI / DOC / CPC / (2004) 01, Страсбург, 5 января 2004 года.

При составлении комментариев к переведенному на английский язык проекту Уголовно-процессуального кодекса Украины возникают три языковые проблемы. Во-первых, общеизвестно, что юриди-

ческий текст, переведенный на другой язык, никогда не может считаться точным зеркальным отображением оригинала. Во-вторых, перевод с русского на английский делает эту проблему еще более глубокой, так как законодательство Украины представляет часть Европейской континентальной системы Гражданского права, тогда как английский язык является языком иного мира правового мышления. Английский язык полагается на терминологию и концептуализацию англо-американского общего права. В-третьих, лицо, которое выполнило перевод, не было осведомлено о том, что существует фундаментальное отличие гражданского права от общего права. В переводе проекта Кодекса Украины сделана попытка перевода терминологии гражданского права на английский язык. В результате английский текст во многих местах неточный, неопределенный и, соответственно, сложный для понимания.

В предоставленных дальше комментариях мы делаем попытку обратить особое внимание на эти проблемы. Впрочем, следует помнить о возможности неправильного понимания, а также о том, что комментарии могут выходить из такого неправильного понимания. Во многих местах можно лишь догадываться, о чем идет речь в английском тексте. Во многих случаях его вообще невозможно понять. В качестве примера можно привести перевод ст. 158, (4); ст. 171 (1); ст. 186 (3); ст. 228 (6); ст. 263 (5).

Комментарии ограничатся теми положениями и частями Проекта, которые, вероятно, подвергнутся критике. Комментарии не только принимают во внимание вопрос о соответствии Проекта положениям Европейской Конвенции о правах и основных свободах человека. Они также касаются не менее важного вопроса о том, в какой мере Проект выходит на те стандарты, которым вообще отвечают современные европейские уголовно-процессуальные кодексы.

Рекомендации относительно изменения положений Проекта Уголовно-процессуального кодекса Украины будут предоставляться в тех случаях, когда нам покажется, что их реформирования требует Европейская конвенция или они необходимы в свете принятых международным сообществом стандартов проведения в уголовных делах. В других случаях, когда изменения не выглядят такими спешными, предложения предоставляются с большей осторожностью.

Комментарии не просто касаются отдельных положений Проекта. В соответствующих местах они приобретают более широкую перспективу и касаются тех принципов и концепций, на которых осно-

выдается Проект, системного его построения, роли, которую он предоставляет участникам проведения в уголовных делах, и вопроса о том, как новое законодательство будет работать на практике.

ОБЩИЕ КОММЕНТАРИИ К ПРОЕКТУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

1. Система и построение Проекта

Проект Уголовно-процессуального кодекса Украины вообще придерживается системы уголовно-процессуальных кодексов европейских стран. Впрочем, возникает три вопроса.

1) Раздел четвертый Проекта рассматривает «Мероприятия процессуального принуждения» (ст. 118–156). В нем говорится о «задержке подозреваемого», «предупредительных мерах» и других «мерах процессуального принуждения». Положение об «осмотре, обследовании, эксгумации, изъятие, обыске, наложении ареста на корреспонденцию, применение технических средств получения информации с коммуникационных каналов» (ст. 263–278), изложенные в разделе шестом Проекта, который содержит положение о «доказательстве» (ст. 177–324). Такой порядок, возможно, полагается на традиционное представление о том, что изъятия, обыски и другие меры, о которых говорится в ст. 263–278, должны прежде всего считаться средствами сбора доказательств. Однако с современной точки зрения изъятия, обыски и другие меры могут содержать ущемление прав человека так же, как и задержание и другие «меры процессуального принуждения». Это не физическое «процессуальное принуждение», а скорее неприкосновенность прав человека, которое квалифицирует задержание, с одной стороны, а изъятия и обыски — с другой. Итак, необходимо уточнить, не будет ли целесообразнее разместить положение об изъятиях, обысках и других мерах, о которых говорится в ст. 263–278, в разделе, который содержит положение о «мерах процессуального принуждения». В конце концов, изъятия и обыски могут также предусматривать действия физического принуждения. Этому разделу нужно дать заглавие «меры, которые включают в себя вмешательство в права человека». Такая реорганизация даст правоохранительным органам возможность сильнее ощутить, что изъятия и обыски, как и задер-

жание, являются ощутимыми правовыми сферами, в которых особое внимание необходимо уделять защите прав человека.

2) Ст. 276–278, кроме «арест корреспонденции», дают разрешение на «использование технических средств получения информации». Они не определяют, каких именно «технических средств». Можно лишь догадываться, что они касаются записи разговоров на пленку, а возможно, и подслушивание. Учитывая это, предлагается предоставить в Проекте четкое определение «технических средств получения информации» в связи с тем, что эти методы расследования могут касаться вмешательства в права человека. С целью эффективной защиты прав Проект также должен дать более подробное определение таких технических средств, которые разрешается использовать.

В Проекте ничего не говорится и о других современных средствах расследования, таких как обыск с помощью компьютерного сканирования, использование приборов слежения с помощью компьютерной техники и других компьютерных технологий. Не отображен также вопрос о расследовании с помощью информаторов милиции и агентов, которые работают под прикрытием. Возможно, эти методы регулируются специальными законодательными нормами. И если это не так, положение о них методах расследования должны быть включены в Проект. Можно предполагать, что органы правопорядка в Украине в своей практике прибегают к таким современным методам расследования. Если милиция не ограничена правовыми нормами, она свободна осуществлять то, что считают эффективным. К вопросу защиты прав человека следует относиться с особым вниманием в том случае, если органы правопорядка прибегают к использованию таких методов.

3) Значительное количество положений Проекта повторяется. Очевидно, таким образом составители стараются лучше прояснить, какие именно процессуальные шаги можно осуществлять. Для достижения этой цели в Проекте отводится особое место процессуальным и техническим деталям. С другой стороны, следует отметить, что положения о соблюдении прав человека зачастую имеют или довольно общий характер, или вовсе отсутствуют.

Повторяемых положений так много, что нет возможности все их перечислить. Предоставим только несколько типичных примеров. В статье 46 предоставляется детальный перечень «прав и обязанностей подозреваемого», в статье 48 — в основном идентичный пере-

чень «прав и обязанностей обвиняемого». Положения об обязанностях эксперта (ст. 77 (2)) и специалиста (ст. 78 (3)) вообще перекликаются. Статьи 91, 95, 96 и 97, в которых речь идет об отводе судьи, народного заседателя, присяжного, следственные судьи, лица, которое осуществляет дознание, в какой-то мере повторяют одна другую. (ст. 98 об отводе переводчика и другого персонала демонстрирует, что в Проекте наблюдается применение более практического подхода, так как она просто ссылается на ст. 91 об отводе судьи). Статья 124 говорит о мерах защиты несовершеннолетних, задержанных и охране их имущества, в статьях 143, 144 отображается тот же вопрос относительно лица, взятого под стражу. Статьи 166 (показания свидетеля), 167 (показания пострадавшего), 168 (показания подозреваемого) и 169 (показания обвиняемого, подсудного, осужденного, оправданного) перекликаются в нескольких аспектах. Это касается и статьи 249 (допрос подозреваемого) и статьи 250 (допрос обвиняемого). В основном повторяемые положения о допросе подозреваемого и обвиняемого можно найти в статьях 46 и 48, 168 и 169, 249 и 250.

Методика повторений и ссылки на многочисленные повторения усложнят работу тех людей, которые будут иметь дело с новым кодексом в своей ежедневной практике. Они должны будут всегда возвращаться к нему, чтобы выяснить, нет ли в одном из многих детализированных положений какого-то особого правила. Европейское законодательство еще со времен наполеоновских кодексов обратилось к другому, более систематизированному подходу. Чтобы сделать законодательство не таким громоздким и более понятным, законодательные органы обратились к проектированию общих, а не отдельных положений. В общих положениях излагаются принципы, которых следует придерживаться во всех случаях, кроме тех, когда имеют место исключения. Если исключения нужно ввести, они объясняются в отдельных положениях.

2. Терминология

Длинный список определений терминов можно найти в статье 6. В Проекте, вероятно, продолжается традиция социалистического законотворчества, которое базировалось на том предположении, что терминология обеспечивает предсказуемость в обеспечении правопорядка. Тем не менее, возникает вопрос относительно того, всегда ли такое предположение обоснованно.

Необходимо предоставлять определение таких терминов, как «малолетние лица», «несовершеннолетние лица», «близкие родственники» и «ночное время», так как нужно провести линию между тем, что в них включено, а что исключено. Большое количество определений терминов, таких, например, как «дознание», «досудовое проведение», «досудовое следствие» и «постановление», должны считаться не релевантными. С одной стороны, в них делается попытка определения того, что разъясняется намного подробнее в дальнейших частях Проекта. С другой стороны, в этих определениях разъясняется то, что само по себе понятно.

Итак, предлагается включить в список разъяснения терминов лишь те, которые являются необходимыми и точно передают значение понятия или слова.

3. Статьи, в которых говорится об очевидном

В Проекте есть несколько статей, в которых речь идет об очевидном. Например, согласно статье 37 (1) (1), следователи должны «придерживаться требований Конституции и законов Украины» при проведении следствия. Разве могут быть сомнения в том, что следователи должны придерживаться законов во всех своих действиях? Учитывая сказанное, остается неясным, почему все же посчитали необходимым включить в Проект определения об общей обязанности относительно соблюдения закона. Еще сложнее это понять, если заметить, что Проект не ссылается на такую общую обязанность в главе об органах дознания (ст. 41 и следующие).

Итак, в статье 40 о «начальнике следственного подразделения и его полномочиях» можно найти ряд положений, которые не кажутся необходимыми. Это же очевидно, что начальник следственного подразделения организывает и контролирует работу своих подчиненных.

В статье 100 говорится: «Все процессуальные действия производятся в порядке, предусмотренном этим Кодексом». На это можно сделать замечание, что ничего не изменилось бы, если бы этой статьи в Проекте не было.

В Проекте есть и другие положения такого рода. Мы предоставляем несколько примеров. Следует задаться вопросом, должен ли Кодекс отягощаться положениями, в которых говорится об очевидном. Современная законодательная методика по обыкновению придерживается правила о включении в Кодекс лишь того, что действительно должно там быть.

4. Общие принципы и защита прав человека

Статьи 7–25 Проекта перечисляют ряд принципов и положений относительно прав человека, которые должны служить «основанием криминального проведения». Этот перечень предоставляется в начале Проекта, чтобы сделать ударение на том, что он регулирует порядок проведения в уголовных делах на всех этапах.

Во многих европейских уголовно-процессуальных кодексах нет такого перечня принципов и прав человека, которые можно было бы уверенно сопоставить с предоставленным в Проекте. Такой перечень не кажется необходимым, если отдельные положения Кодекса придерживаются общепринятых принципов, а также защищают права человека. Впрочем, если сведенный перечень главных принципов и прав человека предоставляется в начале Кодекса, то следует ожидать, что он является полным. В другом случае нетрудно возразить, что те принципы и права человека, которые не вошли в этот перечень, считаются второстепенными.

Учитывая это, следует подвергнуть критике то, что такие права человека отсутствуют в статьях 7–25 Проекта, при том, что они эксплицитно защищены Европейской Конвенцией. Согласно статье 5 (2) Конвенции, арестованному или задержанному нужно сообщить причину ареста или обвинения. Статьи 5 (3) и (4) Конвенции требуют, чтобы арестованное или задержанное лицо как можно быстрее предстало перед судьей для оперативного решения вопроса о законности задержания. Эти права не упоминаются в статьях 7–25 Проекта. Некоторые из этих прав можно найти в статьях от 118 и следующих, в которых говорится о задержании и взятии под стражу, но это не выглядит достаточным, учитывая общее назначение статей 7–25. Также в статьях 7–25 Проекта мы не находим отображения права обвиненного на «допрос или проведение допроса свидетелей, которые дают показания против него» (статья 6 (3) (d) Европейской Конвенции). В статье 391 (3) (1) Проекта говорится о том, что потерпевший имеет право подвергать допросу свидетелей в суде. В статье 392 (1) повторяется, что потерпевший имеет такое право. Две статьи Проекта разрешают пострадавшему подвергать допросу свидетелей, присутствующих в суде. Впрочем, это не то же самое, что право, о котором говорится в статье (3) (d) Конвенции. Конвенция гарантирует обеспечение права пострадавшего на приведение в суд тех свидетелей, которые свидетельствуют против него

или ее с тем, чтобы он или она имели возможность подвергнуть допросу свидетеля.

Согласно статьи 12 (1) (1) Проекта, проникновение в жилище или владения человека допускается лишь по «мотивированному решению суда», т.е. судебным ордером. Второе предложение этого положения предоставляет разрешение следственным органам на проникновение в жилище или владения человека в экстренных случаях без предварительного получения судебного ордера. Как известно, в ежедневной практике исключение имеет тенденцию становиться общим правилом, так как следственным органам зачастую удобно сослаться на особые обстоятельства. Таким образом, защита со стороны судьи, о которой говорится в статье 12 (1) (1), может прекратить существование. Во избежание такой угрозы, статья 242 (5) Проекта требует одобрения судьей любого проникновения в жилище, к которому прибегают следственные органы, на протяжении 24 часов. Предлагается сделать это путем ссылки на него в статье 12 (1).

5. Исключение доказательств, добытых незаконным путем

Согласно статьи 62 (2) Конституции Украины, «обвинение не должно полагаться на доказательства, полученные незаконным путем...» Статья 8 (4) Проекта повторяет этот принцип: «Доказательства, полученные... с нарушением Конституции Украины или с нарушениями этого Кодекса... являются недопустимыми». Причиной включения этого общего исключения доказательств, полученных незаконным путем, в главу Проекта, в которой речь идет о «мерах криминального проведения», очевидно, является демонстрация того, что человеческое достоинство и справедливое криминальное проведение должны быть защищены эффективным путем.

Впрочем, общее правило статьи 8 (4) существенно ограничивается статьей 164. В связи с тем, что эта статья принадлежит к Главе «Предмет, процесс доказывания», она должна считаться общим положением о приемлемости доказательств. В пункте 2 статьи 164 говорится: «Доказательства, собранные с нарушением конституционных прав и свобод человека или с такими нарушениями этого Кодекса, которые основывались или могли основываться на их достоверности, не могут быть положены в основу обвинения». Статья 242, в которой говорится о досудовом следствии, вообще в пункте 5 ссылается на правило об исключении и его ограничении, предостав-

ленных в статье 164 (2). В результате изложения статей 164 и 242 доказательство нужно исключить лишь в том случае, если оно считается ненадежным.

Не может быть сомнений в том, что статьи 164 и 242 не согласованы со статьей 8. С точки зрения системности, статьей 8, представляется то, что потом запрещается статьями 164 и 242.

Две статьи также заслуживают критики с точки зрения содержательности. Исключение доказательства, которое выглядит «ненадежным», не имеет ничего общего с современным представлением о правилах исключения. Для того чтобы избежать ошибок, ненадежное доказательство никогда не берется за основу доказательства. С другой стороны, идея о правилах исключения состоит в том, чтобы исключать доказательство даже тогда, когда оно является надежным. Причина кроется в том, что оно было получено незаконным путем. Статья 164 Проекта смешивает традиционную концепцию исключения ненадежного доказательства с современным представлением об исключении доказательства, полученного незаконным путем — но при том надежного. Из-за такой путаницы статья 164 в конечном счете отменяет правило исключения, которое предоставляется в статье 8.

Есть два пути решения этой проблемы. Статью 8 (4) можно вычеркнуть и заменить статьей 164 (2). В этом случае Проект решит не принимать современное представление о правиле исключения. Однако это потребует изменения Конституции Украины. Возникают сомнения в том, что это будет желаемым решением.

Другой вариант состоит в перефразировании статьи 164 (2) таким образом, чтобы отделить вопрос надежности от проблемы незаконности. Если Проект предоставит определение об исключении доказательства, добытого незаконным путем, он будет приведен в соответствие с Конституцией Украины. Он также будет согласован с современными разработками западных стран и Востока, которые стремятся к защите прав человека путем сдерживания правоохранительных органов от незаконных методов расследования.

Если оставить статью 8 (4) Проекта так как есть, это не решит всех проблем. Возникает вопрос, насколько мудрым будет предоставление положения об общем исключении доказательства, полученного незаконным путем, независимо от того, какой незначительной может быть его незаконность. На нескольких примерах можно показать, в чем суть проблем. Нужно ли исключать доказательство в

том случае, когда осмотр или обыск проводились в присутствии лишь одного понятого, а не двух, как требуется? Необходимо ли исключать свидетельство свидетеля, если его не предупредили об обязанности говорить правду?

Должна ли видеозапись изнасилования быть исключена в связи с тем, что жертва изнасилования похитила запись у того лица, которое ее сделало?

Далее стоит вопрос о том, должно ли быть исключено доказательство, полученное незаконным путем, в тех случаях, когда оно действует в пользу обвиняемого. Обвиняемый, конечно, охотно согласится с принятием доказательства, но статья 8 (4) Проекта, вероятно всего, не разрешает любого исключения из правила об общем исключении.

Также неясно, что случится, если доказательство, полученное незаконным путем, используется для сбора «плодов с ядовитого дерева». Если следователь получает признание от обвиненного с применением пыток, такое признание, конечно же, должно быть исключено. Тем не менее, частью признания являются объяснения обвиняемого относительно того, где он спрятал орудие убийства. Если милиция находит это орудие, а на нем — отпечатки пальцев обвиняемого, можно ли это оружие использовать как доказательство или его нужно исключить согласно статье 8 (4) Проекта?

В конце концов, следует отметить, что в статье 455 (6) положения о суде присяжных предлагается другой вариант правила об исключении, который не согласован со статьей 8 (4) Проекта и статьей 62 (2) Конституции. Согласно статье 455, доказательство нужно исключить, если доказательство «получено со значительными нарушениями закона». Здесь важно указать, что правило об исключении, предлагаемое в статье 455, аналогично правилу об исключении, которое можно найти в Уголовно-процессуальном кодексе Испании. В разделе 11 (1) кодекса Испании говорится, что доказательство, полученное непосредственно или посредством нарушения основных прав и свобод, является недействительным».

Составители Проекта должны определиться относительно этих вопросов и разногласий. Если не сделать этого, тогда необходимость решения этих проблем предстанет перед украинскими судами. В этом случае можно ожидать продолжительного периода неопределенности.

6. Разъяснения, которые должны быть предоставлены подозреваемому и обвиняемому

В нескольких положениях Проекта речь идет о том, какие разъяснения должны предоставляться подозреваемому и обвиняемому в начале допроса.

В статье 13 предоставляется общее определение о том, что представители органов уголовного судопроизводства должны сообщить подозреваемому и обвиняемому об их правах. Это положение требует, чтобы «суд, судья, следственный судья, прокурор, лицо, которое осуществляет дознание», предоставляли такое разъяснение. Следователь не входит в этот перечень. Это является случайным упущением то ли в переводе на английский, то ли в оригинале текста. Его нужно исправить.

Согласно статей 46 и 48, подозреваемый и обвиняемый имеют одинаковые права во время допроса. В обеих статьях нет четкого изложения того, что подозреваемому и обвиняемому обязательно нужно разъяснить их права. Что касается статьи 13, то здесь предполагается, что такое разъяснение должно иметь место. Впрочем, мы бы советовали включить ссылку на разъяснение в статьях 46 и 48.

Нет ясности в том, в какой мере подозреваемый и обвиняемый имеют право на присутствие защитника во время допроса. В статьях 46 (1) и 48 (1) говорится, с одной стороны, о том, что подозреваемый и обвиняемый дают показания в присутствии защитника. С другой стороны, обе статьи, а также статья 55 (2) (1) предоставляют определение об исключениях. Подозреваемый и обвиняемый имеют право «иметь свидания с защитником после первого допроса ... если они не препятствуют проведению следственных действий». Возникает вопрос, каким образом могут подозреваемый и обвиняемый рассчитывать на присутствие защитника во время первого допроса, если они могут увидеться с защитником лишь после проведения первого допроса. Составители Проекта должны предоставить ответ на этот вопрос открытым текстом.

Защитнику необходимо разрешить присутствовать на первом допросе. В большинстве случаев главной задачей допроса является получение признания или признаний. Как только «признание или признания имеют место», участие защитника в дальнейших допросах мало чем поможет.

Далее возникает проблема в связи с тем, что, согласно статьям 46 и 48, в консультировании с защитником может быть отказано, если

оно «мешает проведению следственных действий». Вероятно, с помощью такого положения защитник может быть устранен от присутствия на всех допросах. Опыт свидетельствует, что правоохранительные органы склонны к изменению положений, которыми предоставляются такие исключения, на общие правила, которых всегда будут придерживаться в ежедневной практике.

В статьях 46 и 48 нет утверждения, что само разъяснение требуется. Статьи 168 (3) и 169 (3) дают еще одно разъяснение, которое необходимо предоставить подозреваемому и обвиняемому. Им нужно сообщить о том, что отказ от дачи показаний «может наложить ограничения на реализацию его или ее права на защиту».

В статьях 249 и 250 снова говорится о допросе подозреваемого и обвиняемого. В пункте 3 обеих статей, вероятно, идет речь о праве на присутствие защитника во время допроса без ограничений, указанных в статьях 46 и 48.

Для того чтобы исключить такие расхождения и проблемы, предлагается консолидировать разные статьи, в которых речь идет о допросе. Все проблемы относительно тех разъяснений, которые должны быть предоставлены, решаются в одной статье, а другие статьи могут при необходимости ссылаться на нее.

Такая статья о разъяснении также должна определить вопрос о том, что произойдет, если подозреваемый или обвиняемый заявят о своем желании молчать или посоветоваться. Опыт свидетельствует, что в таком случае правоохранительные органы во многих странах просто будут продолжать задавать вопросы. Таким образом, в Проекте следует включить положение о том, что допрос необходимо прекратить в тот момент, когда подозреваемый или обвиняемый изъявили желание молчать или посоветоваться.

7. Криминальные преступления и общественно опасные действия

Ряд положений Проекта касаются концепции общественной опасности.

В статье 61 (1) говорится о причинении вреда «преступлением или другим общественно опасным действием».

В статье 158 (1) предоставляется определение доказательства для доказанья совершения «общественно опасного действия».

Согласно статье 189 (4), суд может закрыть проведение дела о преступлении небольшой или средней тяжести, если признает, что лицо нельзя считать «общественно опасным».

Аналогично статья 193 (1) предусматривает закрытие проведения дела об «общественно опасном действии», содеянном лицом в возрасте до одиннадцати лет.

В статье 406 речь идет о душевнобольном подсудимом, который совершил «общественно опасное действие».

Концепция общественной опасности выглядит такой, которая возвращает нас к социалистическому периоду. Социалистическое законодательство полагалось на «материальную» концепцию правонарушения путем ссылки на общественную опасность, которую оно содержало. Концепция преступления в странах Запада, с одной стороны, определяется «формальным путем», простой ссылкой на положения, которые содержатся в специальной части уголовного кодекса. Согласно этой «формальной» концепции, преступление имеет место во всех случаях, когда совершается действие, которым нарушается одно из положений уголовного кодекса. Тогда как формальный подход помогает сделать криминальное законодательство предвиденным, вопрос о том, при каких условиях действия должны считаться общественно опасными, предусматривает ценностные суждения, а значит — размывает грань между невиновностью и виновностью.

В статье 7 (1) (1) Европейской Конвенции по правам человека говорится, что никто не может быть привлечен к ответственности за любое криминальное преступление, связанное с действием или бездеятельностью, которые не представляли криминального преступления...на время совершения». Цель этой статьи состоит в предсказуемости криминального права. Учитывая сказанное, выглядит сомнительным, что концепция общественной опасности будет согласовываться с требованием о предсказуемости статьи 7. Также следует добавить, что на сегодняшний день ни Европейский Суд, ни Европейская Комиссия не определились с этой проблемой.

8. Обязательное криминальное преследование на усмотрение прокурора

Согласно английскому переводу, в статье 179 (2) Проекта говорится о том, что деятельность прокурора, следователя и органа дознания регламентируется принципом обязательного криминального преследования. В каждом случае подозрения в совершении преступления необходимо проводить расследование и предъявлять обвинение. Это согласовывается с традиционной конституционной

философией о том, что все равны перед законом и что все преступления, которые попали в поле зрения прокурора, должны быть расследованы.

В статьях 184–198 Проекта предоставляется ряд исключений из этого сурового правила. Согласно этим статьям, судья может прекратить проведение дела по просьбе прокурора даже при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения. Предоставление полномочий судье относительно прекращения проведения в деле выглядит необходимым в том времени, когда положения резолютивного криминального права значительно расширены и содержат определения о применении правовых механизмов на все виды административных норм. Учитывая это, строгое применение правила об обязательном криминальном преследовании приведет к возникновению большого количества обвинений, которые едва ли будут правомерными.

Однако статьи 184–198 в определенной степени повторяются и не везде понятны. Итак, возникает необходимость задать ряд вопросов.

В статье 184 речь идет о «нереабилитируемых основаниях» сравнительно с «реабилитируемыми основаниями», на которые ссылается статья 183. Даже после внимательного изучения обеих статей сложно догадаться, что стоит за этими терминами.

Согласно статье 184 (2), проведение дела может быть прекращено «в связи с изменением обстоятельств». Это положение выглядит довольно общим в том смысле, что оно предоставит суду широкие возможности относительно решения вопроса о закрытии проведения дела. Суды могут всегда найти признаки «изменения обстоятельств». Имеет ли эта статья целью предоставление судам такого права? В своем контексте статья 189 ссылается на концепцию «общественной опасности», но эта концепция выглядит такой же нечеткой, как и «изменение обстоятельств».

В статье 188 (1) речь идет о том, что суд имеет «право» прекратить проведение, если действие, за которое выдвинуто обвинение, не является незаконным в связи с изменениями в законе. Можно считать, что в этом случае перед судом возникает «обязательство» закрыть проведение дела. Согласно статье 188 (3) и (4), на закрытие проведения дела требуется согласие обвиняемого. Возникает вопрос: почему обвиняемый должен давать свое согласие, если то, что он или она совершили, уже не считается незаконным?

Статьи 185 (1) и 190 касаются «действенного раскаяния» обвиняемого, которое выдвигается как требование для закрытия проведения дела. Неясно, что именно означает это «действенное раскаяние». В статье 190 (2) говорится об искреннем раскаянии и возмещении ущерба, но такие действия не всегда предусматривают признание. В криминальном проведении признание осуществляется перед судьей, прокурором или следственным органом.

В статьях 184–198 предоставлены положения, которые наиболее достоверно будут играть важную роль в повседневной практике проведения уголовных дел. Итак, было бы неплохо перестроить и перефразировать эти положения таким образом, чтобы их легче было понимать.

9. Обязательное участие защитника и назначение защиты

В соответствии с традициями континентальной Европы, в Проекте говорится об обязательном участии защитника, т.е. о такой системе, согласно которой, независимо от воли обвиняемого, защитник должен присутствовать на досудовом рассмотрении дела суда. В статье 57 Проекта изложен ряд случаев, в которых участие защитника считается обязательным. Согласно статье 57 (1) (4), защита является обязательной, если предполагается пожизненное лишение свободы. Согласно статье 57 (1) (8), защита обязательна при рассмотрении дела в суде присяжных. Суды присяжных, однако, проводятся лишь в случае, если подсудимому грозит пожизненное лишение свободы.

Эти два положения серьезно ограничивают обязательное присутствие защиты. Здесь можно предположить, что, согласно украинскому законодательству, пожизненное лишение свободы может накладываться лишь в исключительных случаях. Учитывая это, возникает вопрос: не следует ли расширить рамки обязательной защиты? Сегодня широко распространено понятие о том, что роль защиты заключается не только в борьбе за клиента, но в предоставлении помощи в определении истины, а значит — предупреждении ошибок судопроизводства.

В статье 335 (1) (2) речь идет о том, что в случаях обязательного присутствия защиты судья назначает защитника после того, как прокурор утвердил обвинительное заключение, представил дело к суду и дело готовится к судебному разбирательству. Европейский Суд принял несколько решений относительно того, что обвиняемый дол-

жен иметь защиту еще на стадии досудового проведения. Учитывая это, предлагается назначать защитника сразу после того, как выясняется, что в данном случае дело касается положения об обязательной защите.

Принцип обязательной защиты дополняется принципом, что защитник назначается по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или подсудного (ст. 58 (3) (2)). Не может даже быть сомнений в том, что консолидированная система обязательной защиты и назначение защитника отвечает статье 6 (3) (с) Европейской Конвенции.

Следует отметить, что обязательная защита не должна прибегать к такому порядку, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут подавать ходатайство о назначении защитника. Все же опыт свидетельствует, что во многих случаях участие защитника является необходимым, но ходатайство об этом не подается.

10. Ознакомление с материалами дела

Не совсем понятно, в какой мере в Проекте разрешается подозреваемому, обвиняемому или подсудимому пересматривать документальные материалы, наработанные следственными органами. Такое право необходимо для подготовки к защите, а также уравнивания широких следственных полномочий лица, которое осуществляет дознание, следователя и прокурора.

В статье 338 речь идет о том, что после того как прокурор подал обвинительное заключение и судья ведет подготовку к судебному разбирательству, подсудимый и защитник могут просить разрешения ознакомиться с протоколами дела. Судья «может» удовлетворить такую просьбу. Это правило подвергается критике по двум причинам. Во-первых, нельзя оставлять решение вопроса о том, предоставлять или не предоставлять разрешение на ознакомление с материалами дела, на усмотрение судьи. Подсудимый и защитник должны иметь «право» на такое ознакомление. Во-вторых, эта возможность предоставляется весьма поздно. Защита должна иметь возможность ознакомиться с материалами на стадии проведения расследования, но в любом случае к тому времени, когда следователь уже подготовил обвинительное заключение.

В Проекте есть ряд статей, в которых говорится об ознакомлении на этапе расследования, но ни в одной из них не идет речь о праве на ознакомление с материалами дела без ограничений. Согласно статье 46 (1), подозреваемый имеет право «ознакомиться с протоколами

следственных действий», но лишь с теми, которые выполнялись при участии подозреваемого, или по заявлению подозреваемого и лишь в случаях «непосредственно предусмотренных этим Кодексом». В статье 48 (1) речь идет об аналогичных ограничениях этого права обвиняемого. Согласно статье 55 (14), защитник, который также является адвокатом, имеет право «получать копии процессуальных документов и получать письменные сообщения», но лишь «в предусмотренных этим Кодексом случаях». Статья 300 (1) содержит требование о том, что следователь должен разрешить обвиняемому и защитнику «ознакомиться с протоколами следственных действий», но лишь в случае, если «они проводилось в их присутствии или по их ходатайству». Ссылаясь на статьи 298 и 299, статья 300 накладывает дальнейшие ограничения на право ознакомления в делах, за которыми скрывается досудовое проведение. Остается неясным, почему выдвигается такое условие.

Мы увидели бы больше логики, если бы статья 300 давала право на ознакомление в тех случаях, когда прокурор выносит обвинительное заключение, т.е. когда обвиняемый должен с помощью защитника подготовить защиту.

Статья 6 (3) (b) Европейской Конвенции предоставляет право на «необходимые средства для подготовки защиты». В общем понимании сюда входит право на оповещение о доказательствах, собранных следственными органами. Кто-то может заметить, что, согласно порядку уголовного проведения в Украине, «обвинительного заключения» (статья 304) информирует обвиняемого о сути выдвинутого против него или нее обвинения. Тем не менее, следует помнить о том, что «обвинительное заключение» поступает довольно поздно, т.е. когда закончен сбор доказательств и в заключении нет всей информации, которая содержится в материалах расследования.

Итак, предлагается объединить целый ряд статей, в которых речь идет об ознакомлении, и прибавить в Проект положения, которыми защитнику предоставляется право, а в определенной степени и обвиняемому на ознакомление с материалами расследования без любых ограничений даже на этапе расследования в процессе проведения дела. Это будет отвечать современному европейскому порядку проведения уголовных дел.

11. Осмотр, дознание и обыск — статьи 263–278

В английском тексте Проекта различаются понятие осмотра (статья 263) и обыска (статья 270). Неясно, в чем заключается разница. Возможно, эта проблема касается перевода. Также непонятно, почему человек может стать объектом обыска (статья 273), но не осмотра (статья 270).

Согласно статье 273, для обыска не требуется судебный ордер. Это очевидно, касается и физического дознания и медицинского опознания лица (статья 266). Из того, что нам известно, Европейский Суд еще не решал вопрос о необходимости судебного ордера в таких случаях. Все же вопрос о предоставлении разрешения на проведение медицинского исследования, что является серьезным вмешательством в частную и физическую сферы, без санкции судьи выглядит довольно проблематичным. В Проекте явно присутствует возможность рассмотрения судьей (статьи 317–324) проведенных мер, но такую защиту вряд ли можно считать достаточной.

12. Суд дознания и принцип состязательности

В статье 20 (1) говорится: «Рассмотрение всех дел в судах происходит на началах состязательности сторон». Учитывая это, можно ожидать, что Проект предлагает ввести суд, который будет придерживаться правил состязательного порядка.

Впрочем, это не так. Суд, предлагаемый Проектом, будет работать согласно традиционной модели дознания. Заглавие главы 40 Проекта, в которой содержится положение о суде, звучит так: «Судебное следствие». На суде судья решает, какие доказательства будут представлены и в каком порядке (статья 387 (2)). Судья подвергает допросу подсудимого и свидетелей (статьи 388 и 391).

За последние сто лет в Европе сложилась тенденция перехода от суда дознания к состязательному суду. Впрочем, это не означает, что нужно вводить состязательный суд. Суд дознания также может считаться справедливым порядком, если он беспристрастно защищает права подсудимого и дает возможность защите принимать участие в представлении доказательств.

Итак, Проект не подлежит критике за преимущественное предпочтение традиционного суда дознания. Однако статью 20 нужно изменить, так как она выдвигает принцип, который побуждает к ошибочным ожиданиям.

Впрочем, Проект содержит ряд отдельных положений, которые выглядят проблематичными.

1) Права подсудимого и защитника принимать участие в представлении доказательств весьма ограничены. Да, действительно, они могут задавать дополнительные вопросы после того, как судья закончил допрос свидетеля (статья 391 (3)). Защитник может задавать дополнительные вопросы после того, когда судья закончил подвергать допросу подсудимого (статья 388 (2)). Впрочем, только в конце суда после того, как судья закончил работу с представлением доказательств, защитник может обратиться с просьбой о заслушивании дополнительных свидетелей или представлении других доказательств (статья 407 (1)). Слишком поздно! Это может серьезно ограничить защиту, так как защитник должен ждать и следить за тем, как представляются все доказательства против подсудимого — доказательства, которые убедительно доказывают его вину. Только после этого он может подать обращение о предоставлении доказательств, которые говорят в пользу подсудимого и которые, в конце концов, могут быть такими же убедительными. Опыт свидетельствует, что уже после представления убедительных доказательств против подсудимого защитнику сложно исправить положение.

Статья 407 (1) также неправильно составлена с практической точки зрения. Если защита только в конце суда может обратиться с просьбой о предоставлении дополнительных доказательств, судья, который проводит, скажем, громоздкий суд, который может длиться несколько недель или месяцев, должен возвращаться к некоторым вопросам, с которыми велась работа уже достаточно давно. Это будет неоправданная трата времени и усложнит процесс принятия доказательств.

Чтобы решить эти проблемы, необходимо разрешить защите в любое время — во время суда или до суда — обращаться с просьбой о принятии дополнительных доказательств. Кроме того, защита должна иметь право на предоставление соответствующих доказательств даже вопреки возражению судьи.

2) В статье 402 речь идет о том, что «протоколы следственных действий» могут зачитываться на суде. Очевидно, что такие протоколы должны считаться доказательством. Если бы допрос свидетелей, по большому счету, заменить на представление протоколов записи сказанного ими на этапе проведения лицами, которые проводят дознание, или следователями досудовых допросов, то суд бы свелся

к зачитыванию протоколов. Нет сомнений в том, что такой порядок противоречит требованию о том, что подсудимый должен иметь возможность «подвергнуть допросу или уже подверг допросу свидетелей, которые свидетельствуют против него» (статья 6 (3) (d) Европейской Конвенции).

3) В статье 386 (1) речь идет о том, что в начале суда судья спрашивает, понятно ли подсудимому обвинение, признает ли он себя виновным, оспаривает ли он обстоятельства дела, установленные досудовым следствием, и желает ли давать показания. Лишь после этого, согласно статье 388 (1), его предупреждают о том, что он или она могут отказаться давать показания. Однако право на отказ от дачи показаний, которые могут быть использованы против человека, требует, чтобы сперва делалось предупреждение, даже до того, как будет поставлен вопрос о том, к какой защите желает прибегнуть подсудимый.

4) Согласно статье 363 (3), председательствующий в суде может «отстранить» защитника от участия в деле в случае нарушения им порядка в судебном заседании. Что бы не означало это «устранение», выглядит сомнительным, необходимо ли предоставлять судье полномочия отстранять защитника от проведения дела. Этим можно лишить защитника возможности построить для клиента сильную защиту. Частью роли защиты является возражения в адрес судьи и возражения против решений судьи. Учитывая это, лучшим решением в таких случаях может быть отсылка рапорта в местный союз адвокатов, а они уже могут обратиться к необходимым дисциплинарным мерам.

13. Суд присяжных

В статье 447 (1) говорится о том, что суд присяжных основывается на «принципе состязательности», но, согласно статье 455, является «судовым следствием», как и суд без присяжных. Итак, можно сказать, что сомнительная услуга предоставляется самой идее состязательности, тогда как суд присяжных вообще следует за моделью дознания. Чтобы решить эту проблему, необходимо изменить статью 447 (1).

Согласно статье 448 (2), прокурор и защита имеют право на отвод кандидатов в присяжные. Впрочем, остается открытым вопрос, на каком основании они могут принять решение об отводе. Для принятия взвешенного решения им нужно предоставить возможность

задавать вопросы присяжным или хлопотать о том, чтобы судья опросил их. В противном случае такой отвод сведется к своего рода лотерее.

В статье 455 (4) речь идет о том, что в суде присяжных сначала представляются доказательства обвинения, а уже потом — доказательства со стороны защиты. Это как бы привносит элемент состязательности в судебное разбирательство. Впрочем, остается неясным, как будут отделены доказательства обвинения от доказательств защиты. Все доказательства находятся в материалах следствия, которые следователь передает прокурору, а тот, в свою очередь, судье. Требуется ли от судьи искусственно разделить доказательства, которые содержатся в материалах следствия?

КОММЕНТАРИИ К ОТДЕЛЬНЫМ СТАТЬЯМ ПРОЕКТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

1. Связь обвиненного со свидетелями — статья 48 (3)

Статья 48 (3), среди прочего, запрещает обвиняемому пытаться принудить свидетеля отказаться от дачи показаний. Соответственно, обвиняемому будет запрещено обращаться к своей жене с просьбой воспользоваться своим правом отказа от дачи показаний — а такое право она имеет согласно статье 76 (3) (1).

Возникает вопрос, не расходится ли запрет, предлагаемый в Проекте, со статьей 8 (1) Европейской Конвенции, которая защищает «право на уважение частной и семейной жизни» обвиняемого? Если не разрешать обвиняемому сказать своей жене о том, что его могут посадить в тюрьму, а семья будет вынуждена жить на социальные дотации, если она будет давать показания против него, это, конечно, будет вмешательством в семейную жизнь. В таком и аналогичных случаях защита неприкосновенности частной жизни должна приобрести приоритетное значение и преобладать над интересами правового принуждения.

2. Право на отказ от дачи показаний — статья 76 (2)

Статья 76 (2) указывает ряд лиц, которые могут отказаться от дачи показаний с целью защиты личных и профессиональных интересов. Возникает вопрос, не требует ли защита таких интересов включения других лиц. Врачи должны иметь право не давать показаний отно-

сительно информации, которую они получили исходя из конфиденциальных отношений со своими пациентами. К членам парламента не должно относиться требование о разглашении конфиденциальной информации или данных о лицах, от которых они получили такую информацию, или если они получили информацию в связи со своим политическим положением. Это поможет средствам информации с большей эффективностью выполнять роль контроля над правительством.

Необходимо добавить, что право на отказ от дачи показаний должно быть также предоставлено и другим лицам, которые работают с упомянутыми специалистами. В противном случае их право на отказ от дачи показаний нетрудно обойти.

3. Сроки задержания — статьи 119 (1) и 125 (3)

Согласно статье 119 (1) (1), срок задержания — без судебного ордера — не должен превышать 72 часов. Однако в статье 125 (3) заявляется, что в случае предоставления задержанным обжалования задержания, т.е. ходатайства об освобождении, оно должно быть заслушано на протяжении пяти дней.

Язык английского перевода статьи 125 (3) непонятен. Если в ней речь идет о том, что задержание можно увеличить еще на пять дней после истечения первых 72 часов, это не отвечает Европейской Конвенции. Согласно статье 5 (3) Европейской Конвенции, арестованное или задержанное лицо должно «незамедлительно» предстать перед судьей. По делам, которые решались Европейским Судом, срок в 72 часа, т.е. три дня и еще плюс пять дней — это слишком много.

4. Оповещение лиц о задержании и взятии под стражу — статьи 123 (5) и 141 (3)

В статьях 123 и 141 речь идет о том, что по обыкновению о задержании лица или взятии его под стражу следует оповестить одного из его близких родственников или другое близкое лицо. Исключения делаются в случаях, которые отвечают «интересам досудового расследования». В таких случаях необходимо сообщить адвокату, чтобы не допустить исчезновения подозреваемого.

5. Связь обвиняемого с защитником — статья 142 (2)

Статья 142 (2) разрешает свидание с задержанным обвиняемым только «в присутствии представителя администрации места содер-

жания под стражей». Кроме того, присутствовать имеет право лицо, которое осуществляет дознание, следователь и прокурор. Эти ограничения явно касаются свидания задержанного обвиняемого с защитником.

Это не отвечает статье 6 (3) (с) Европейской Конвенции, в которой речь идет о минимальном праве на «правовую помощь». Европейский Суд в деле С. (Швейцария, — решение от 28 ноября 1991 года; серия А, номер 220) растолковал это положение так, чтобы охватить это право задержанного обвиняемого «на общение со своим адвокатом таким образом, чтобы их не слышало третье лицо / не достигало слуха тюремной администрации». Невозможно сохранить конфиденциальность при подготовке к защите, если работать под надзором работников тюрьмы или даже следственных органов.

Предлагается дополнить статью Проекта положением о возможности свиданий задержанного обвиняемого с защитником без надзора. В этой статье нужно также указать, что не должны открываться почтовая корреспонденция между задержанным обвиняемым и защитником. Европейский Суд еще не решил этот вопрос, но широкая общественность уже приняла то, что право на обмен корреспонденцией по почте, на который не распространяется контроль, также нужно экстраполировать со статьи 6 (3) (с) Европейской Конвенции.

6. Решение о предупредительных мерах — статья 145 (1) (2)

В статье 135 (1) (2) говорится: «Представление о предупредительных мерах в виде передачи под надзор милиции, отстранение посредством домашнего ареста, взятие под стражу осуществляет следственный судья по согласованию с прокурором или это делает прокурор, а также суд или судья».

Текст непонятный. Если в статье речь идет о том, что прокурор может принимать решение о взятии под стражу, это не отвечает Европейской Конвенции. Согласно статье 5 (3) Европейской Конвенции, право принимать решение о взятии лица под стражу остается за судьей.

7. Помещение в медицинское учреждение — статья 154 (1)

Статья 154 (1) разрешает помещение свидетеля и жертвы в медицинское учреждение на срок до двух месяцев для проведения медико-психиатрического обследования. Так как статья ссылается на «су-

довую» экспертизу, целью такого мероприятия является обследование на предмет душевного состояния. Если это предположение соответствует действительности, возникает вопрос: может ли такое серьезное вмешательство в личную свободу быть оправдано попыткой удостовериться в том, что свидетель или жертва способны говорить правду? Статья 5 Европейской Конвенции не дает полномочий на вмешательство в личную свободу человека с такой целью.

8. Общая обязанность сообщения о преступлениях — статья 199 (1)

Статья 199 (1) требует от каждого сообщать службам охраны правопорядка о содеянных преступлениях. Так как в статье не идет речь о любых исключениях, она может сработать таким образом, что вся страна превратится в аппарат донесений. Например, жена будет иметь правовые обязанности оповещать милицию о том, что ее муж совершил преступление, а друзья — о совершении преступлений близкими друзьями. Нет сомнений в том, что такая Оруэловская система, по которой все люди должны присматривать друг за другом, не сработает, и ее вряд или можно считать желаемой.

9. Общие правила расследования — статья 241 (4)

Статья 241 (4) запрещает применение «насилия, угроз и других незаконных мер», а также «создание опасности для жизни и здоровья человека» при проведении следственных действий. Статья не прибегает к другим вопросам, которые считаются не менее важными, таких как обман, применение наркотиков, использование детектора лжи и помещение информатора полиции в камеру вместе с задержанным обвиняемым с целью получения признания. Очевидно, что европейские страны не пришли к полному согласию относительно того, в какой мере такие технологии могут быть оправданы. Все же мы бы посоветовали разработчикам Проекта занять четкую позицию по этим вопросам.

10. Протокол допроса подозреваемого, обвиняемого — статья 251

В статье 251 предоставлено весьма подробное изложение того, что должно входить в протокол, который ведется во время допроса подозреваемого или обвиняемого. Предлагается также отмечать в

протоколе, что подозреваемому и обвиняемому были предоставлены соответствующие разъяснения до начала допроса. Эту часть протокола должны отдельно подписать подозреваемый или обвиняемый. Статью 254 (2) можно некоторым образом взять за образец, так как в ней говорится о требовании занесения в протокол допроса сведений о предоставленных свидетелю разъяснениях.

11. Присутствие адвоката во время допроса свидетеля – статья 252 (3)

Статьей 252 (3) свидетелю разрешается присутствие адвоката во время допроса. Впрочем, адвокат не имеет «права задавать вопросы свидетелю и делать замечания по поводу ответов свидетеля». Лишь после допроса свидетеля адвокату разрешается делать «заявления». Эти ограничения сводят роль адвоката к простому держанию свидетеля за руку. Эти ограничения могут усложнить допрос, так как не исключают повторения допроса свидетеля после того, как адвокат сделал заявление. После еще одного раунда допроса адвокат снова делает заявление и т.д.

Ограничение, похоже, основывается на идее о том, что адвокат может воспрепятствовать установлению истины. Впрочем, это предположение не имеет оснований. Опыт свидетельствует, что адвокат скорее помогает свидетелю в даче показаний и таким образом старается избегнуть недоразумений. Итак, ограничение нужно изъять.

12. Очная ставка – статья 257

Согласно статье 257, следователь может провести «очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых есть разногласия». Следует предположить, что термин «лицо» включает как свидетелей, так и обвиняемого. То есть, в статье 257 речь идет о своего рода предварительном суде до самого суда.

Порядок проведения очной ставки перед следователем следует поставить под сомнение с разных точек зрения. Во-первых, нельзя ожидать, что следователь будет действовать как нейтральный или объективный судья. Во-вторых, очная ставка, во время которой он будет задавать основные вопросы и на которой не присутствует защитник, должна считаться типичной процедурой дознания. Едва ли она согласовывается с моделью состязательного порядка, которая выдвигается в статье 20. В-третьих, возникает вопрос, какую роль протокол такой очной ставки будет играть в самом судебном заседа-

нии. Если его использовать как доказательство, он в какой-то мере может нивелировать само судебное заседание. Итак, предлагаем изъять статью 257.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы рассмотрели только самые существенные проблемы и недостатки Проекта. Его необходимо основательно пересмотреть, чтобы подвести к стандартам Европейской Конвенции и современным европейским правовым принципам.

Среди прочего, положения Проекта должны быть выписаны четко и сжато. Они не должны повторяться или подтверждать очевидное, а носить общий и абстрактный характер где только возможно. Тем не менее, они должны быть конкретными и подробными, когда это необходимо для ограничения полномочий органов криминального проведения и защиты прав человека.

Август 2004 года

ДОКУМЕНТЫ И ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Секретные документы времен Второй мировой войны

© Чув Ф. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. — М., 1998. — С. 177–178.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Приказ № 0078/42

22 июня 1944 года
г. Москва

НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
И НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы

сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывают в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. **Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага.** Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому, в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины,

приказываю:

1. **Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.**

2. Выселение производить:

- а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;
- б) **во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;**
- в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии;
- г) **выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скряться одним и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.**

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль: а) завести в особых отделах специальные дела на каждого; б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел; в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12-ю и 25-ю карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Зам. народного комиссара обороны Союза ССР,
маршал Советского Союза

БЕРИЯ
ЖУКОВ

© Центральный государственный архив общественных объединений Украины
(бывший партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины).
Ф. 1, оп. 16, д. 68, л. 2–10.

© Білосі. Репресивно-феодална система в Україні 1917–1953. – Київ: Либідь, 1994. –
С. 469–477.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Военный прокурор войск МВД
Украинского округа
15 февраля 1949 г. № 4/001345

Секретарю Центрального Комитета
КП(б) Украины
товарищу Н.С. Хрущеву

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ФАКТАХ ГРУБОГО НАРУШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ т. н. СПЕЦГРУПП МГБ

Министерством госбезопасности Украинской ССР и его управлениями в западных областях Украины в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья **широко применяются т. н. спецгруппы, действующие под видом бандитов «УПА»**. Этот весьма острый метод оперативной работы, если бы он применялся умело, по-настоящему конспиративно и чекистски подготовленными людьми, несомненно, способствовал бы скорейшему выкорчевыванию остатков бандитского подполья.

Однако, как показывают факты, грубо провокационная и неумная **работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилия над местным населением** не только не облегчают борьбу с бандитизмом, но наоборот, усложняют ее, подрывают авторитет советской законности и, бесспорно, наносят вред делу социалистического строительства в западных областях Украины.

Например:

1. В марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ «Крылатым», дважды посещала дом жителя с. Грицки Дубовицкого р-на Ровенской области ПАЛАМАРЧУКА Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов «УПА», жестоко истязала ПАЛА-

МАРЧУКА Г.С. и его дочерей ПАЛАМАРЧУК А.Г. и ПАЛАМАРЧУК З.Г., обвиняя их в том, что якобы они «выдавали органам МГБ украинских людей». «Крылатый» и участники его группы **подвергали пыткам ПАЛАМАРЧУК А. Г. и ПАЛАМАРЧУК З.Г., подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжело избивая, заставили ПАЛАМАРЧУК З.Г. и ПАЛАМАРЧУК А.Г. дать показания, что они с органами МГБ связаны не были, а, наоборот, были связаны с участниками украинского националистического подполья.**

Участники спецбоевки предупредили членов семьи ПАЛАМАРЧУКА о том, что если они посмеют заявить органам Советской власти о посещении их дома бандитами, то над ними будет учинена расправа. На основании полученных таким провокационным путем «материалов» 18 июля 1948 г. Дубровицким РО МГБ ПАЛАМАРЧУК З.Г. и ПАЛАМАРЧУК А.Г. были арестованы, причем, как заявили арестованные, **сотрудники райотдела МГБ во время допросов их также избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами.** В результате вмешательства Военной прокуратуры провокационный характер обвинения ПАЛАМАРЧУК З.Г. и ПАЛАМАРЧУК А.Г. был установлен, и постановлением УМГБ от 24 сентября 1948 г. дело по обвинению указанных лиц было прекращено.

2. В ночь на 22 июля 1948 г. **спецгруппой МГБ** из с. Подвысоцкое Козинского р-на Ровенской области был уведен в лес местный житель КОТЛОВСКИЙ Федор Леонтьевич, **которого участники спецгруппы подвергали пыткам**, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива и в том, что якобы он выдавал органам Советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали цель **путем истязаний и угрозы лишения жизни** заставить КОТЛОВСКОГО дать показания, что он является врагом Советской власти. В результате истязаний КОТЛОВСКИЙ находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 г. По заключению больницы, КОТЛОВСКОМУ Ф.Л. **были нанесены тяжелые телесные повреждения с явлениями сотрясения мозга и омертвлением мягких тканей тела.**

3. В ночь на 22 июля 1948 г. той же спецгруппой был уведен в лес житель с. Ридкив МИХАЛЬЧУК С.В., **инвалид Отечественной войны.** В лесу МИХАЛЬЧУК был подвергнут допросу, во время которого **его связывали, подвешивали и тяжело избивали**, добиваясь таким путем показаний о связи с бандитами. Продержав МИХАЛЬ-

ЧУКА в течение 2 суток в лесу, участники спецгруппы его отпустили, причем в результате избиений он в течение 7 дней находился на стационарном излечении в больнице.

4. В ночь на 23 июля 1948 г. этой же спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гр-ка РЕПНИЦКАЯ Нина Яковлевна, 1931 г.р. (т.е. 17 лет. — В.К.). В лесу РЕПНИЦКАЯ была подвергнута пыткам. Допрашивая РЕПНИЦКУЮ, участники спецгруппы тяжело ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали. В беспомощном состоянии РЕПНИЦКАЯ была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой пострадавшая находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия т. н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями. Не располагая достаточными материалами, т. н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвами их произвола часто становятся лица, не причастные к украинско-бандитскому националистическому подполью.

Наряду с этим следует указать, что этот метод работы органов МГБ хорошо известен ОУНовскому подполью, которое о нем предупреждало и предупреждает своих участников. В частности, об этом свидетельствует факт обнаружения у убитого бандита «Гонты» полного отчета о провокационных действиях спецгруппы МГБ в отношении гр-на КОТЛОВСКОГО.

Не являются также секретом подобные «операционные комбинации» и для тех лиц, над которыми участники спецгрупп чинили насилия, например:

В августе 1948 г. Военной прокуратурой было прекращено дело арестованных Львовским областным управлением МГБ СТОЦКОГО Степана Петровича и ДМИТРУК Екатерины Григорьевны. Указанные лица в сентябре 1947 г. были незаконно арестованы и поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса вынуждены были оговорить себя.

Насколько жестокими были пытки, которым подвергались указанные выше граждане, свидетельствует тот факт, что СТОЦКИЙ с 22 сентября 1947 г. по январь 1948 г. находился на излечении в Лопатинской больнице и в стационаре внутренней тюрьмы УМГБ

по поводу глубоких и обширных язв, образовавшихся в результате физического воздействия на мягкие ткани тела. В процессе следствия выяснилось, что Стоцкому стало известно, что его избивали не бандиты, а лица, имеющие отношение к органам МГБ. В связи с отсутствием материалов для предания суду **СТОЦКИЙ** и **ДМИТРУК** почти спустя год после их ареста из-под стражи были освобождены.

В апреле 1943 г. Львовским облуправлением МГБ была освобождена из-под стражи **ЗАЦЕРКОВНАЯ Мария**, 1927 г. р., арестованная Заболоцким РО МГБ Львовской области. В процессе расследования дела было установлено, что **ЗАЦЕРКОВНАЯ была пропущена через спецбоекву, где, будучи избитой и под угрозой повешения,** вынуждена была оговорить себя, что состоит в «ОУН» и является станичной.

10 октября 1948 г. Здолбуновским райотделом МГБ Ровенской области был арестован за пособничество бандитам житель хутора Загребля Здолбуновского района **ДЕМБИЦКИЙ Петр** Устинович. **ДЕМБИЦКИЙ** обвинялся в том, что по заданию бандитов «ОУН» собирал для них зерно. Расследованием установлено: в сентябре 1948 г. к нему в дом явились вооруженные бандиты и потребовали, чтобы он среди жителей хутора собрал для них 30 центнеров хлеба. Боясь репрессии за невыполнение этих требований, **ДЕМБИЦКИЙ** обратился к некоторым жителям хутора с просьбой собрать зерно, но граждане ему отказали. Спустя несколько дней к **ДЕМБИЦКОМУ** вновь явилось несколько вооруженных человек и, дав ему время один час, приказали собрать у жителей хутора зерно и доставить в указанное место.

Боясь неизвестных, **ДЕМБИЦКИЙ** запряг свою лошадь, погрузил на повозку 3 мешка лично ему принадлежащего зерна и повез это зерно в указанное неизвестными место. Однако неизвестные, как оказалось участники спецгруппы МГБ, доставили **ДЕМБИЦКОГО** в райотдел МГБ, где был составлен акт о задержании **ДЕМБИЦКОГО** с поличным. После ареста **ДЕМБИЦКОГО** в Военную прокуратуру явилась его жена, которая среди посетителей вела разговоры о том, что под видом бандитов действовали сотрудники МГБ, запугавшие и спровоцировавшие ее мужа.

Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны и, как показывает следственная практика, если в отдельных случаях спецгруппам путем насилия и запугивания все

же удается получить «признательные показания» от отдельных лиц о связи их с бандитским подпольем, то добросовестное и проведенное в соответствии с требованиями закона расследование неизбежно вскрывает провокационную природу этих «признательных показаний», а освобождение из тюрьмы арестованных по материалам спецгрупп влечет за собой дискредитацию советской законности, органов МГБ и возможность использования каждого случая [провокаций] во вражеских, антисоветских целях украинскими националистами.

Выступая в роли бандитов «УПА», участники спецбоевок МГБ занимаются антисоветской пропагандой и агитацией. Однако серьезная опасность подобной деятельности заключается не только в этом. **Выступая в роли украинских националистов, участники спецбоевок идут дальше по линии искусственного, провокационного создания антисоветского националистического подполья.**

Как показало расследование, проведенное Управлением охраны МГБ Ковельской ж. д. по делу Ногачевского Ф. И. и других, спецгруппа Ровенского областного управления МГБ в составе «Степового», «Верхового» и других, действуя провокационным путем, проводила среди граждан Козинского района Ровенской области антисоветскую агитацию, обрабатывала граждан в националистическом духе, создала из местного населения антисоветскую националистическую группу в составе 9 человек, через которую проводила сбор денежных средств и продуктов питания якобы для нужд «УПА».

Не говоря уже о том, что подобная «деятельность», которую кое-кто пытается оправдать соображениями оперативного характера, прямо направлена против мероприятий партии и правительства, проводимых в западных областях Украины, кто может поручиться за то, что «обработанные» таким провокационным путем лица не уйдут из-под контроля органов МГБ и не совершат террористический акт, диверсию или иное злодеяние. Ведь имеют же место факты, когда в результате беспечности и притупления бдительности со стороны отдельных работников МГБ даже агентура МГБ выходила из-под контроля органов государственной безопасности и занималась антисоветской деятельностью.

Например: в ночь на 13 сентября 1948 г. в с. Ставки Ровенского района Ровенской области участниками антисоветской националистической организации был разоружен боец самообороны КОВАЛИШИН и совершен террористический акт над жительницей с. Став-

ки КУЧИНЕЦ Лидией Фадеевной, являвшейся секретным сотрудником органов МГБ.

Как установлено предварительным и судебным следствием, организаторами данной националистической группы и инициаторами убийства гр-ки КУЧИНЕЦ Л. Ф. являлись секретные сотрудники Ровенского РО МГБ — ПАРФЕНЮК Н. В. и ГРИЦАЙ С. И., которые в результате преступного делячества и притупления бдительности со стороны начальника РО МГБ майора ЕГОРОВА к уголовной ответственности привлечены не были.

Получив данные о причастности ПАРФЕНЮКА и ГРИЦАЯ к националистической организации, разоружению бойца группы самоохраны и убийству гр-ки КУЧИНЕЦ Л. Ф., начальник РО МГБ майор ЕГОРОВ вызвал ПАРФЕНЮКА и ГРИЦАЯ в РО МГБ и, установив в беседе с ними, что они являются организаторами и участниками перечисленных выше преступлений, тем не менее не арестовал их, а по «оперативным соображениям» отпустил. Воспользовавшись этим, ПАРФЕНЮК и ГРИЦАЙ, предупредив о возможных арестах других участников террористической группы, скрылись.

Участники спецбоевок МГБ совершают ограбления местных граждан. По сообщению Козинского райпрокурора Ровенской области, в июле 1948 г. на территории района ими были ограблены граждане ШВЕЙДА Йосиф, ГРАБОВСКИЙ Иван и другие. Подобные факты имели место и в других областях и районах. Эти грабежи, как и другие нарушения советской законности, оправдываются также оперативными соображениями и не только рядовыми работниками МГБ, но и самим министром тов. САВЧЕНКО, **который в беседе со мной заявил: «Нельзя боевки посылать в лес с консервами. Их сразу же расшифруют».**

Таким образом, грабежи местного населения спецбоевиками рассматриваются как неизбежное зло, и политические последствия подобных эксцессов явно недооцениваются.

Насилия и грабежи, даже самый факт **появления в населенном пункте спецбоевок, действующих под видом банды**, как и любое бандитское проявление, действует на жителей устрашающе и, несомненно, мешает делу социалистического строительства в западных областях УССР, создает у некоторой части населения ложное мнение о том, что бандитское подполье еще сильно, что его следует бояться и т. п.

ОУНовские бандиты терроризируют граждан, желающих вступить в колхозы, но если в селе появляется не ОУНовская банда, а действующая под видом банды спецбоевка, от этого положение не меняется. В этом отношении характерен следующий случай:

28 сентября 1948 г. колхозники села Завалье по телефону сообщили в Каменец-Подольский горотдел МГБ, что в селе появилась вооруженная банда в составе 12 человек, которая подошла к кооперативу и колхозному амбару, проверила замки, а затем проследовала в направлении с. Слободка-Рихтецкая.

Фактически это была не ОУНовская банда, а спецбоевка Тернопольского областного управления МГБ. Характерно, что эту спецбоевку приняли за банду не только колхозники, но и работники Каменец-Подольского горотдела МГБ, откуда для ликвидации «банды» на грузовой автомашине была направлена группа сотрудников и офицеров Каменец-Подольского военного училища МВД. Эта «операция» закончилась тем, что в результате аварии автомашины были убиты офицеры — ст. лейтенант ХАРЧЕНКО И. П. и лейтенант КИРПАЧЕВ В. М., а 16 офицеров и шофер-солдат КОНДРАЦКИЙ получили телесные повреждения.

Примеры из деятельности спецгрупп, повлекшие преступные результаты, можно бы было продолжить, но материалы, которыми располагает Военная прокуратура, конечно, не исчерпывают всех случаев нарушения советской законности, допускаемых спецгруппами. Факты, о которых я докладываю Вам, были вскрыты в процессе расследования конкретных следственных дел, однако не каждый случай нарушения советской законности находит свое отражение в следственных делах и расследуется. Мне кажется, что большинство фактов именно не расследуются.

Больше того, если Военная прокуратура и ставит перед МГБ УССР вопросы о наказании преступников, грубо попирающих советские законы, то со стороны МГБ УССР это не находит должного и быстрого реагирования: выискиваются не столько доказательства преступной деятельности лиц, грубо нарушивших закон, сколько различные поводы для того, чтобы «опровергнуть» факты, сообщенные Военной прокуратурой, и заволокитить следствие.

Например, о фактах грубейшего нарушения законности спецбоевиками УМГБ Ровенской области Военная прокуратура сообщила в МГБ УССР еще в начале октября 1948 г., но тем не менее преступники были арестованы только в феврале с. г., причем до ареста их на-

чальник Управления МГБ по Ровенской области тов. Шевченко пытался опровергнуть факты, вскрытые Военной прокуратурой, и убедить секретаря Ровенского обкома КП (б)У тов. БЕГМУ, что эти факты якобы расследовались и не нашли подтверждения.

Органы МГБ под руководством партии проводят огромную работу по выкорчевыванию остатков украинско-националистического бандитского подполья, в борьбе с которыми хороши все средства и нужны хитрость и изворотливость.

Но, несмотря на сложность обстановки и коварство врага, недопустимы нарушения партийных и советских законов, недопустимы нарушения постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. и постановления ЦК КП(б)У от 23 января 1948 г., на что Вы, Никита Сергеевич, неоднократно указывали.

Поэтому как коммунист, для которого партийные решения являются незыблемым законом жизни, я считаю своим долгом о приведенных выше фактах доложить Вам.

*Военный прокурор войск МВД
Украинского округа полковник юстиции
Кошарский*

■

Защита жертв вооруженных конфликтов

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (протокол II)

Принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года

<http://www.hro.org/editions/karta/nr9/zashit.htm>

ПРЕАМБУЛА

Высокие Договаривающиеся Стороны,

напоминая, что гуманитарные принципы, изложенные в статье 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, лежат в основе уважения человеческой личности в случае вооруженного конфликта, не носящего международный характер,

напоминая далее, что международные документы, касающиеся прав человека, предоставляют основную защиту человеческой личности,

подчеркивая необходимость обеспечить лучшую защиту жертв таких вооруженных конфликтов,

напоминая, что в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность остается под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания,

согласились о нижеследующем:

ЧАСТЬ I. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО ПРОТОКОЛА

Статья 1 – Основная сфера применения

1. Настоящий Протокол, развивающий и дополняющий статью 3, общую для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, не изменяя существующих условий ее применения, применяется ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие статьи 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол 1), и происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол.

2. Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку такие не являются вооруженными конфликтами.

Статья 2 – Сфера применения в отношении отдельных лиц

1. Настоящий Протокол применяется без какого бы то ни было неблагоприятного различия, основанного на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии или вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного статуса, или на каких-либо других подобных критериях (именуемых далее «неблагоприятным различием»), ко всем лицам, затрагиваемым вооруженным конфликтом, как он определен в статье 1.

2. По окончании вооруженного конфликта все лица, которые были подвергнуты лишению или ограничению свободы по причинам, связанным с таким конфликтом, а также лица, которые подвергаются лишению или ограничению свободы по тем же причинам после конфликта, пользуются защитой, предусмотренной статьями 5 и 6, до конца периода такого лишения или ограничения их свободы.

Статья 3 – Невмешательство

1. Ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как затрагивающее суверенитет государства или обязанность правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства.

2. Ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как оправдание прямого или косвенного вмешательства по какой бы то ни было причине в вооруженный конфликт или во внутренние или внешние дела Высокой Договаривающейся Стороны, на территории которой происходит этот конфликт.

ЧАСТЬ II. ГУМАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Статья 4 – Основные гарантии

1. Все лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных обрядов. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и без какого-либо неблагоприятного различия. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых.

2. Без ущерба общим положениям, указанным выше, запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте следующие действия в отношении лиц, упомянутых в пункте 1:

- а) посягательство на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности убийства, а также такое жестокое обращение, как пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний;
- б) коллективные наказания;
- в) взятие заложников;
- г) акты терроризма;
- д) надругательство над человеческим достоинством, в частности унижительное и оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме;
- е) рабство и работорговля во всех формах;
- ж) грабеж;
- з) угрозы совершить любое из вышеуказанных действий.

3. Детям обеспечиваются необходимые забота и помощь, в частности:

- а) они получают образование, включая религиозное и нравственное воспитание, согласно пожеланиям их родителей или, в случае отсутствия родителей, тех лиц, которые несут ответственность за попечение над ними;
- б) принимаются все необходимые меры для содействия воссоединению временно разъединенных семей;
- в) дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы и им не разрешается принимать участие в военных действиях;
- г) особая защита, предусматриваемая настоящей статьей в отношении детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста, продолжает применяться к ним, если они принимают непосредственное участие в военных действиях, вопреки положениям подпункта в), и попадают в плен;
- д) в случае необходимости и по возможности с согласия их родителей или лиц, которые по закону или обычаю несут главную ответственность за попечение над ними, принимаются меры для временной эвакуации детей из района военных действий в более безопасный район внутри страны, при этом обеспечивается сопровождение их лицами, ответственными за их безопасность и благополучие.

Статья 5 – Лица, свобода которых была ограничена

1. В дополнение к положениям статьи 4 в отношении лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, интернированы они или задержаны, соблюдаются, как минимум, следующие положения:

- а) раненые и больные пользуются обращением в соответствии с положениями статьи 7;
- б) лица, указанные в этом пункте, в такой же степени, как и местное гражданское население, снабжаются продовольствием и питьевой водой, им обеспечиваются условия для сохранения здоровья и соблюдения гигиены, а также предоставляется защита от суровых климатических условий и опасностей вооруженного конфликта;
- в) им разрешается получать помощь в индивидуальном или коллективном порядке;

- г) им разрешается отправлять свои религиозные обряды и, при наличии соответствующих просьб и когда это уместно, получать духовную помощь от лиц, таких как священники, которые выполняют религиозные функции;
- д) в случае привлечения к работе они обеспечиваются условиями труда и защитой, аналогичными тем, которые предоставляют местному гражданскому населению.

2. Те, кто несет ответственность за интернирование или задержание лиц, о которых говорится в пункте 1, соблюдают также, в пределах своих возможностей, следующие положения, касающиеся таких лиц:

- а) за исключением случаев совместного размещения мужчин и женщин, составляющих одну семью, женщины содержатся в помещениях, отделенных от помещений, занимаемых мужчинами, и находятся под непосредственным надзором женщин;
- б) им разрешается посылать и получать письма и почтовые карточки, количество которых может быть ограничено компетентными властями, если они сочтут это необходимым;
- в) места содержания интернированных и задержанных лиц не должны находиться вблизи зоны боевых действий. Лица, упомянутые в пункте 1, должны быть эвакуированы, если места их интернирования или задержания подвергаются прямой опасности в результате вооруженного конфликта, если их эвакуация может быть осуществлена в достаточно безопасных условиях;
- г) они пользуются правом на медицинское обследование;
- д) их физическому или психическому состоянию здоровья и неприкосновенности не наносится ущерб путем какого-либо неоправданного действия или упущения. Соответственно запрещается подвергать лица, указанные в настоящей статье, каким бы то ни было медицинским процедурам, необходимость в которых не вызвана состоянием здоровья соответствующих лиц и которые не отвечают общепринятым медицинским нормам, применяемым в отношении свободных лиц при аналогичных с медицинской точки зрения обстоятельствах.

3. Лица, на которых не распространяются положения пункта 1, но свобода которых каким бы то ни было образом ограничивается по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, пользуются

гуманным обращением в соответствии со статьей 4 и пунктами 1.а), в) и г) и 2.б) настоящей статьи.

4. Если принимается решение об освобождении лиц, лишенных свободы, те, кто принимает такое решение, предпринимают необходимые меры для обеспечения безопасности этих лиц.

Статья 6 – Уголовное преследование

1. Настоящая статья применяется к судебному преследованию и наказанию за уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом.

2. Никакое судебное решение не выносится и никакое наказание не налагается в отношении лица, признанного виновным в правонарушении, кроме как на основе приговора суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности. В частности:

- а) процедура должна предусматривать, чтобы обвиняемый был без промедления информирован о деталях правонарушения, вменяемого ему в вину, и предоставлять обвиняемому до и во время суда над ним все необходимые права и средства защиты;
- б) ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение, кроме как на основе личной уголовной ответственности;
- в) ни одно лицо не может быть признано виновным в каком-либо уголовном правонарушении в связи с каким-либо действием или упущением, которое не являлось уголовным правонарушением по закону во время его совершения; равным образом не может налагаться более суровое наказание, чем то, которое было применено, если было совершено данное уголовное правонарушение; если после совершения правонарушения законом устанавливается более легкое наказание, то действие этого закона распространяется и на данного правонарушителя;
- г) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана по закону;
- д) каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, имеет право на судебное разбирательство в его присутствии;
- е) ни одно лицо не может быть принуждено к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

3. При вынесении приговора осужденному должно быть сообщено о его праве на обжалование в судебном или ином порядке, а

также о сроке, в течение которого он может воспользоваться этим правом.

4. Смертный приговор не выносится лицам, которые в момент совершения правонарушения не достигли восемнадцатилетнего возраста, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей.

5. По прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишённым свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были они интернированы или задержаны.

ЧАСТЬ III. РАНЕННЫЕ, БОЛЬНЫЕ И ЛИЦА, ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Статья 7 — Защита и уход

1. Все раненные, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, независимо от того, принимали ли они участие в вооруженном конфликте, пользуются уважением и защитой.

2. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и предоставляют им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход, которых требует их состояние. Между ними не проводится никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских.

Статья 8 — Розыск

Во всех случаях, когда это позволяют обстоятельства, и в особенности после боя, безотлагательно принимаются все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненных, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, и оградить их от ограбления и дурного обращения, обеспечить им необходимый уход, а также к тому, чтобы разыскать мертвых и воспрепятствовать их ограблению и подобающим образом захоронить.

Статья 9 — Защита медицинского и духовного персонала

1. Медицинский и духовный персонал пользуется уважением и защитой, ему оказывается всевозможная помощь для выполнения им

своих обязанностей. Он не должен принуждаться к выполнению задач, не совместимых с его гуманитарной миссией.

2. Нельзя требовать, чтобы при выполнении своих функций медицинский персонал отдавал предпочтение какому-либо лицу, кроме как по соображениям медицинского характера.

Статья 10 — Общая защита лиц, выполнявших медицинские функции

1. Ни при каких обстоятельствах ни одно лицо не может быть подвергнуто наказанию за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой, независимо от того, в интересах какого лица выполняются эти функции.

2. Лица, выполняющие медицинские функции, не могут принуждаться к совершению действий или выполнению работ в нарушение норм медицинской этики или других медицинских норм, служащих интересам раненых и больных, или в нарушение положений настоящего Протокола, а также к невыполнению действий, требуемых такими нормами и положениями.

3. С учетом национального законодательства необходимо уважать профессиональные обязательства лиц, выполняющих медицинские функции, связанные с информацией, которую они могут получить относительно раненых и больных, которые находятся на их попечении.

4. С учетом национального законодательства ни одно лицо, выполняющее медицинские функции, никоим образом не может быть подвергнуто наказанию за отказ предоставить информацию или за непредоставление информации относительно раненых и больных, которые находятся или находились на его попечении.

Статья 11 — Защита медицинских формирований и санитарно-транспортных средств

1. Медицинские формирования и санитарно-транспортные средства в любое время пользуются уважением и защитой и не могут быть объектом нападения.

2. Защита, на которую имеют право медицинские формирования и санитарно-транспортные средства, прекращается лишь в том случае, если они используются для совершения враждебных действий, выходящих за рамки их гуманитарных функций. Однако предостав-

ление защиты может быть прекращено только после предупреждения с установлением, когда это требуется, разумного срока и после того, как такое предупреждение не было принято во внимание.

Статья 12 — Отличительная эмблема

Под контролем соответствующих компетентных властей предусматривается ношение или размещение на видном месте отличительной эмблемы: красного креста, красного полумесяца или красного льва и солнца на белом фоне, медицинским или духовным персоналом, медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами. Она пользуется уважением при всех обстоятельствах. Эмблема не должна использоваться не по назначению.

ЧАСТЬ IV. ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Статья 13 — Защита гражданского населения

1. Гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями. В целях осуществления этой защиты при всех обстоятельствах соблюдаются следующие нормы.

2. Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население.

3. Гражданские лица пользуются защитой, предусмотренной настоящей частью, если и до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях.

Статья 14 — Защита объектов, необходимых для выживания гражданского населения

Запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий. Поэтому запрещается в этих целях подвергать нападению, уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и ее запасы, а также ирригационные сооружения.

Статья 15 — Защита установок и сооружений, содержащих опасные силы

Установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно плотины, дамбы и атомные электростанции, не должны быть объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения.

Статья 16 — Защита культурных ценностей и мест отправления культа

Без ущерба для положений Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов, и использовать их для поддержки военных усилий.

Статья 17 — Запрещение принудительного перемещения гражданских лиц

1. Не должны отдаваться распоряжения о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, если необходимость в этом не вызвана требованиями обеспечения безопасности упомянутых гражданских лиц или настоятельными причинами военного характера. В случае необходимости осуществления таких перемещений принимаются всевозможные меры для приема гражданского населения в условиях, удовлетворительных с точки зрения обеспечения крова, гигиены, здоровья, безопасности и питания.

2. Гражданские лица не должны принуждаться покидать свою собственную территорию по причинам, связанным с конфликтом.

Статья 18 — Общества помощи и операции по оказанию помощи

1. Общества помощи, находящиеся на территории Высокой Договаривающейся Стороны, такие как организации Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца), могут предлагать услуги с целью выполнения своих традиционных функций в отно-

шении жертв вооруженного конфликта. Гражданское население может, даже по своей собственной инициативе, предлагать подбирать раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, и ухаживать за ними.

2. Если гражданское население испытывает чрезмерные лишения из-за недостаточного обеспечения запасами, существенно важными для его выживания, такими как продовольствие и медицинские материалы, то с согласия заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны проводятся операции по оказанию помощи гражданскому населению, которые носят исключительно гуманитарный и беспристрастный характер и осуществляются без какого-либо неблагоприятного различия.

Женева

Краткий словарь терминов ненасильственной борьбы для журналистов

подготовлен Институтом им. Альберта Эйнштейна

<http://www.philosophy.ru/library/vopros/61.html>
A JOURNALIST'S BRIEF GLOSSARY OF NONVIOLENT STRUGGLE
by the Albert Einstein Institution

За последние годы массовые движения в Польше и на Филиппинах, в Южной Африке, Советском Союзе и Китае бросили вызов своим правительствам ненасильственным бунтом и сопротивлением, которые иногда шли бок о бок с насилием, а иногда полностью исключали его.

В прошлом подобные движения имели место в Иране (1978–1979 гг.), Чехословакии (1968–1969 гг.), на юге Соединенных Штатов Америки (1950–1960 гг.), в Индии (с 1920-х до 1940-х гг.) и во многих других странах.

Корреспонденты газет, радио и телевидения, описывая эти события, обычно признавали их ненасильственный характер, но зачастую использовали в своих сообщениях неточную терминологию.

Мощная, динамичная борьба часто именовалась «пассивной» только потому, что не использовались методы насилия.

На многотысячные демонстрации, носившие ярко выраженный ненасильственный характер, наклеивался ярлык «насильственных» только из-за какой-либо акции, предпринятой горсткой людей, или даже тогда, когда организованные по всем правилам ненасильст-

венные демонстрации были жестоко атакованы полицией или войсками.

Сам термин «ненасилие» часто необдуманно использовался для характеристики абсолютно различных явлений, начиная от пассивности и подчинения в пацифизме эмишей и кончая убеждениями Корасон Акино.

Другие термины, такие как «сила народа», «гражданское сопротивление», «пассивное сопротивление», «сатьяграха» и т.п. также использовались для описания ненасильственной борьбы, но при этом не уделялось должного внимания точности значений этих терминов.

Журналистам, редакторам и комментаторам просто необходимо владеть более точной терминологией для характеристики действий и идей в этой сфере.

Мы подготовили этот буклет с целью помочь журналистам дать в средствах массовой информации глубокий анализ ненасильственной борьбы, что особенно важно сейчас, когда эти проявления встречаются все чаще и их политическое значение возрастает.

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ

БЕСКРОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ: Увенчавшийся успехом государственный переворот, осуществленный без кровопролития. Не путать с ненасильственной борьбой, хотя такой переворот иногда является продолжением ненасильственного сопротивления и протеста против правительства.

БОЙКОТ: Отказ от социального, экономического и политического сотрудничества.

СОЦИАЛЬНЫЙ БОЙКОТ (ГРАЖДАНСКАЯ ЗАБАСТОВКА):

Общее прекращение всех видов социальной активности — экономической, общественной и политической всеми членами сообщества для достижения общей политической цели.

ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ: Намеренное, открытое и мирное несоблюдение определенных законов, декретов, инструкций, приказов армии и полиции или других правительственных распоряжений. Приказы не выполняются в силу того, что они могут быть расценены как незаконные или аморальные, или символизирующие политику, против которой выражается протест.

Метод гражданского неповиновения может использоваться как отдельными лицами, так и малочисленными или многочисленными группами людей.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБОРОНА: Политика государственной обороны, направленная на отражение агрессии, как внутренней (т.е. государственного переворота), так и внешней (т.е. интервенции), путем подготовки населения и государственных институтов к массовому ненасильственному сопротивлению и неповиновению. Такая стратегия, в широком плане, включает в себя отрицание целей захватчиков, блокирование работы их аппарата, подрывную работу в армии. Проведение такой политики отдельно или в сочетании с военными действиями принесло определенные результаты в ряде европейских стран.

ГРАЖДАНСКИЙ БУНТ: Ненасильственное восстание против диктатуры или другого непопулярного режима, которое включает общее отрицание законности данного режима, массовые стачки, крупные демонстрации, прекращение экономической активности, повсеместный отказ от политического сотрудничества. Отказ от политического сотрудничества может включать в себя акции государственных служащих и неповиновение армии и полиции. На заключительных этапах обычно создается параллельное правительство. В случае успеха путем гражданского бунта можно добиться свержения существующего режима в течение нескольких дней или недель, в отличие от длительной борьбы, которая может затянуться на месяцы и годы. В результате гражданского бунта свергнутые лидеры обычно бывают вынуждены покинуть страну. Примером может служить изгнание из страны Фердинанда Маркоса (1986) и иранского шаха (1979). Гражданский бунт также называют «ненасильственным бунтом».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БОЙКОТ: Полное прекращение или приостановка экономического сотрудничества — купли-продажи, предоставления товаров и услуг — часто совмещается с усилиями по привлечению других к подобным действиям. Может осуществляться на местном, региональном, национальном и международном уровнях.

ОТКАЗ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: использование экономического бойкота или забастовок, или того и другого вместе, против оппонента.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: Обычно — установление международных экономических бойкотов и эмбарго. Этот термин может быть использован и в контексте внутренних конфликтов в отношении забастовок, экономических бойкотов, прекращения экономической деятельности, а также при интервенции.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: Масштабное приостановление всей экономической деятельности города, региона или страны, способное парализовать всю экономику. Включает в себя всеобщую забастовку рабочих одновременно с закрытием предприятий их владельцами и управляющими.

ЭМБАРГО: Экономический бойкот, начатый и поддерживаемый правительством.

ГОЛОДОВКА: Намеренное воздержание от приема пищи или только отдельных ее видов. В условиях общественного или политического конфликта может сопровождаться обращением, призывающим к изменению определенных отношений. Может ставить своей целью заставить противника пойти на определенные уступки. В таком случае — это голодная забастовка.

СИЛА: 1) применение силы (включая угрозы и применение санкций, которые могут носить как насильственный, так и ненасильственный характер). Например: «сила, порожденная движением гражданского неповиновения».

2) лицо или группа лиц, применяющих силу как определено в п. 1; обычно употребляется во множественном числе. Например: «силы, находящиеся в распоряжении правительства».

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА: Прекращение работы большинством рабочих в наиболее важных отраслях промышленности данного региона или страны, направленное на остановку экономической деятельности с целью достижения политических или экономических целей. Забастовка, как правило, не распространяется на такие жизненно важные области, как здравоохранение, снабжение питанием и водой. Такие забастовки могут быть символическими, продолжаться в течение часа, проводиться с целью выразить определенное мнение по тому или иному вопросу, или же могут ставить перед собой более масштабные задачи — парализовать экономику, чтобы вынудить оппонента пойти на уступки.

ВОЕННЫЙ МЯТЕЖ: Отказ полиции или армии подчиняться приказам. В крайних случаях может повлечь за собой единичное или

массовое дезертирство. Может расцениваться как ненасильственная акция только в том случае, если мятежники не прибегают к насилию.

ОТКАЗ ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА: Действия по намеренному ограничению, приостановлению или прекращению социального, экономического или политического сотрудничества с государственными учреждениями, режимом или правительством. Представляет собой один из основных методов ненасильственных действий.

НЕНАСИЛИЕ: 1. Поведение людей, характеризующееся отказом от применения насилия в конфликтных ситуациях.

2. Некоторые учения, отрицающие насилие из принципа, а не только как недейственное средство.

В других значениях этот термин лучше не употреблять, так как это только внесет неопределенность и путаницу. Для описания характерных действий рекомендуются следующие термины: «ненасильственные действия», «ненасильственное сопротивление» или «ненасильственная борьба».

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: Способ поведения в конфликтных ситуациях, когда участники ведут борьбу и выполняют — или отказываются выполнять — определенные действия, не применяя физического насилия. Такие действия представляют собой альтернативу как пассивному подчинению, так и насилию. Такой способ поведения включает в себя несколько специфических методов, которые можно сгруппировать в три основных класса: ненасильственный протест и убеждение, отказ от сотрудничества и ненасильственное вмешательство. Разнообразие методов объясняется различием движущих мотивов, целей, путей достижения успеха (механизмов) и отношением между ненасильственными и другими формами действий.

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА: Строгое следование разработанной стратегии и тактике той или иной акции, а также принципам поведения, основанным на ненасилии, даже перед угрозой репрессий. Дисциплина является главным фактором, способствующим достижению успеха движением ненасильственной борьбы.

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: Ненасильственная борьба, ведущаяся в основном путем отказа от сотрудничества.

Применяется как ответная реакция на принятие какого-либо закона или политического курса, не получившего одобрения, или непопулярные действия правительства. Более емкие термины «ненасильственные действия» и «ненасильственная борьба» преимущественно используются для определения более общего метода ненасильственных действий или таких акций, в которых ненасильственные группы проявляют инициативу или просто принимают участие, как, например, в сидячих забастовках.

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ САНКЦИИ: Методы проведения ненасильственных действий. Этот термин используется особенно в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что эти методы представляют собой не только экспрессивное поведение, но и предполагают реальные пути к достижению власти и влияния, возможности налагать наказания и определять цены.

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА: Синоним «ненасильственных действий». Этот термин употребляется, когда хотят особо отметить то, что в конфликтных ситуациях ненасильственные действия приобретают особенно целенаправленный и атакующий характер. Термин «ненасильственная борьба» особенно хорошо подходит для описания ненасильственных действий, предпринятых против непреклонного и изобретательного противника, который в своей борьбе прибегает к репрессиям и контрмерам.

ПАЦИФИЗМ: Учения, принципиально отвергающие любое насилие. Пацифизм не тождественен методу ненасильственных действий. Ненасильственные действия обычно применяются как практическое средство людьми, которые не являются пацифистами. Пацифизм, как минимум, отрицает всякое участие в международных или гражданских войнах или насильственных революциях. Пацифисты могут поддерживать ненасильственную борьбу или же выступать против нее, исходя из этических соображений, когда она слишком конфликтна.

ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: В XIX веке этот термин использовался для определения ненасильственной борьбы. В настоящее время он отвергается в силу его неправильности. Определение «пассивные» никак не подходит для характеристики приведенных примеров отказа от сотрудничества и открытого неповиновения.

СИЛА НАРОДА: Сила мобилизованного народа и его институтов, использующих ненасильственные формы борьбы. Этот термин особенно часто употреблялся в отношении ненасильственного бунта на Филиппинах в 1986 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БОЙКОТ: См. «Отказ от политического сотрудничества».

ОТКАЗ ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: Отказ от обычного повиновения политической системе или от участия в ее функционировании с целью добиться удовлетворения определенных требований или развалить правительство. Отказ от политического сотрудничества может выступать в большом разнообразии форм, включая отказ от лояльности, гражданское неповиновение «незаконным» законам и отказ правительствам в дипломатическом признании. Синоним «политического бойкота».

САНКЦИИ: Меры воздействия, насильственные или ненасильственные, в ответ на нарушение установленного порядка. Ненасильственные санкции в меньшей степени, чем насильственные, являются средствами принуждения и больше предназначены для достижения поставленной цели.

См. также «ненасильственные санкции».

САТЯГРАХА: Представления М.К. Ганди о ненасильственных действиях и его более полное учение о соединении ненасильственно-го личного поведения и социальной ответственности.

ЗАБАСТОВКА: Намеренное сокращение или прекращение работы, обычно временное, с целью оказания давления на предпринимателей, а иногда и на правительство. Забастовки могут принимать различные формы и различаться по масштабу и продолжительности.

См. также «отказ от экономического сотрудничества».

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ: Процесс вытеснения (замены) военных методов обороны усиленно укрепляющейся общественной обороной. «Переворужение противопоставляется «разоружению», которое предусматривает простое сокращение или отказ от военных средств защиты, ничего не предоставляя взамен для обороны страны.

См. также «общественная оборона».

НАСИЛИЕ: Лишение жизни, нанесение человеку телесных повреждений или применение угроз. Нельзя провести четкую грань между «насилием» и «ненасилием». Это две крайности, между которыми находятся еще несколько категорий, включая и «разрушение собственности».

При освещении демонстраций или движения сопротивления, которые имеют в основном или исключительно ненасильственный характер, требуется особая осторожность, чтобы отделить их от отдельных актов насилия, предпринятых малочисленными группами людей. Последние могут являться результатом недисциплинированности отдельных участников или же подрывной деятельности провокаторов или других политических групп. Также нельзя характеризовать демонстрацию как «насильственную», если к ней было применено насилие со стороны полиции и войск, но она тем не менее сохранила ненасильственную дисциплину. ■

Abstract

EDITORIAL

THE PROBLEM OF CRUELTY IN THE MODERN SCIENCE

The Social and Legal Aspects

JEAN-DANIEL VIGNY, CECILIA THOMPSON. The Future of the Main Standards of Humanity

During last fifty years the character of the world conflicts quite changed: there were more internal conflicts than international, especially in the form of internal disorders. It could be some tension or conflict; civil war on internal conflict without clear and permanent sides; appearing and disappearing conflicts and situations when the whole nation is in danger.

The authors come to conclusion that chosen and collected in one document standards of humanity should be submitted to the UN Human Rights Commission that should support this document and promote its among states, NGOs, field officers, international organizations and mass-media.

The main standards will serve as mean for spreading the knowledge; will promote international humanitarian law, human rights and laws protecting refugees.

A.GUSEJNOV. Nonviolence Ethics

Words «ethics of nonviolence» often perceived as tautology and often cause a question — is there a possibility of the ethics of violence? Actually ethics in terms of morality or normative ideal is corresponding to the definition of nonviolence. Moreover there is no other form of the culture including the world religions that is so closely connected with non-violent attitude; when the ethics of pleasure meant it could be opposing to ethics of contemplative bliss, when the ethics of goodwill is meant generally it is something opposite to the ethics of results = in this and other similar cases the definition high-

lights certain feature of morality attributing to it substantial meaning. The ethics of nonviolence has other logical status since nonviolence that is the essence of the goodness could be the synonymous of the ethics itself. However except this general and overwhelming meaning of the ethics of non-violence has a special meaning connected with moral experience of our times.

DAVID ROSENTHAL. Legal and Technical Aspects of Combating Racism on Internet

Any estimation of the Internet users could be only very rough. But they show the importance of the problem of racism on the internet — even in European countries (material mostly covering them), not to mention USA, potential audience of racist.

The Historical Aspect

HENRY DAVID THOREAU. On the Duty of the Civil Disobedience

The great American public activist and philosopher, scientist, writer and poet Henry David Thoreau set his native town Concordia situated near picturesque Walden Lake against himself by living autonomously at another side of the lake.

That experience became the plot of his famous book «Walden or life in the woods».

In his other famous work «On the duty of civil disobedience» Thoreau discusses imperfection of governmental machine and importance of personal development; contrast between legality and justice.

The Medical Aspects

The main Rules of the Recognition and Treatment of Mental Disorders of the Refugees

The Psychological Aspect

MATTHEW LIPMAN. Education aimed at violence decreasing and promoting peacefulness

This article was written by Matthew Lipman — famous theorist of education, director of Institute for the Advancement of Philosophy for Children, Montclair State College. He guided the development of the concept and program for philosophy tuition in school (from 1st to 11th grade) that gained the popularity in many countries worldwide.

In 1993 the group of psychologists of Harvard University conducted the research and came to conclusions: children learn to be violent and if it is so,

they could be taught alternative forms of behavior. One of the most important recommendation — one should start teaching children to be nonviolent from early age, especially from 4 to 8 years before aggression gets rooted in behavior stereotypes. Researches consider introducing special programs on dealing with emotions, negotiating and conflict resolution to be the main and the most effective among practical means.

MIKHAIL RESHTNIKOV. Psychopathology of Heroical Past and Future Generations

Quite often politicians get into armed conflicts being ruled by so-called «high governmental (or national or religious) goals». And after a short time that is shorter than one-generation age, heroic and bright surface of certain war victory (or loss) becomes less vivid. Quite unheroical details start to appear from secret documents, from nightmares of soldiers and witnesses. The war can't be clean. And not only former soldiers pay for the sin of blood and violence. We all pay, people who live at present time.

This article is warning. And it is quite unusual for us, former soviet people.

PETER VESTI, MARIANNE KASTRUP. Psychotherapy for Torture Survivors

Since the late 1970s, a group of medical doctors in Copenhagen has treated survivors of torture who have obtained asylum in Denmark. The model of psychotherapy that is discussed in this article has been developing from the experience at the Rehabilitation and Research Centre for Torture Victims in Copenhagen.

The authors draw the conclusion: torture induces predictable reactions of physical and psychological nature that disrupt the individual's ability to live a full life; many psychotherapeutic techniques are now available, but their relative efficacy has not been scientifically assessed.

Advices: How to Overcome Stress

All refugees are familiar with stress. Some people are more vulnerable to it than other. The reasons for stress could be prevented or their impact could be weakened and to improve this way physical and psychological condition of the person.

THE CRUELTY AND REFUGEES

MARINA GUTGARTS. Psycho-social work with refugees

Any specialist dealing with refugees performs social worker's functions to some extent. If we consider refugees to be normal population in extraordinary

situation that makes difficult or sometimes impossible to satisfy all their needs than we must admit the importance and need for social work.

The author considers main principles of work with refugees and professional functions of social worker. Article also gives a lot of practical advices and recommendations.

KOS A.M. The Work of Volunteers with Refugee Children

Social connections are very important for processes of getting control and coping behavior of children that survived the war. During the war natural social networks interactions weakens or stops at all. Thanks to volunteers this interaction could be broadened and enriched. They can contribute to support and well-being of children-refugees and children war-survivors. This article dedicated to the issue of implementing volunteering to school system.

THE INTERNATIONAL AND NATIONAL ORGANISATIONS ACTIVITY

Berlin Center for the Treatment of Torture Victims (BZFO)

The work with refugees: the Assessments forms

The Berlin Center for the Treatment of Torture Victims (BZFO) was founded in 1992 with support from the German Red Cross. The bzfo is a non-profit association committed to the rehabilitation of torture victims. The idea for the establishment of a treatment center was born out of the confrontation with the history of Nazi medicine, the subsequent refusal of a large part of the German medical profession to face up to the Holocaust survivors and to grant them reparation and rehabilitation.

The refugees and asylum seekers are the main categories in the center for today.

We present you the Assessment Forms with are used the BZFO for assess the psychological and somatic state of the clients and their social relationship.

We are thanking BZFO for information.

Ukrainian Helsinki Human Rights Union

VOLODYMYR YAVORSKY. Concept of New Draft of Criminal Procedure Code of Ukraine

There was round table on September 13-14 of 2006 dedicated to doctrinal directions of new draft of Criminal Procedure Code of Ukraine where the concepts elaborated by National Commission on Criminal Procedure Code were presented.

Council of Europe

Comments of the Council of Europe experts to the draft of the Criminal Procedure Code of Ukraine

DOCUMENTS AND USEFUL INFORMATION

Secret documents of WW II Times (USSR)

Protection of Victims of Armed Conflicts

Protocol II (1977): Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts.

Adopted on June 8, 1977 by the Diplomatic Conference on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law applicable in Armed Conflicts presided over by Pierre Graber of Switzerland.

A journalist's brief glossary of non-violent straggle by the Albert Einstein Institution

